

ОСЕННИЙ ЛИС
ДРАКОНОВЫ СНЫ

Дмитрий
СКИРЮК

ЖУГА
ОСЕННИЙ ЛИС

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*
Оформление *В. Безкровного*

Скирюк, Дмитрий Игоревич.

С42 Жуга. Осенний лис / Дмитрий Скирюк. — Москва : Эксмо, 2023. — 992 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-04-162514-6

Травник Жуга потерял семью, свой род и понимание, кто он на самом деле. Дорога стелется под ноги, и, устремив взгляд в горизонт, Жуга пытается найти ответы на вопросы судьбы, обретая друзей и врагов, узнавая, что такое любовь и ненависть. Его путь кажется долгим, а небо бескрайним, но море бесконечно, а надежда не умирает никогда.

Жизнь меняется, сотрясаются основы, правители раздирают мир в клочья — отыщет ли Жуга свое место среди подступающего хаоса?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162514-6

© Скирюк Д.И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

От автора

К роману «Осенний лис» у меня отношение особое. Двадцать лет прошло со времени его публикации и почти двадцать пять — с момента написания первых строк. Так сложилось, что у него никогда не было нормального редактора — всё ограничивалось литературной правкой, не всегда качественной. Сегодня многое изменилось. Я стал старше, прибавилось опыта. Курсы литературного мастерства, которые я много лет веду один и в соавторстве, заставляют меня строже относиться к своим старым текстам. Сейчас я вижу недостатки, которые ранее скрылись от моего внимания.

Я благодарен издательству «ЭКСМО» и лично Дмитрию Малкову, с подачи которого произошло переиздание этого романа в наши нелёгкие времена. К новому изданию я настолько серьёзно переработал текст, что впору говорить о второй авторской редакции. Велико было желание вообще всё переписать, но я отказался от этого соблазна. Что сделано, то сделано.

Глядя с высоты прожитых лет на себя, двадцатилетнего, я вижу порывистого, угловатого, но яркого и самобытного автора. Главной трудностью оказалось сохранить эту «непричёсанность», которая выделяет книгу из ряда ей подобных и за которую, вероятно, её до сих пор хвалят и ругают. Конечно, мой дебютный роман несовершенен, но почему-то именно он остаётся самым популярным из всего, что написано мной. Может быть, причина в этой самой «несовершенности»? Искренность чувств, свежесть подачи, обаяние юности, желание раздвинуть каноны жанра, попробовать новое, пусть даже в ущерб читательскому восприятию, — вот главные достоинства этого романа.

Всему своё время. Тогдашний «я» не смог довести его до ума: ему не хватило знаний и опыта, он был слишком упрям и самоуверен. Но сегодняшний «я» ни за что не написал бы подобный роман: он научился смотреть на мир так наивно и восторженно. И это прекрасно, что сегодня мы встретились и поладили, хотя это было нелегко.

А теперь читайте. Предисловие не должно быть длинным.

Искренне ваш
Дмитрий Скифюк

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

1

Человек на вершине холма наблюдал, как рождается день. Он сидел здесь неподвижный, словно камень, на фоне медленно светлеющего неба. Казалось, он возник ниоткуда, будто родился этой ночью — лишь только первые лучи рассвета тронули макушку старого холма, а там уже маячил этот тёмный силуэт. У ног человека лежали мешок и посох, за спиной был приторочен меч.

Минуло полчаса. И час. И полтора. Июльское солнце выпило росу, воздух потеплел. Утренний туман пополз в овраг. Поднявшийся ветер зашуршал листвой, волнами всколыхнул высокую траву, коснулся длинных спутанных волос человека на холме.

Человек не шевелился. Он ждал.

От леса, зеленеющего невдалеке, отделилось маленькое тёмное пятно. Помедлило, пересекло дорогу и двинулось через луга к холму, постепенно увеличиваясь. Вскоре можно было различить — по лугу шёл медведь. Приблизился — огромный, бурый, косматый, долгое мгновение смотрел на человека пристально и цепко, словно спрашивал, затем уселся прямо где стоял, на склоне, в двух шагах от человека.

«Зачем позвал?»

Вопрос растаял в воздухе, прежде чем он был произнесён, осталось только эхо. Но человек его услышал.

— Мне нужен твой совет, — сказал он вслух и, помолчав, добавил: — Я знаю, если ты пришёл, значит, согласен мне помочь.

«Ты знаешь, что тебе придётся заплатить?»

— Я знаю. — Человек кивнул.

Медведь уселся поудобнее, затем и вовсе лёг на траву. Вздохнул.

«Рассказывай».

— Какая будет плата?

«О плате поговорим потом. Рассказывай».

— С чего начать?

«С начала».

Человек задумался. Взъерошил рукой непослушные рыжие волосы.

— Это будет долгая история, — сказал он. — Хватит у тебя терпения и сил дослушать до конца? Я слышал, будто вы должны есть сутками, с утра до вечера...

Медведь в ответ на это лишь нетерпеливо отмахнулся.

«Времени у нас достаточно, — сказал он. — Ты выбрал земляничную поляну — это хорошо. К тому же я чувю мёд в твоём мешке».

— Да, я принёс.

«Тогда начнём».

ЖУГА

Вечерело.

Красное закатное солнце, медлительное в середине лета, уходя за горизонт, последними мягкими лучами освещало пологие уступы Хоратских гор. Тёмный хвойный лес на их склонах казался издали пушистой шубой, которой закат придавал дивный оттенок старого вина. Лесные птицы сбивчиво и спешно допевали дневные песни, и где-то в чаще ухнул, просыпаясь, филин — птица мудрая и мрачная: для него начиналось время охоты.

За узким ручьём, посреди зеленеющей долины притулилась деревушка — десятка полтора глинобитных домиков, крытых золотистой соломой, ветхие, но ещё прямые плетни, увитые хмелем и вьюнком и увенчанные крынками и горшками, хлевы, сараи, деревянная церквушка и придорожная корчма, немногим уступающая ей в размерах. Квохтали куры, мычала скотина, но не громко и суматошно, а спокойно, с ленцой. Бранились две хозяйки, что-то не поделившие. Детей на улицах не было — вечер, большинство же мужчин, влекомые жаждой, желанием почесать языки и быть подальше от сварливых жён, спешили навестить корчму. Трое четверо из них уже подпирали спинами столбики навеса, выйдя то ли проветриться, то ли просто от нечего делать. За околицей начинались зеленеющие поля — начинались и тянулись на юг и на запад, сменяясь тёмной зеленью лугов и длинными островами ещё более тёмного леса. Всё дышало миром и спокойствием.

По пыльной жёлтой ленте дороги, спускавшейся в долину с горных склонов, пружинистой походкой пастуха-горца шёл юноша с котомкой за плечами. Правая его рука сжимала гладкий ясеневый посох, сбитый и потёртый оконечник которого мог бы многое рассказать знающему человеку. Холщовые штаны и рубашка, ещё крепкие кожаные царвули¹ и овчинный кожух-безрукавка — всё было ношеным и выцветшим, но простым и добротным. Сам путник, хоть и загорелый, казался чересчур светлым для этих мест, наверное, из-за выгоревших рыжих волос, уже изрядно отросших. А может, виной тому были пронзительно-синие глаза

¹ Царвули — лёгкие открытые кожаные башмаки с обмоткой, распространённые у южных славян, болгар и некоторых других народов (болг.).

или ещё что. На вид ему было лет семнадцать-двадцать — тот неуловимый возраст, когда год-другой, а то и все пять не играют роли, не важно, в какую сторону от двадцати. Усов и бороды путник не носил.

Узкий белёсый шрам, рваные края которого тянулись от запястья к локтю на левой руке, слишком бросался в глаза на загорелой коже — короткий рукав рубахи, наверняка с чужого плеча, не прикрывал его. Намётанный глаз быстро углядел бы и второй шрам — над ключицей, такой же рваный и нехороший, нечестный, а когда парень останавливался смахнуть рукавом пот со лба и светло-рыжие пряди цеплялись за ухо, открывался ещё один косой белый рубец — на правом виске, где под кожей пульсировала синяя жилка. Владелец умной головы смекнул бы, что у путника наверняка есть и другие отметины, да и шёл он странной походкой, не поймёшь сразу, чем именно странной.

У ручья, через который был переброшен лёгкий мостик без перил, юноша постоял в задумчивой нерешительности, оглядывая деревню, напился воды, смыл с лица дорожную пыль и, подхватив посох, зашагал к корчме.

* * *

Влашек отлепился от стены, заметив интересное, и попытался сфокусировать пьяный взгляд. Кто-то шёл по дороге, то и дело оглядываясь по сторонам. Посох глухо постукивал в такт шагам.

Сегодня у Влашека с утра ничего не ладилось. Сначала разругался с женой из-за непропечённой ковриги, а когда стервова принялась бить посуду, плюнул на всё и ушёл в поле. Но и там не везло — коса как заговорённая врезалась в землю, да так, что поломался черенок. Потом конь («У, мешок травяной!» — у Влашека даже сейчас кулаки зачесались), когда его запрягали, ухитрился укусить хозяина. И в довершение всех напастей — будто этого было мало! — после третьей... нет, четвёртой кружки проиграл в кости Яну-закорючке пять менок. Пять менок!

Он мрачно закрихтел, прикидывая, как встретит это известие жена, и даже малость протрезвел, но только самую малость. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть одинокого странника, остановившегося неподалёку.

Влашеку до смерти хотелось кого-нибудь поколотить.

Путник, остановившись, улыбнулся, не разжимая губ. Кивнул:

— Вечер добрый.

— Для кого добрый, а для кого и не очень, — буркнул Влашек, почёсывая волосатой рукой потную красную шею. — Откуда путь держишь и куда?

— Иду издалёка. — Парень мотнул вихрастой рыжей головой в сторону гор. — А куда — судьба подскажет. Заночевать тут у вас хочу, а может, и пожить с недельку. Сеновал да хлеба ломоть — мне многого не надо. Если что, отработаю. Работы я не боюсь, вот только...

— Что «только»? — ехидно осведомился Влашек.

— Ничего. Может, чего подскажешь?

Влашек ухмыльнулся, подбоченился и, оглянувшись на своих дружков, стоявших у крыльца, объявил во всеуслышание:

— За проход в Чедовуху платить надобно — приказ такой вышел, ежели не слышал. А не хочешь — ходи стороной. Так что плати. Две менки.

Улыбка юноши стала холодной. Казалось, улыбаются одни глаза — сжатые в усмешке губы не сулили ничего хорошего.

— Где ж это видано, чтобы за проход платить? — спросил он. — Да и кому? Уж не тебе ли?

— Можно и мне, — снисходительно согласился Влашек.

— А ты кто будешь? — всё ещё миролюбиво спросил пришелец.

— Кто, кто! — Влашек начинал сердиться уже по-настоящему. — Не твоё дело. Сказано: плати или проваливай. Ну!

Трое отделились от корчмы и подошли, почувяв забаву. Юноша коротко взглянул на них и снова повернулся к Влашеку. В вечерней тишине коротко упали слова:

— Денег у меня нет.

— Тады, — хмыкнул Влашек, — развязывай мешок. Сами поглядим, чего с тебя взять. — Он ухарски подмигнул приятелям и расплылся в ухмылке. Те засмеялись.

— Не развяжу, — спокойно и безо всякого вызова ответил рыжий. — Уйди с дороги.

— Ха!

— Платить я тебе не стану. Отойди.

— Да ты, я вижу, борзый! — Влашек размахисто шагнул вперёд и попытался цапнуть мальчишку за ворот, но ухватил лишь воздух — двумя быстрыми шагами парень отступил назад и вбок и, взяв посох в обе руки, поднял его перед собой.

— Дубинкой, так? — В кулаках Влашека заплясал весёлый зуд. — Ах, ты значит, так? Ну так на тебе!

Влашек недаром слыл забиякой. Ещё мальцом он верховодил в потасовках с парнями из соседних деревень, и многие помнили его затрещины. Силой его Бог не обидел, он был выше этого нахального паренька и намного шире в плечах, но сегодня полоса неудач, видимо, ещё не кончилась.

Влашек готов был поклясться, что метил в лицо, но в последний миг противник непонятно как извернулся, и тонкий конец посоха ткнул Влашека в грудь так, что потемнело в глазах. Влашек изловчился, сграбастал парня за рубаху, рванул, ударил... и опять промазал: чужак присел, коротко двинул плечом, вырвался, а в следующий миг посох, описав дугу, ударил Влашека под колени. Он рухнул на спину и остался лежать, ошалело вращая глазами.

«Влашко бьют!» — крикнул кто-то, и трое приятелей бросились на подмогу. Один потянул из плетня кол, его примеру поспешил последовать

второй. Третий кол был вбит крепко, и последний из троицы, чернявый курносый недомерок, поспешил за остальными с голыми руками. Из дверей корчмы, привлечённые шумом, показались головы любопытных поселян.

В двух шагах от незнакомца они остановились, напряжённо дыша, переминаясь и прикидывая, как сподручнее его обойти. Рыжий поднял взгляд, криво, невесело улыбнулся. Во рту его не хватало нескольких зубов.

— Дайте пройти, — сказал он. — Я не хочу с вами драться.

— Может, не надо? — спросил один, покосившись на приятелей. — Он же сам...

— Чё с ним цацкаться! — крикнул самый горячий, а может, просто самый пьяный. — Бей его, ребята!

Троица ринулась в атаку.

Чужак шагнул вправо, влево, посох в его руках взметнулся, как живой, и пока драчуны соображали, что к чему, гибкий ясень уже гудел в воздухе, отбивая беспорядочные удары, гуляя по спинам и бокам, сбивая с ног. Рыжий парень кружил, отступал, уклонялся, отбивался и бил сам, отделяваясь царапинами и ушибами, пока все трое не растянулись на земле.

И тут случилось неожиданное. Побивая буйную троицу, паренёк забыл про Влашека. Тот меж тем поднялся, метнулся вперёд и вцепился в его заплечный мешок, сам не зная зачем. Пришелец рванулся, ветхие завязки лопнули, и мешок остался в руках растерянного Влашека. Мгновение он стоял, соображая, что делать, и бегом припустил по дороге.

— Стой! — с отчаянием вскричал юноша. — Эй, погоди! Да стой же! Ах... — Он бросился вдогон, но пробежал несколько шагов и встал, бессильно застонав. И сразу стало ясно, отчего походка его казалась странной: парень хромал. Хромал на правую ногу, несильно и даже не очень заметно, но бежать он не мог.

А Влашек убежал. Бросив посох, странник оглянулся на корчму, на три лежащих тела, которые уже начинали шевелиться, на появившихся на улице поселян, снова на убегающего Влашека... Лицо его исказилось. Он вытянул руку Влашеку вослед и выкрикнул непонятное — не то ругательство, не то угрозу с раскатистым «р» посередине.

Пальцы простёртой руки сжались в кулак.

Влашек бежал уже из чистого упрямства, изредка оглядываясь и скаля зубы. Мешок болтался у него за спиной на уцелевшем ремне. И вдруг поселяне ахнули: ноги Влашека стали заплетаться, он ускорил шаги, но бежал уже назад спиной вперёд. Ещё два шага — и он взвыл: «Ай-я!!!» Лицо его исказила гримаса. Не в силах устоять, он упал, горстями хватая жёлтую пыль, но неведомая сила волокла его назад на место драки, где стоял и словно бы вытягивал невидимую лесу угловатый рыжий паренёк. Влашек корчился, чертил руками борозды, ломая ногти и сдирая кожу. «Карваш!» — ахнули в толпе. Народ задвигался, зашептался. Кто-то бро-

сился бежать, многие поразевали рты: «Чур меня!», «Господи Иисусе!» Хмель быстро выветривался.

...Опомнился Влашек у ног незнакомца. Деревенские притихли, окружив обоих полукольцом, насторожённо ожидая, чем всё кончится. Подходить близко, однако, опасались.

Парень оглянулся на них, присел, забрал мешок, похлопал по нему, сбивая пыль. Встал, поднял посох.

— Мир, поселяне, — устало сказал он. — Я не хотел драки. Где живёт деревенский голова?

Старый Шелег вышел вперёд, подслеповато щурясь.

— Мир и тебе, путник. Я здесь старостой, говори, чего хочешь.

— За проход через вашу деревню и вправду надо платить?

Влашек закричал, посмотрел на ладони. Пальцы были в крови. Трое его приятелей, потирая бока, угрюмо стояли поодаль. Шелег нахмурился.

— Вы, трое, — он поманил пальцем, — сказывайте, как дело было. Кто свару затеял? Говори ты, Илеш.

Длинный и тощий Илеш замялся:

— А что мы? Ну, Влашко, он же пошутить... Да дурость это всё... вот...

— А я сразу понял, — зататорил самый младший. — Не, когда он меня дубиной... это... Я сразу понял — неспроста это! Он, поди ж ты, один против нас, а мы... А я его...

Затрещина прервала словесный водопад.

— Угомонись, — рассудительно сказал третий приятель, опуская руку. Все кругом невольно заулыбались — троих забияк отлично знали в деревне. Ухватистый темноволосый Балаж, получивший в драке невиданных размеров фингал, оглядел односельчан и опустил взгляд.

— Сам Влашко полез, — нехотя признал он. — А мы не разобрались спьяну, что да как. Оно, конечно, зря. Волох это, не иначе. А только прав он, чё говорить...

— Волох не волох, а задираться не след! — Шелег оглядел побитую троицу. — Хороши богатыри, неча сказать — один малец четверых побил... Звать тебя как, прохожий человек?

— Жуга, — поколебавшись, ответил тот, роняя ударение на «а». Все невольно посмотрели на его рыжую шевелюру, смекая, что к чему.

— Влашек озоровал, — признал старик. — Хоть и вырос, да ума не нашёл. А и ты тоже хорош: где кудесничать решил! Ты смотри не балуй! А за проход да погляд денег не берём — дело известное... Откуда идёшь, чего ищешь?

— На постой остановиться хотел, работу сыскать на время. Сам с горя, а иду издалёка, долго рассказывать.

Шелег нахмурился, пожевал усы.

— Ну, добро, — наконец решил он. — Поступай как знаешь, мы угрозы чинить не будем... Да крест-то есть на тебе? — вдруг спохватился он. Жуга кивнул, похлопал себя ладонью по груди.

Старик совсем успокоился. Зашевелились и другие — мало ли что на свете бывает!

— Ну, пошли, что ль, — сказал Шелег и первым направился в кабак. Остальные поспешили за ним. Илеш задержался на секунду, наклонился к Влашеку.

— Слышь, ты это... вставай, — неуверенно сказал он, словно боялся, что тот уж не встанет. Влашек опёрся оземь дрожащими руками, поднялся на четвереньки, затем во весь рост.

И только теперь заметил, что штаны у него мокрые.
Насквозь.

* * *

Корчма была светлой, с белёными стенами и низким чистым потолком. В воздухе витал холодный табачный дым — многие, вернувшись, снова закурили. Летали мухи. На столах тут и там стояли глиняные кружки с недопитым пивом. Жуга направился в угол у окна, сел за стол. Поселяне с лёгким опасением поглядывали, как он развязывает мешок. На столе появились хлеб, лук, кусок козьего сыра и короткий, с резной ореховой рукоятью нож. Харч у прохожего был свой, но деньги, видно, у него водились, что бы он ни говорил. Кабатчик, добродушный лысоватый толстяк по имени Михеш, сейчас, правда, несколько мрачноватый, подошёл к нему, когда о доски столешницы звякнула монетка.

— Будь здоров, путник, — сказал он. — Чего желаешь?

— Будь и ты, хозяин, — сказал он. — Почём пиво твоё?

— На менку кружку налью... — Монета не двинулась с места. — Э-э... две, — поспешил поправиться он. Кругом заусмехались.

— Годится, — одобрил Жуга. — Принеси одну.

Менка скрылась в кошеле у Михеша, а перед пришельцем появилась глиняная кружка с шапкой пены и полушка на сдачу. Жуга пригубил, кивнул довольно: «Доброе пиво» — и принялся за еду. Ел он неторопливо, совершенно обыкновенно, и вскоре это зрелище всем наскучило. За столами возобновились прерванные разговоры, сдвинулись кружки. Кто-то засмеялся. Забрякали кости в стаканчике.

— Хлеб да соль, — послышалось рядом.

Жуга поднял взгляд.

У стола стоял такой же, как и он, парень лет двадцати, с курчавой русой бородой, одетый в длинную чёрную свитку. Кружку свою он уже поставил на стол и теперь усаживался на скамейку напротив. Жуга не стал возражать, лишь кивнул в ответ.

У его нового собеседника были весёлые карие глаза, добродушное лицо и длинные волосы, когда-то подстриженные под горшок. Сложением он был покрупнее, чем Жуга, а вот в росте уступал, говорил сильно окая — и вообще выглядел нездешним.

— Меня Реслав зовут, — продолжал он.

— Жуга, — кивнул Жуга.

— Откуда родом будешь?

Жуга обмакнул луковое перо в солонку, с хрустом сжевал. Запил пивом. Ничего не ответил, лишь покосился на посох у стола — здесь ли. Но собеседник оказался не из обидчивых.

— Я сам с севера, с Онёры-реки, может, слышал? Тоже, вот, брожу по свету. Видел я, как ты драчуна потянул. Ловко! Где волховать-то сподобился?

— Где — долго рассказывать, — нехотя сказал травник. — Да и зачем тебе?

Реслав широко, по-доброму улыбнулся.

— Это можно. Ходил я в Марген, к Тотлису-магу, думал колдовской премудрости обучиться, потому что сизмальства к наукам тягу имею...

Жуга так резко вскинул голову, что мелькнул в разлёте волос шрам на виске.

— К магу? — прошептал он и уже нормальным голосом спросил: — И что у мага? Учился?

— Да в учениках у него недолго пробыл, — усмехнулся Реслав. — Как деньги кончились, уйти пришлось. Может, ещё поглядел бы маг, оставить меня или прогнать, да приятель мой, Берти Шварц, бестолочь, даром что папаша у него богатый, взорвал всю его лабораторию на хрен. Ну, Тотлис и осерчал. Я в чудесах не мастак, но чему успел, научился, потому и интересуюсь — ты тоже, гляжу, в этом кумекаешь.

Жуга слегка расслабился, черты его лица смягчились.

— С гор я иду, — сообщил он.

— Вижу, что с гор, — кивнул Реслав. — Посошок, вон, твой на макушке стёртый, там, где валашка была — топорик ваш горецкий... А вот какого ты роду-племени, в толк взять не могу. На волоха вроде не похож. Карваши, хоть и с ведовством знают, черноволосые, словно дёгтем намазаны. Вазуры одеваются не так и бороду носят, а у ладов серьга в ухе и ростом они пониже тебя... Кто ты будешь?

— У волохов я рос, — Жуга отодвинул кружку, — а что лицом с ними не схож — не моя в том вина. Как отца с матерью звали, не ведаю — подкинутый я. Старик один меня вырастил, сам травознай да заговорник был, он и учил всему, что знаю... Потом пастухом был. Такое вот...

— А-а...

Реслав помолчал, заглянул в кружку, покачал на ладони тощий кошель. Вздыхнул.

— Лет тебе сколько?

Жуга пожал плечами:

— Я не считал, другие и подавно. А тебе?

— Мне-то? Девятнадцатый идёт... Ты, я слышал, подработать хотел?

— Было дело.

— А что делать можешь? Грамоту, цифирь знаешь?

— Какой пастух счёта не знает! Только, наверное, ни к чему это здесь. Что могу? Пасти могу, само собой. Белить-красить тоже. Дрова рубить могу, сено косить... Изгородь ставить...

— А крышу?

— Что?

— Крышу крыть можешь? Меня тут хуторянин зазывал хату его наново перекрыть. Я бы взялся, да одному несподручно. Видишь, вон сидит, усатый.

Жуга печально покачал головой:

— На крыше не смогу. — Он похлопал ладонью по ноге. — Не дай бог грохнусь, век потом не заживёт.

Реслав кивнул с пониманием.

— Где покалечил-то? — спросил он. Жуга закрихтел, ничего не ответил. — Ну, ладно, на крышу сам полез. Снизу-то подмогнёшь?

— Надо думать... А платят сколько?

— Сейчас прознаем. — Реслав повернулся к соседнему столу. — Довбуш! Эй, Довбуш!

Через полчаса оба уже шагали вслед за Довбушем на недалёкие выселки, подрядившись работать за харчи, ночлег и десять менок на брата — хозяин клонул на дешевизну.

Стемнело. Высыпали звёзды, яркие, мерцающие в тёплом воздухе. Реслав старался не спешить, принаравливаясь к спутникам. Жуга, казалось, видел в темноте что твоя кошка, в то время как хуторянин поминутно спотыкался и поругивался. Довбуш был полноват, пыхтел, отдувался — немудрено, что сам не мог сработать кровлю.

— Эй, чудодей, как там тебя... Жуга! — окликнул он. — Посветил бы — луны-то нет сегодня... А, пропасть... — Нога его попала в очередную колдобину.

Жуга задумался на секунду.

— *Альто-эйя*, — негромко сказал он. Макушка посоха вдруг осветилась синеватыми сполохами. «Эва!» — ахнул хуторянин. Жуга повёл пальцами, пытаясь сделать свет поярче, но добился лишь того, что огонёк вовсе погас.

— Ах, незадача. — Реслав остановился. — Теперь не повторишь... Ну-тко, я попробую. — Он забормотал что-то вроде: «Это сюда... надо быть на конец, значит... От... Ага...», затем скомандовал: «*Эт'Северепес!*» — и замер в ожидании результата.

Перед лицом его заплясал в воздухе на тоненьких крыльях ночной светлячок. Реслав крикнул смущённо. Довбуш хохотнул.

Появилась вторая светящаяся точка. Через миг к двум добавилась третья, пятая, десятая... Вскоре перед Реславом клубилось, плясало целое облачко.

— Хватит! Довольно! — замахал он руками, но облако продолжало расти. — От чёрт! — ругался Реслав, отмахиваясь от мошкеры, и лишь когда

все трое добрались до хаты, махнул рукою. — Сгинь! — И светлячки рассеялись в ночи.

— Ну, это...

— Да, дела, — крикнул хозяин. — Вы тут со своими наговорами не очень-то, не очень! И мне спокойнее, и вам охоты озоровать меньше.

Для ночлега Довбуш выделил работникам сеновал. Реслав долго ворочался, бормотал, шлёпал комаров. Окна хаты давно уже погасли. Где-то далеко стонала ночная пичуга.

— Жуга, — позвал Реслав. — Эй, Жуга! Или спишь?

— Мм... Чего?

— Я всё спросить хотел — если у тебя в мешке одна дребедень, что ж ты на того задиру так осерчал?

— Травы у меня там, — сонно ответил Жуга, — колено лечить, да и вообще. Я и забоялся: ну как этот дундук со злости всё повыбрасывает, денег не нашедши... Можно, конечно, ещё насобирать, но ведь год на это уйдёт... А зачем ты два «ре» в наговор поставил?

Реслав смущённо заворочался.

— Это когда «Северерес»? Ну, эт-га... навроде эха, значит. Эх, забыл, как по-научному. Ранез... Ноза... Чтобы сильнее было, в общем. Ах, лучший! — Он сел, с шорохом разметав сено. — Так вот отчего светляков не остановить было!

Жуга помолчал.

— Мудрёно, — наконец сказал он. — А цвет?

— Жёлтый... Как глина.

— Мудрёно, — задумчиво повторил Жуга.

Реслав захихикал, толкнул приятеля локтем.

— Слышь, Жуга, а как ты битюга этого заставил... ну, это... в штаны, а? Как, а?

— Не заставлял я, — засопел травник. — Сам он... — И тоже засмеялся. Смех его был тихим, словно шуршащим, но искренним. Отсмеявшись, оба зарылись поглубже в сено и погрузились в сон.

В раскрытых дверях сарая показался неясный сгорбленный силуэт, постоял секунду-другую, прислушиваясь к доносящемуся сверху сопению, и исчез бесшумно, будто не был вовсе, только ветерком повеяло. Где-то в деревне — еле слышно было отсюда — забрехал пёс, и всё стихло.

Ночь вступила в свои права.

* * *

Реслав проснулся поздно и некоторое время лежал неподвижно, полужакрыв глаза. Вставать не хотелось. Под высокой шатровой крышей плясали в солнечных лучах пылинки — кровля была худой. «Уж не её ли мы чинить подрядились?» — мелькнула беспокойная мысль, мелькнула и пропала, но намётанный глаз деревенского паренька уже высматри-

вал прорехи — вот тут закрыть нужно, и тут, и вот тут... А здесь и вовсе перестилать...

Потревоженный раздумьями, сон ушёл окончательно. Реслав сел, разбрасывая сено, потянулся. Зевнул. Осмотрелся по сторонам.

Жуга исчез. Примятое сено ещё хранило форму тела, но и только. «Ранняя пташка!» — одобрил Реслав, подобрал полы своей свитки, подполз к краю сеновала и потянул к себе лестницу.

Жуга отыскался во дворе. Длинный, поджарый, одетый в одни лишь выцветшие штаны, он только вытянул из колодца ведро воды и теперь умывался до пояса, шумно фыркая и тряся головой. Брызги летели во все стороны. Взгляд Реслава скользнул по его спине, невольно задержавшись на чудовищном шраме — такой же белёсый и рваный, как остальные, он косо спускался от шеи через лопатку и исчезал, немного не доходя до правого бока. Мышцы здесь срослись неровно, и спина казалась искривлённой. «Эва как приложило! — ошеломлённо подумал Реслав. — Может, и рёбра поломало... Чем это?»

Сейчас, без рубашки, Жуга казался вовсе даже не худым. Мускулы его сидели как-то по-особенному плотно и ладно, жира не было вовсе — он казался гибким и ловким. Реслав, коренастый и широкоплечий, как все северяне, никогда не видел ничего подобного. Заслышав шаги, Жуга обернулся.

— А, Реслав! — Рыжие его волосы топорщились, словно пакля. — Долго спишь, скажу я тебе.

— И тебе доброе утро. Куда спешить-то? — Реслав тем не менее почувствовал себя уязвлённым. Вдобавок собственная одежда после ночёвки в сене показалась ему мягкой и пыльной до безобразия. Стянув свитку через голову, он остался в одних портках и подвинул к себе ведро.

— И то верно, — согласился Жуга и огляделся. — Какая крыша-то? Эта, что ли?

— А? — Реслав покосился на хату Довбуша. Кровля и впрямь была хуже некуда. Рядом под навесом лежала большая копна свежей соломы на перестилку. — Может, и она... Фс-с!..

Вода оказалась уж очень холодной. На миг у Реслава захватило дух, но вскоре он вошёл во вкус, вымылся с головой и лишь после этого напялил свитку, предварительно её встряхнув. В воздухе облачком за клубилась пыль, бродившие по двору куры в панике бросились врассыпную.

Жуга, отставив ногу и задравши голову, рассматривал из-под ладони крышу хаты. На его груди, на волосяной верёвочке висел крестик из прозрачного жёлтого камня, похожий на букву «Т» с ушком на верхушке. Реслав видел такой впервые, но камень признал сразу — электрон¹. Он приблизился и вновь не удержался — покосился на шрам. Словно почувствовав, Жуга обернулся, перехватил его взгляд.

¹ Электрон — янтарь (*греч.*).

— Кто это тебя так? — неловко спросил Реслав. — Звери?

— Люди, — угрюмо буркнул травник и, подумав, добавил непонятно: — И земля.

— А-а... — протянул Реслав.

— Эй, работнички! — послышалось за воротами. Оба обернулись.

Довбуш на телеге, влекомой серой в яблоках лошадью, привёз новый ворох соломы, остановил колымагу посреди двора, скомандовал:

— Сгружайте, я сейчас! — и направился в дом.

«Ганка! Хэй, Ганка!» — послышалось затем. «Оу!» — отозвался звонкий девичий голосок. «Еды работникам дашь, нет?» — «Несу!»

Реслав сбросил под навес очередную охапку, поднял руку утереть пот, да так и замер.

— Эй, ты чего... — начал было Жуга и тоже смолк.

Перед ними с глиняной миской в руках стояла Ганна.

Стройная, загорелая, с лентой в волосах, в простой домотканой юбке и вышитой рубашке, она была необыкновенно, чудо как хороша! Чёрная коса, небрежно переброшенная через плечо, юная грудь, так и распирающая рубашку, алые губы, а глаза... Казалось, в ней было всё очарование юности в тот момент, когда в девочке просыпается женщина, и чувствовалось: ещё год-полтора — и не будет краше её никого во всей округе. Реслав почувствовал, как бьётся сердце, и подумал, что ещё миг — и он утонет в этих больших, широко раскрытых, васильково-синих...

— Ну, что уставились? — рассмеялась та, поставила миску наземь, снова сбегала в дом и вернулась с ложками, краюхой хлеба и большим арбузом. — Ешьте, работяги! — сверкнула белозубой улыбкой и исчезла окончательно.

— Дочь его? — спросил Жуга, глядя ей вслед.

— Н-да... — вздохнул Реслав. — «Хороша Маша, да не наша...» Слышал я про Довбушеву дочку, но такой красоты увидеть не чаял!

— А что так? Что она?

— Да Балаж вроде как к ней посвататься хочет по осени. Слышал я краем уха, что и он ей люб. Вот...

— Да... — Жуга кивнул, улыбнулся невесело. — А хороша!

— Истинный бог, хороша! — согласился Реслав.

В миске оказалось густое крошево из овощей, яиц и лука, щедро сдобренное солью и сметаной и залитое холодным квасом. Приятели быстро очистили её, умяли хлеб и разрезали арбуз. Тот оказался красным и сладким. Реслав довольно крикнул — Довбуш оказался щедрым на харчи. Жуга тем временем позвал хозяина.

— Закончили трапезничать? — осведомился тот.

— Воды горячей не найдётся ли? — спросил Жуга.

— А сколь тебе?

— Кружку... нет, две.

Довбуш скрылся в избе, вернулся с дымящей кринкой.

— На. Да не мешкайте — солнце уж высоко.

— Уж постараемся, — заверил его Реслав и поволок с сеновала лестницу.

Жуга развязал свой мешок, разложил на доске связки сухих трав и кореньев. Заинтересованный Реслав подошёл. Тут были полынь, тысячелистник, веточки можжевельника с ягодами, костенец, остролодочник, борец... Чуть в стороне лежали пижма, бедренец-камнеломка, карагана, кора с дерева и ещё много трав и корешков, названия которых Реслав не знал. Жуга налил кипятку в миску, бросил трав, положил чистую тряпицу. В крынке тоже заварил что-то тёмно-коричневое, с колючим мятным запахом. Настой из крынки выпил, а тряпкой, завернув штанину, повязал колено. На всё про всё ушло минут десять, после чего травы снова скрылись в мешке.

— Ну, пошли, что ли.

Реслав приставил лестницу и полез на крышу.

* * *

За день сделали четверть всей работы. Крыли в два слоя. Реслав скидывал старую солому, киянкой подколачивал где надо стропила, укладывал новые вязки — тугие, золотистые, пахнущие терпкими летними травами. Босоногий рыжий Жуга суетился внизу, подгребая солому, увязывая её в пучки и споро подавая наверх. Отсюда, с крыши, его хромота была особенно заметна.

Вечером, отужинав кашей с маслом и молоком, сдали работу хозяину и полезли спать на сеновал.

Так прошло два дня. Работа двигалась помаленьку. Жуга каждое утро и вечер запаривал свои травы. Легконогая Ганка появлялась то тут, то там, попевая по хозяйству, и исчезала по вечерам: то и дело у ворот мелькал Балаж. Реслав часто глядел ей вслед, вздыхал; Ганка смеялась, ловя его взгляды, подшучивала над неуклюжестью Реслава, над шевелюрой Жуги. Как вскоре узнали друзья, Довбуш был вдовцом, и дочка вела хозяйство — кормила кур и скотину, смотрела за домом, готовила еду. Реслав предложил было прогуляться в корчму — попить пивка, послушать поселян, но Жуга отказался, и он тоже не пошёл. Был Жуга молчалив и мрачен и лишь по вечерам долго лежал с открытыми глазами и грустно улыбался.

Третий день выдался таким же погожим и ясным, как и прежние. С утра пораньше взялись за крышу, а к полудню в гости наведился сосед — долговязый усатый Янош-закорючка, местный сплетник.

— Здорово, Довбуш! — с порога начал он. — Новости слышал?

— А что?

— Пёс у Юраша сдох.

— Ну, сдох и сдох, мне-то что? — беспечно бросил Довбуш и вдруг насторожился. — Погоди-ка, погоди... У какого Юраша? С околицы?

— У него, у него, — закивал Янош, присел на лавочку, вынул трубку и закурил. — Совсем ещё молодой пёс был — двух лет не исполнилось.

Заинтригованный, Жуга отложил недовязанную охапку соломы и прислушался. Янош покосился на него, понизил голос.

— Отравили, может? — предположил Довбуш. — Злодий какой повадился?

— Может, и отравили, — согласился Янош. — А может, и нет. А скажи-ка ты мне, друг Довбуш, работнички твои не озоруют? А то, гляди, мало ли что...

— Бог с тобой! — Довбуш оглянулся на Жугу с Реславом. — Добрые хлопцы и работают споро... Не они это.

— Как знаешь. А только сказывают, не травил пса никто. Слышал, как был он последние ночи? Леший балуется, люди говорят, как есть лешак! Не они ли накликали?

— Ты, эта... думай, что говоришь! — Довбуш перекрестился. — Тьфу на тебя. Не зря тебя, Янош, закорючкой прозвали. Как чередка — уцепишься, не выдернешь. Ну, сдох пёс, эка невидаль! А ты сразу — леший...

— Ну сам посуди — все повадки его! Собаки с цепей рвутся, молоко киснет у коров. Крынки на заборах кто-то бьёт, стреху дерёт, грядки топчет...

Теперь уже и Реслав перестал работать. Заметив это, Янош засуетился, поспешил сменить тему и вскоре, сославшись на дела, ушёл.

— Н-да, — заметил Реслав, — неладное творится. Что скажешь, Жуга?

— Не знаю, — нахмурился тот, поскрёб босую пятку. — Что до собаки, так ведь и вправду была. А только... Только не было *Хозяина* в деревне.

— А ты почём знаешь?

— Знаю — и всё, — отрезал он. — Не *Хозяин* то был.

— А кто ж?

Жуга промолчал, скрутил очередную связку, забросил на крышу.

— Не к добру всё это, — пробормотал он. — Не к добру.

Неожиданная мысль пришла Реславу в голову.

— Жуга! — окликнул он. — Слышь, Жуга, а отчего тебе не сделать так, чтобы вязки наверх... ну, это... чтобы сами летали, а?

— Тебе надо, ты и пробуй.

— Да ты не обижайся! Я ж серьёзно. Сложный наговор, боюсь, не рассчитаю.

Теперь уже Жуга заинтересовался. Свернув новую связку, он положил её на землю и отошёл в сторонку. Похромал вокруг, нахмурившись, вытянул руки и пошевелил пальцами.

— *Белото-велото*, — начал он, — *это-распа!*

Вязанка пошевелилась слабо, будто в ней кто сидел — хомяк, там, или крыса, но с места не двинулась. Реслав с любопытством наблюдал сверху за его действиями.

— Не то... — пробормотал Жуга, походил вокруг и снова произнёс что-то не менее заковыристое.

Реслав почувствовал, как в воздухе разлилось напряжение, но вязанке, видимо, и этого было мало.

— Тут, ежели по-синему брать... — начал было Реслав, но Жуга отмахнулся: «Погоди!»

— *Виттефо-авата-эпто-распа!* — выкрикнул он.

Вязанка зашевелилась и вдруг вспыхнула с торцов яркими язычками пламени, занялась и запылала. Жуга ахнул и принялся затаптывать огонь. Реслав кубарем скатился с лестницы, метнулся до колодца, подошел с ведром воды, после чего совместными усилиями вязанку потушили.

— Ф-фу, — облегченно вздохнул Реслав. — Переборщили малость.

— Да, сплеховал я, — признал Жуга, — зелёный не надо было брать.

— Травник ты, Жуга, — с неодобрением заметил Реслав. — И наговоры у тебя чудные. Маг Тотлис меня как учил — семь трав есть, силой наделённых, остальные стихии в камнях ищи — минералах да металлах разных... Электрон, вон, смотрю, сам носишь, а заговоры не по науке строишь.

— Не обучен я наукам, — буркнул Жуга. — А что до трав, то каждый корешок свою силу имеет. Ты, эвон, смотрю, каждый наговор по пальцам считаешь, словно овец: то — туда, это — сюда... А я так не могу. Что в голову приходит, то и говорю.

— Нешто наугад? — поразился Реслав. — Как так?

— Всяко бывает. — Жуга покосился на вязанку. — Не знаю как. Чую иногда, аж до дрожи — верные слова, вот и получается. А ты, школяр, что ж сам сказать не мог?

Реслав вздохнул:

— Не обучен я такие длинные вирши составлять. Не успел.

— Я тоже хотел в обучение пойти, — задумчиво произнёс Жуга, — да вот, на тебя посмотревши, что-то раздумал. Так ли уж умён был маг твой? Семь трав — скажешь тоже... А этот ещё... что за эл... элрон такой?

— Электрон? Да камень жёлтый, морской. Крестик у тебя из него сделан, иль не знал? Эллинское слово.

Жуга нахмурился:

— Про крест не ведаю: сколько себя помню, всегда он при мне. Может, и впрямь электрон. Ну, хватит языки чесать. Лезь давай наверх — может, закончим сегодня.

— Дай-то Бог...

* * *

Реслав работал на крыше и потому первым заметил неладное: от деревни к выселкам Довбуша направлялась толпа человек в двадцать, одни мужики. Шли быстро, возбуждённо жестикулируя и размахивая руками. Возглавлял шествие вездесущий Янош.

Жуга тоже их заприметил.

— Плохо дело, — отметил он. — Уж не по наши ли души идут?

Реслав промолчал от греха подальше, лишь свернул аккуратно свитку и положил в сторонку.

В ворота застучали.

— Довбуш! Открывай, Довбуш! — крикнули оттуда. — Беда!

Довбуш поспешно откинул засов, и толпа ворвалась во двор. Первым вбежал Балаж, сразу за ним другой старый знакомый — Влашек.

— Вон они! — крикнул он, завидев Жугу с Реславом.

— Что? Что стряслось? — метался Довбуш меж пришедших.

— Ганка пропала, Довбуш! — выкрикнул Балаж. — Сгинула прямо у меня на глазах, как вихорь унёс, вот те крест!

Жуга вздрогнул, вскинул голову. Желваки на его лице задвигались.

Довбуш отшатнулся, побелел, схватил Балажа за рубашку.

— Да ты в уме ли?! — вскричал он. — Видано ль такое? Ты пьян, должно быть! Где Ганна?

— Он-то, может, и пьяный, — вмешался Янош, — да только вот у Григораша мать не пьёт! Рядом была, всё видела — правду Балаж говорит, ведовство это! Где... а, вон они стоят!

Взгляды толпы остановились на двух работниках. Воцарилась тишина.

— Ваших рук дело? — выкрикнул Влашек. — Сказывайте, куда Ганну девали?

— Ты погоди кричать-то! — ответил за обоих Реслав. — Объясни сперва толком, что случилось! Как так пропала? Когда?

Толпа зашевелилась, загомонил: «Да они это!», «А ну, как нет?», «Вяжи, братва, после разберёмся!»

— Будут бить, — тихо сказал Жуга, придвинувшись в Реславу. В руках его был посох.

— Думаешь? — покосился на него Реслав, нахмурился. — Может, не будем драться? Сами пойдём?

— Всё равно будут бить. Это не люди. Стадо... Сейчас начнётся. Бей без ножа.

Толпа, угрожающе притихнув, надвинулась с двух сторон. Друзья оказались стоящими спиной к спине. Жуга перехватил поудобнее посох. Реслав сжал кулаки.

— Хромого — мне! — крикнул Влашек и первым ринулся в драку. Остальные устремились следом. Говорить с ними было поздно.

Жуга отступил в сторону, взмахнул посохом. Кто-то взвыл от боли, схватился за ушибленную руку. Реслав сперва бил вполсилы, затем разошёлся. Напиравший больше всех Влашек схлопотал пару-тройку ударов по голове, свалился, за ним последовали ещё трое, потом селяне навалились скопом, сбили с ног. Реслав и на земле отбивался, словно медведь. Жуга, весь изодранный, исцарапанный, продержался чуть дольше — его никак не удавалось схватить. Слышалось пыхтение, мелькали руки, ноги, колья из плетня. «Верёвку, верёвку давай!» — кричал кто-то. «У, вертлявый, чёрт рыжий!», «По ногам бей, по ногам!», «Кусается, с-сука!»

Через несколько минут всё было кончено — связанных по рукам и ногам пленников притащили в деревню и бросили в сарай возле дома Балажа.

– Посидите пока тут, – презрительно бросил Влашек. – Если Ганну не отыщем, пеняйте на себя, чудодеи говённые! А вздумаете озоровать ещё – прибьём, ясно?

Примерившись, он отвесил Жуге пинок под рёбра и вышел, хлопнув дверью. Лязгнул засов.

Реслав с трудом перевернулся на спину, извиваясь, как червяк, пополз к стене. Сел, пошевелил связанными за спиной руками – крепко... Сплюнул, пощупал языком шатающийся зуб.

– От сволочи, – пробормотал он. – Словно и впрямь не люди... Жуга! Ты как там? Эй, Жуга!

Жуга молчал. Реслав забеспокоился было, уж не насмерть ли забили приятеля, но тут в темноте раздался тихий шелестящий смех.

– Пошто смеёшься?

– Вот и спрашивай теперь... про старые рубцы, – послышалось из угла. Присмотревшись, Реслав разглядел в сумраке нескладный силуэт. Извиваясь немыслимым образом, Жуга ухитрился встать и пропрыгал к Реславу. Упал рядом, придвинулся спина к спине.

– Попробуй мне руки развязать.

– Может, наговор какой? – неуверенно предложил Реслав. – Само развяжется?

– Не хватало, чтоб ещё верёвка загорелась... Ну, как?

Реслав некоторое время на ощупь пытался развязать ему руки, пыхтел. Ругнулся, сломав ноготь.

– Не... Крепко связали.

– Ч-чёрт... – Жуга повёл плечами. – Без рук ничего не могу. Ты-то цел?

– Вроде... – Реслав прислушался к своим ощущениям. – А как твоя нога?

– Как всегда, – буркнул травник.

– Слышь, Жуга, – позвал Реслав. – Как ты думаешь, куда Ганка по-девалась?

Жуга промолчал.

* * *

Стемнело.

В томительном молчании тянулись ночные часы. Свитка Реслава осталась у Довбуша на дворе, и его нещадно ели комары. Жуга был в рубахе, но и он то и дело кривил губы, сдувая назойливых кровососов. Руки и ноги у обоих затекли. Хотелось пить.

– Как думаешь, Жуга, что с нами сделают? – наконец нарушил молчание Реслав.

– Коли Ганку не отыщут, то прибьют, наверное, – нехотя отозвался травник. – А с судом ли, без – всё едино.

– А ежели отыщут?

– И тогда хорошего не жди.

— Да... — Реслав помолчал. — Знать бы, что на деле случилось! Может, спросить... Кто там, на страже? — Он подполз к дверям, несколько раз ударил пятками в доски. — Эй, караульный!

Послышались шаги, скрипнул засов.

— Чего тебе?

Реслав крякнул досадливо:

— Влашек!

— Выйти надо, — буркнул он. — По нужде.

— Лей под себя, погань, — процедил караульщик сквозь зубы и захлопнул дверь. Шаги смолкли.

— У, морда! — Реслав сплюнул, подвинулся к стене. — Этот расскажет, жди-дожидайся... Эх, угораздило!

Некоторое время оба молчали. Реслав привстал, попробовал дверь плечом на прочность — устояла. За стенками сарая назойливо трещали цикады — ночь выдалась тёплая и светлая. В маленькое окошко под толчком виднелся клочок звёздного неба.

— Полнолуние сегодня, — словно услышав мысли Реслава, сказал Жуга. — Для нечисти самое раздолье.

— Так ты думаешь, Ганка... — начал было Реслав и смолк.

— Ведьма? Ты это хотел сказать? Нет. Наоборот, пожалуй...

— Это как? — опешил Реслав. — Это ты о чём?

— Ни о чём. Ей ведовство вообще не дастся.

— Откуда знаешь?

— Оттуда.

Опять воцарилось молчание.

— Жуга, — позвал Реслав. Ответа не было. — Жуга!

— Чего тебе?

— За что они нас так? Мы же ничего плохого не сделали. Неужто ворожба — такой грех?

Жуга засопел сердито, заёрзал.

— Может, и грех, — наконец сказал он. — Хрен его знает.

— А я так думаю, — продолжил Реслав, — ежели дано умение, значит, так и надо и винить тут некого. Разве что из зависти.

— Когда-то и я так думал, — пробормотал Жуга. — Умение! Эх сказал... Попробуй разберись, награда это или наказание. Нам самим не понять, а остальным — и подавно... Спроси вон у Влашека — он тебе растолкует, что к чему. Эх, руки связаны!

— Жуга.

— Ну?

— Расскажи о себе.

Жуга блеснул белками глаз, опустил голову.

— Зачем?

— Сдаётся мне, ты что-то знаешь про Ганну, да и вообще. Откуда ты? Чего ищешь? Почему с гор ушёл? Может, навредил кому?

— Вреда не чинил, — криво усмехнулся Жуга, — да только люди сами на тебя грех повесят, дай только повод. Дед Вазах всё понимал. Много знал старик, ох, много...

Жуга говорил медленно, нехотя, словно пересиливая боль, часто сглатывал сухим ртом, умолкал на полуслове, глядя в темноту. Реслав слушал, затаив дыхание.

Жуга и вправду был подкидышем. Старик Вазах — деревенский знахарь — взял его к себе. Маленькая деревушка высоко в горах, козы да овцы — вот и вся жизнь у горца. Жуга рос, не похожий на других детей — длинный, рыжий, молчаливый. Был он сметлив не по годам и знахарскую мудрость усваивал быстро и с охотой, а со временем пришло к нему и умение. Да и Вазах заметил в приёмыше силу: и наговоры его были крепче, и дело ладилось лучше. Сам всё творил, по чутью. Как подросток, пошёл в пастухи, отличился и тут. У других — то овца пропадёт, то волк повадится, то болезнь какая стадо косит, у Жуги словно бережёт кто. А своим так и не стал среди валашских поселян — уважали, но побаивались: не он ли, мол, на соседские стада порчу наводит?

Была в том селе одна девушка — дочь деревенского головы. Всем взяла — и красотой, и умом, и умением, да замуж всё не спешила. Парни из соседних селений свататься приходили, да всё без толку.

— Ну а ты? — спросил Реслав, когда Жуга умолк.

— А что я? — горько усмехнулся тот. — Они все на приданое зарились да на хозяйство. А я... Любил я её, понимаешь? Любил я Мару!

— А она?

— Бог её знает... Встречались, верно. А только глупо всё. За меня, сироту, только рябая пойдёт. Кто я такой? Пастух, приёмш, травник-недоучка... дурак рыжий... Отец её не позволил бы.

Реслав вдруг почувствовал, как что-то тревожное, непонятное ширится и растёт в груди. Страх! — внезапно понял он. Зачем спустился в долину паренёк с глазами старика?

— С ней что-то случилось? — словно по наитию спросил он.

Жуга вскинул голову: «Откуда знаешь?!» — и поник: «А, не всё ли равно...»

В тот вечер Жуга встретился с Марой в последний раз. Они расстались перед тем, как стемнело. Больше её никто не видел, лишь слышали за околицей крик, да полуслепая бабка Ляниха божилась, что «вихорь девку унёс». Искали — не нашли.

— А ты, стало быть, на поиски ушёл? — предположил Реслав.

— Я? Не совсем, — замялся Жуга. — Тогда, в горах всё так же было: людей ведь долго поднимать не надо, кликни только — налетят. И крайнего найдут, и судилище учинят... На меня поклёп и навели. Вазах заступился было, а не пощадили и его. Много ли старику надо? Крепко били, в полную силу — со страху, всем миром навалились, с камнями, с дубьём.

— А потом?

— Потом? — с усилием переспросил Жуга. — В лесу я прятался. Сдох бы, наверное, с голоду, да повезло — родник был близко да лабаз я нашёл беличий: орехи там, грибы... Как раны подживать стали, я в деревню ночью пробрался. Дом стариковский растащили, унесли, кто что мог, только травы не тронули — я собрал да посох взял...

У дверей внезапно послышались тихие шаги. Заскрипел засов, дверь приоткрылась, и голос позвал: «Жуга! Реслав! Вы здесь?» Реслав сердито засопел — будто они могли быть где-нибудь ещё!

— Кого там принесло? — буркнул он.

— Это я, Балаж... Где вы тут?

Дверь открылась шире, в проёме показалась понурая фигура. Разглядев пленников, Балаж опустил наземь рядом с ними, обхватил голову руками и замер.

— Чего пришёл? — спросил Реслав. — Или нашли Ганну?

— Нет... — Балаж вскрипнул. Голос его дрожал. — Я Влашека домой услад, сказал — сам постерегу... Что мне делать теперь, а? Что?

Реслав не знал, что сказать.

— Что ж ты... — в сердцах бросил он. — Сам кашу заварил, а теперь к нам... Тыфу, пропасть.

— Не я это! Янош, старый чёрт... Как в тумане всё. Ганна! Ганночка моя! — Он рванулся вперёд, схватил Реслава за плечи, затряс. — Помогите, Реслав! Жуга! Меня Довбуш послал к вам, говорит, не виноватые вы! Что с Ганной? Где она?!

— Да не ори ты так! — поморщился Реслав.

Неожиданно подал голос Жуга:

— Селяне спят?

— По домам все...

— Проведи нас к Довбушу.

Балаж кивнул, вынул нож и перерезал верёвки.

* * *

В хате у Довбуша царил полумрак, лишь горела, потрескивая, свеча в глиняном подсвечнике да теплилась у икон лампада. Тёмные лики святых еле виднелись сквозь слой копоти. Тускло поблёскивал золочёный оклад.

Довбуш осунулся и словно сразу постарел лет на десять. Усы его обвисли. Грузный, хмурый, небритый, он сидел за столом не шевелясь и лишь поднял взор, когда скрипнула дверь. На столе перед ним стояли большая глиняная бутылка и кружка.

Реслав сел, растирая вспухшие багровые запястья. В драке ему основательно расквасили нос, его усы и борода запеклись коркой засохшей крови. Заприметив в углу висящий на цепочке медный рукомоиник, он оглянулся на Довбуша — тот кивнул, — встал и принялся отмывать. Отпил воды прямо из носика, крякнул.

Жуга обошёл горницу, пощёлкал пальцами, остановился у икон. Обернулся.

— Кто заходил в хату? — резко спросил он.

Довбуш посмотрел удивлённо.

— Никто... — и покосился на Балажа. — Только он вот.

Он встал, снял с полки ещё три кружки, разлил из бутылки густое тёмное пиво, буркнул: «Пейте!» — и снова сел. Жуга и Реслав жадно осушили кружки, Балаж лишь пригубил и отставил пиво в сторону.

— Ну, вот что, — начал Довбуш. — Верю, вы тут ни при чём. Сказывайте сразу, можно Ганну сыскать?

Реслав посмотрел на Жугу, Жуга — на Балажа.

— Рассказывай по порядку, — потребовал Жуга.

Балаж нервно хрустнул пальцами, начал:

— Да почти нечего рассказывать. Ну, гуляли мы за околицей, как обычно, потом домой она пошла. Я и не провожал: идти-то два шага! Я вслед глядел. Тут вижу: ровно рябью воздух подёрнулся, поплыло всё, да страшно так, непонятно!.. Она остановилась, назад шагнула... Пыль да листья закружило, словно ветром, я сморгнул, рукой прикрылся, а продрал глаза — нет её. Нет — и всё. А тут и Григораша мать заохала, запричитала — на крыльцо вышла крынку вымыть, да крынку-то и грохнула. «Балаж, — кричит, — это что ж такое творится, господи боже!» Я туда, я сюда — нет Ганки! Я к Влашеку, а потом уже и Янош прибежал.

Жуга нахмурился, побарабанил пальцами по столу.

— Где это случилось? — спросил он.

Балаж вытянул руку:

— Там...

— А где Юраш живёт, у которого пёс издох? В той же стороне?

Балаж побледнел, кивнул.

Жуга встал, ещё раз осмотрелся. Глаза его возбуждённо блеснули. Он скинул руки, сплёл пальцы в хитрый узел, нахмурил лоб.

— *Авохато!* — вдруг воскликнул он. — *Эванна-эвахор!*

Пол хаты вспыхнул, замерцал голубыми сполохами. Балаж вскрикнул испуганно, влез с ногами на лавку. Довбуш разинул рот, перекрестился дрожащей рукой.

— Не двигайтесь! — крикнул Жуга, не расплетая пальцев. — Реслав, соль! Скорее!

Теперь стало видно множество пятен на глинобитном полу, больших и малых, светящихся, как гнилушки в лесу. Реслав метнулся к столу, схватил берестяную солонку, глянул вопросительно. «Бросай!» — Жуга мотнул головой. Реслав швырнул солонку наземь. Мелкого помола соль взметнулась в воздух, растеклась тонким облачком, осела. Жуга разжал пальцы. Призрачное сияние погасло. Стало тихо, лишь под потолком зудели комары.

— Свят, свят... — Довбуш перевёл дух, нащупал кружку, сделал несколько глотков.

Балажа трясло.

Жуга взял со стола свечу, осторожно ступая, обошёл хату, внимательно глядя в пол. Остановился, опустился на колени.

— Вот они! — сдавленно воскликнул он. Свеча жёлтым светом озаряла его лицо и руки. — Идите сюда, только осторожно.

Реслав, Довбуш и Балаж сгрудились у стены, где соль тонким слоем припорошила цепочку узких следов. Чьи-то ноги, обутые в мягкие остроносые башмаки, прошлись от входа к печке, затем дальше, к образам, и обратно к порогу. Реслав глянул в красный угол и похолодел: иконы были перевёрнуты.

Все четверо переглянулись.

— Кто это был? — спросил Реслав.

Жуга покачал головой.

— Не знаю, — угрюмо сказал он. — Наверное, человек: *стригой*¹ или *Хозяин* башмаков не носят. Кто и откуда, не ведаю. Следы свежие. Вишь, как соль густо легла...

— Н-да...

— Гм!

— Жуга! — окликнул Довбуш. — Это он? Он Ганну уволок?

Жуга кивнул, грустно посмотрел ему в глаза.

— Мне жаль, Довбуш, — сказал он, — но я сейчас ничем не могу тебе помочь. Прости.

Довбуш пошатнулся, опёрся о стол. Обвёл всех беспомощным взглядом серых глаз. Гулко сглотнул.

— Но... она жива? — выдавил он.

Жуга пожал плечами:

— Кто знает!

— Где она? Что с ней?! — подскочил к нему Балаж. — Говори!

Жуга повёл плечом, стряхнул с плеча его руку.

— Больно мало я знаю, Балаж, чтобы помочь... Может быть, это тот, кого и я... ищу.

— Мара... — начал было Реслав, но перехватил испепеляющий взгляд Жуги и поспешно умолк.

Довбуш поднял седую голову. По щекам его текли слёзы.

— Что ж это? — прошептал он дрожащими губами. — Среди бела дня... — Он протянул широкую мозолистую ладонь, взял Жугу за рукав. Рыжий не пошевелился. — Жуга... Реслав... Хлопцы, помогите! Я старый дурак, но я многое повидал, я знаю, вы можете... Денег не пожалею, всё отдам! Помогите! Возверните её, хлопцы... хлопцы...

¹ Стригой — в Прикарпатье — домовый. Хозяином же именовали иногда медведя, иногда — лешего (*молд.*).

Он спрятал лицо в ладонях.

Реслав стоял, глядя то на Жугу, то на Довбуша. Перед ними сидел старый, убитый горем вдовец, у которого только и была отрада, что дочь красавица, и вот теперь отняли и её. Перед его взором вдруг возникла Ганка как живая — весёлое лицо, задорная улыбка, глаза... Господи, глаза... И голос: «А что, Реславка, не упадёшь ли, коль побежишь в своей хламиде?»

И смех — звонкий, залиvistый...

Жуга, мрачный, взъерошенный, молчал, глядя в сторону. В свете свечи виднелись шрамы, свежие ссадины, большой синяк под глазом. Рубашка висела на нём клочьями, кое-где запеклась бурыми пятнами кровь. Был он побитый, оборванный, хромой, но Реславу не хотелось бы сейчас оказаться у него на пути — такая была в нём злость, такая сила его вела, мрачная, тёмная... «Кто же он?» — в который раз спросил себя Реслав.

— Довбуш, — тихо позвал Жуга. Старик поднял голову. — Для этого нам надо уйти.

— Куда?

— Не знаю... Впрочем... — Он встрепенулся, обернулся к Реславу. — Что там, на западе?

— Город, — ответил тот, — Марген. А что?

— Марген... — повторил Жуга. Нахмурился, взъерошил ладонью и без того растрёпанные волосы. — Стало быть, пока пойдём в Марген. А там видно будет. Пойдёшь, Реслав?

Тот кивнул.

Балаж растерянно переводил взгляд с одного на другого. Вскочил.

— Нет, погодите! Довбуш, они же уйти хотят! Уйти! Пускай... пускай Реслав останется! Или Жуга...

Довбуш нахмурился, потрепал ус, покачал головой:

— Не прав ты, сынок. Пусть идут.

— Тогда... я тоже с ними пойду! Эй, слышите?

Реслав посмотрел на Жугу. Тот пожал плечами:

— Пускай идёт. Правда, помочь ты нам не сможешь ничем. Остаься лучше.

— Нет!

— Как знаешь. Тогда собирайся — надо уйти до рассвета, пока деревня спит. Что селянам скажешь, Довбуш?

— Ничего, — понуро произнёс тот. — Шелег вот вернётся из Ветелиц, он меня поймёт. Остальные — вряд ли. Ступайте, хлопцы. С Богом.

Через полчаса поспешных сборов все трое уже шли по дороге прочь от деревни. Свитку Реслава спёрли, Довбуш дал ему свою рубашку и Жуге тоже, взамен изодранной. Котомка и башмаки травника отыскались на сеновале, а вот посох поломали в драке. В дорогу взяли хлеба, сыру, шмат солёного сала, луку да огурцов с Довбушева огорода. Дал Довбуш и денег — менок тридцать на брата — и долго стоял у ворот, глядя им вослед.

Шагов через сорок-пятьдесят миновали погост. В свете полной луны резко чернели старые, покосившиеся кресты. Балаж торопливо и мелко перекрестился, ускори́л шаги.

— Не беги: не поспеваю, — мрачно усмехнулся Жуга. — Да ты никак забоялся?

— Я ничего не боюсь... на этом свете, — набычился Балаж. — А что до мёртвых да ваших колдовских дел — тут и впрямь боязно...

— Привыкай.

Жуга шагнул к ограде, выдернул дырн, прикинул на руке и забросил в кусты — тяжёл. Потянул другой, кивнул довольнo, наступил ногой и выломал посох.

— Ну, пошли, что ль, — сказал он и зашагал вдоль по дороге.

Реслав оглянулся напоследок на деревню. Была она темна, лишь в крайней избе у Довбуша светился огонёк. На околице звонко запел петух, сразу за ним другой. Близилось утро. Реслав поправил мешок за плечами и ускори́л шаг, догоняя спутников и не задаваясь вопросом, что ждёт их впереди.

Всё равно ответа он не знал.

* * *

Вечер застал троих путников у большой дубовой рощи. Село осталось далеко позади. Весь день дорога вела их вдоль зелёных лугов, бежала кромкой леса, вилась хитрыми петлями меж невысоких холмов, а когда над головой раскинулись могучие кроны вековых деревьев, Реслав остановился.

— Ну, довольнo пыль глотать, — объявил он, скидывая котомку. — Тут я уже был однажды — место доброе, да и родник рядом. Здесь и заночуем.

Спорить с ним никто не стал. Облюбовали одно дерево, расположились подле. В небольшом распадке за кустами журчала вода.

Балаж опустился на траву, прислонившись спиной к шершавой тёплой коре, скинул башмаки и с наслаждением подставил босые ноги вечернему ветерку. Огляделся окрест. Реслав ушёл. Жуга уселся рядом, устроив поудобнее больную ногу, засучил порточину, ощупывал колено. Морщился.

— Откуда шрамы эти? — с ленивым любопытством спросил Балаж.

Жуга вскинул голову.

— И это спрашиваешь ты? — поразился он. — ТЫ?!

Балаж открыл было рот, чтобы ответить, да вспомнил, как всей толпой били двоих чудодеев, и промолчал, лишь покраснел, как редиска. Жуга сплюнул, развязал мешок, вытащил помятый котелок и отправился в ложбину за водой. Балаж остался один.

Было тихо. Нагретая земля дышала теплом. Высоко над головой шелестели листья. Дуб, под которым они устроились, был столетним исполином в несколько обхватов. Старую кору избороздили дупла и трещины; мощные узловатые сучья уходили, казалось, в самое небо. Крона желте-

ла спелыми желудями. Балаж лежал, глядя вверх, и грустные думы его постепенно уходили, словно некое умиротворение было здесь разлито в воздухе, стекало вниз по могучему стволу и расходилось окрест. Балаж задремал и не сразу заметил, как подошёл Реслав.

— Зачаровало? — спросил он так неожиданно, что Балаж вздрогнул. Сбросив хворост, Реслав отряхнул рубаху и покосился наверх. — И то сказать, дивное место. Заповедное... Слышишь — птицы не поют? Тот-то! — Он улыбнулся по-доброму. — Ну, подымайся. Кажись, кресало у тебя в мешке?

Балажу стало неловко, что он разнежился, в то время как двое друзей обустроивали ночлег; он встал и принялся помогать.

Развернули одеяла. Чуть в стороне Реслав потоптался, потянул за траву, и толстый пласт дернины отвалился в сторону, обнажив полузасыпанное кострище. Валежник сложили туда, надёргали из-под корней сухого мха. Жуга не появлялся.

— Слышь, Реслав, — позвал Балаж. — Вот мы с тобой идём сейчас, куда Жуга скажет, а кто он такой? Откуда взялся? Почему ты его слушаешь? Зачем он мне и Довбушу помочь решил?

Реслав помолчал, сломал сухую ветку. Почесал ею в затылке.

— Не трогай ты его, Балаж, — наконец сказал он. — Чужая душа — потёмки, а что я знаю о нём, то пусть при мне и останется. Время покажет, кто чего стоит. Я и сам его только на днях повстречал, недели не прошло. Станный он человек, не смотри, что молодой — жизнью он ломанный, это верно говорю. И сила в ём даже для меня чудная, непонятная. Наговоры, и те по-разному творим... Да где огниво-то твоё?

Балаж с головой залез в мешок, перебирая припасы, ругнулся.

— Никак не найду, — пропыхтел он.

— Э, захоронил! — укоризненно бросил Реслав. — Дай я.

— А вот, когда чудеса творятся, как это у вас выходит? — вернулся к прежнему разговору Балаж.

— Чудеса-то? — хмыкнул Реслав. — Да тут вроде просто. Слова надо верные сказать, ну, вроде как имя угадать. Наговор составишь, а после цвет измыслить надо подходящий. Ежели особенно трудное дело, то сразу два цвета или три.

— Да как угадать-то?

— Помнить надо, думать, просчитать... Жуга вон — у него это само собою выходит, и не поймёшь даже как. А я порой не могу всё вместе подобрать, а порой — сил не хватает.

— Сил? — опешил Балаж.

— Ну да! Человек, он... ну, как кувшин с водой. Когда наполнится, когда прольётся. Чудеса сами не выскочат, не грибы, чай, в человеке начало берут. Потому и руки тут важны — сила через пальцы течёт. Видал, как Жуга пальцы складывал давеча? Большие силы сдерживал — по кругу они ходили, из руки в руку. Малую толику только выпустил, а ежели бы все

вырвались, не знаю, что и было б. Жуга — это, друг мой, умелец! Да... Да куда ж ты запихал-то его?!

Потеряв терпение, Реслав схватил мешок за углы и вытряхнул содержимое на одеяло. Поворошил, поскрёб в затылке.

— Неужто забыли? — пробормотал он, потянул к себе свою котомку, вывернул и её тоже. — Твою мать... И впрямь — нету.

— Может, Жуга взял?

— Может быть. — Реслав покосился на полураскрытую третью котомку. — Не хочется без спросу соваться... А, ладно, авось не осерчает.

Осторожно выложив лежавшие сверху связки трав и кореньев, Реслав выгреб содержимое травникова мешка. Глазам их предстала россыпь странных предметов: замысловатые деревянные закорючки, горстка разноцветных камушков, кожаный ремешок, завязанный затейливыми узелками, кроличья лапка, знакомый уже нож, кое-какая провизия, клубок смолёной дратвы с шилом, камышовая пастушеская свирель и браслет тускло-зелёного металла, без разъёма, увешанный по ободу маленькими непонятными мисюрками. Огнива не было.

Балаж потрогал лапку, отложил в сторону краюху хлеба, потянул руку к браслету. Отдёрнул, словно уколовшись, удивлённо посмотрел на Реслава. Реслав нахмурился, поднял браслет.

Он был овальным, размером как раз чтобы прошла кисть руки. Держать его было занятно и немного боязно — кончики пальцев ощутимо покалывало, казалось, что в руках крапивный лист. Подвесок было девять — крестик, кольцо, бусинка, какая-то тройная восьмёрка и совсем уж непонятные фигурки. Снаружи в оправу был вставлен плоский, синий до черноты камень, играющий поверху дивными малиновыми бликами. Чарующая красота его так заворожила обоих, что с минуту они молча сидели и разглядывали находку, вертя её так и этак. Реслав ковырнул краешек камня ногтем, хмыкнул.

— Опал это, — сказал он наконец, — только чёрный. Я такой только раз до этого видал. Редкой красоты камень. А вот из чего браслет, не ведаю: сплав какой-то. Ну вот что: давай-ка обратно всё сложим.

— Давно пора, — послышалось вдруг за их спинами. Оба вздрогнули и обернулись.

Прислонившись к дереву и сложив руки на груди, там стоял Жуга.

— Наигрались? — хмуро спросил он. — Что нашли? Половину — мне.

У ног его стоял котелок и лежала охапка трав. Никто не слышал, как он подошёл. Реслав покраснел до корней волос, закричал смущённо. Балаж готов был провалиться сквозь землю.

— Огниво мы искали, — сказал Реслав, запихивая вещи обратно в мешок. — Ты не потерял, часом?

— Я и не брал, — ответил Жуга. — Зачем оно мне? Да и тебе ни к чему. Дай сюда. — Он взял котомку, завязал ремень. — Помнишь вязанку у Довбуша? Чего ж тебе ещё надо? Разжигай, я сейчас, только с травами управлюсь.

— А ведь и верно! — спохватился Реслав. — Сколько времени прошло — должно сработать. Ты какой цвет подбирал?

— Зелёный! — донеслось из-за дерева.

Про случай с мешком Жуга, казалось, забыл, а может, не хотел завести разговор.

Балаж подошёл к кострищу:

— О чём это вы толковали? Какое время прошло?

— А? — оглянулся Реслав. — Время? Да видишь ли, наговор действует один только раз. Чтобы он потом снова заработал, должен срок пройти, чтоб сила накопилась. Думаю, сейчас получится.

Реслав сложил ветки шалашиком, нахмурился, припоминая слова. Представить в лесу зелёный цвет было проще простого. Он вытянул руки и приказал:

— *Виттеро-авата-это-распа!*

Балаж вытаращил глаза. Результат превзошёл все ожидания: куча дров в едином порыве взметнулась вверх, словно подброшенная невидимой рукой, и со стуком запуталась в раскидистой дубовой кроне. Через миг сверху дождём посыпались палки, листья, жёлуди. Реслав охнул, когда узловатый сук треснул его по лбу, и с гудящей головой сел на землю.

— Ишь ты... — ошеломлённо пробормотал он, потирая ушибленный лоб. — Вот ведь...

Показался Жуга с мохнатым корнем в одной руке и ножом в другой.

— Что у вас тут? — спросил он. — Не загорается, что ли?

Реслав помотал головой. Жуга пожал плечами, положил нож и корень на траву. Вытер руки, собрал рассыпанные щепки.

— *Виттеро-авата-это-распа!*

Повалил дымок, костёр вспыхнул, запылал, успевай подкладывать. Реслав покачал головой, пробормотал: «А всё-таки...» — и занялся готовкой.

...Кашу съели быстро. Очистили котелок, облизали ложки. Жуга отослал Балажа за водой и, когда котелок снова нагрелся, стал складывать в кипяток травы. Реслав лениво наблюдал, похрустывая малосольным огурцом, как вдруг рванулся и перехватил руку травника с зажатым в ней знакомым вздутым корневищем. Огурец бултыхнулся в котёл.

— Эй, эй, ты что делаешь?! — воскликнул Реслав. — Это ж цикуга — отрава, каких поискать! С ума сошёл?

Напрягшийся было Жуга расслабился, затряс головой. Высвободил руку, брезгливо выудил из воды огурец.

— Ну, напугал, ирод, — выдохнул он и бросил корень в котёл. — Чего разорался? Ну, верно, вех это, отрава. Да много ли ты в травах смыслишь? Ведь яд от лекарства что отличает? Количество. Вот. — Он помешал варено ложкой, бросил туда тряпку. — Ну-ка, скидавай рубаху, — неожиданно потребовал он.

— Зачем?

— Скидавай, говорю.

Реслав выбросил огрызок огурца, потянул через голову рубашку. Показалась широкая мускулистая спина с дюжиной разновеликих ссадин и ушибов. Почти все уже стали подживать, но две рваные раны под лопаткой, оставленные ржавым гвоздём, загноились и покраснели. Жуга потыкал в них соломинкой. Реслав поморщился.

— Больно?

— Не... Терпёж-то есть.

— «Терпёж-то есть», — передразнил Жуга. — Балда ты, Реслав. Что верно, то верно, ежели корень веха слопать — дуба дашь. А коль рана воспалилась, жар пошёл, приложи отвар, да с умом приготовленный, — всё вытянет-вычистит сам собой. Ну-ка, повернись.

Жуга выловил из котелка тряпицу, протёр обе раны, наложил примочку. Узкой полосой чистой ткани обвязал Реславу грудь и спину, перебросил край через плечо.

— Завтра снимешь, а пока поспишь на брюхе.

Выудив ещё один клоч, Жуга сложил ткань вчетверо, закатал штанину и перевязал колено. Мелькнула узкая, распухшая от давности ссадина. Балаж смотрел во все глаза.

— А это что ж не заживает? — спросил он.

— Эту рану, — невесело усмехнулся Жуга, — так просто не залечишь.

Реслав нахмурился, мучительно припоминая, где мог видеть раньше нечто подобное, и вдруг вспомнил, как его приятель, молотобоец Микита, оступившись, угодил голой рукой на раскалённую докрасна болванку.

— Ожог это, — хмуро сказал Балажу Реслав, — и сильный притом. Так, Жуга?

Травник нахмурился, ничего не сказал.

— Где ж тебя так прижгло? — поразился Балаж. — С огнём, брат, поосторожней надо... Вона костёр-то...

Жуга вскинул голову. На лице его заходили желваки. Протянув длинную руку, он взял свой посох, концом его разворошил полупогасший костёр. Глеющие красными точками угли рассыпались узкой дорожкой. Реслав никак не мог взять в толк, что он собирается делать.

— Осторожней, говоришь? — с непонятной злостью сказал Жуга. — Я тебе покажу сейчас, что такое огонь.

И, прежде чем его успели остановить, ступил босой ногой на угли.

Балаж ахнул, дёрнулся к нему, но Жуга уже шёл по алой дорожке неспешным шагом. Похрустывали под ногами угольки, мигали, вспыхивали, синими язычками лизали растрепавшиеся бахромой штанины. Жуга дошёл до конца, вернулся и сошёл в траву. Балаж и Реслав переглянулись.

— Может, хватит расспросов? — язвительно произнёс Жуга, вытер ноги рукою, улёгся и потянул на себя одеяло. — Давайте спать. Поздно уже.

Балаж молчал, потрясённый.

— А ты говоришь — костёр... — сказал ему Реслав и тоже залез под одеяло.

Под шелест листвы все трое вскоре погрузились в сон.

* * *

Реслав проснулся, как от толчка, среди ночи. Сел, поёжился от сырого холодка, огляделся. Ночь выдалась ясной. Над головой чёрным куполом висело звёздное летнее небо. Луна шла на ущерб. По правую руку от него мирно сопел во сне Балаж. Слева лежало скомканное одеяло. Жуга исчез.

Реслав посидел некоторое время, глядя в темноту и гадая, что могло его разбудить. Уж во всяком случае не Жуга — тот двигался тише мыши.

Внезапно Реслав осознал, что в ночи раздаётся тихий, неясный звук. Он прислушался.

Где-то далеко тонко и печально пела свирель.

Реслав осторожно выбрался из-под одеяла, отполз в сторону. Балаж заворочался, но не проснулся, лишь закутался плотнее. Реслав встал. Повязка присохла к спине, раны под ней зудели и чесались. Он повёл плечами — терпимо. Углубился в лес.

Дубовая роща ночью выглядела призрачно и таинственно. Серебрились в свете луны массивные шершавые стволы. Было тихо, лишь ручей журчал неподалёку да похрустывали сучья под ногой. Реслав спустился в ложбину, перебрался на другую сторону. Прислушался. Звук стал яснее, и Реслав двинулся вперёд, осторожно ступая и глядя под ноги: в этих местах он ещё не бывал.

Мелодия лилась, тихая и холодная, как лунный свет, то замирая на низкой ноте, то призывно взлетая и рассыпаясь лёгкой трелью; звуки сталкивались, кружились, сбегали вниз, вторя переливам оставшегося позади ручья, умирали, чтобы воскреснуть, и воскресали, чтобы умереть. У Реслава защемило сердце. Он вдруг почувствовал себя безумно одиноким, внимая голосу ночи, и невольно ускорил шаги, идя на этот чарующий зов. Вскоре музыка уже раздавалась так близко, что Реслав стал хорониться за деревьями и, выглянув из-за второго или третьего, понял, что пришёл.

Здесь была большая, совершенно круглая поляна, по краям которой на равном расстоянии друг от друга росли исполинские дубы. На самой поляне не было ни кустика, ни деревца, лишь короткая ровная трава. Кроны деревьев смыкались правильным кольцом, в центре виднелось звёздное небо. Реславу показалось, что он попал в храм — так величественно выглядело это место. Он затаился, внимая терпким летучим звукам, и вгляделся в темноту.

Дубов было девять. Меж двумя из них промежуток был гораздо шире остальных, словно здесь когда-то росло ещё одно дерево. Но дерева не было.

Вместо него там стоял Жуга.

В лунном свете он не казался рыжим, скорее седым. Худой и длинный, травник был неподвижен, лишь пальцы рук танцевали, плели мелодию из тонкого камышового стебля. Реслав утратил чувство времени — прошло минут, наверное, пять, а может, целый час, как вдруг музыка смолкла. Жуга опустил свирель.

Несколько мгновений царила тишина, затем в ночи раздался тихий, бесцветный голос.

— *ты звал меня*, — сказал он. Не спросил, не ответил, просто *сказал*. Реслав напряг взор, и ему показалось, что в центре поляны шевельнулось нечто, мерцающая серебристой звёздной пылью. Оно двигалось, сливаясь с темнотой, в воздухе возникали и тут же таяли, подобно стихнувшей мелодии, полужнакомые очертания: неясный абрис человеческой фигуры в длинном плаще, белая цапля, раскинувшая крылья, олень — ветвистые рога вдруг слились в один длинный и прямой на широком конском лбу, завились двумя бараньими кренделями... Снова не разбери-поймёшь кто.

— Я звал тебя, Авелиста, — подтвердил Жуга.

— *ты всё ещё пытаешься угадать моё имя*

— Я не теряю надежды, Армина. Я знаю, на какую букву гадать.

— *ты дерзок*

— Это так, Аставанна. Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне.

— *чего ты хочешь*

— Помоги мне, Араминта.

— *не могу*

— Тогда ответь на мои вопросы, Атахена.

— *спрашивай*

Жуга помолчал, раздумывая.

— Ты знаешь, кто идёт за мной? — спросил он.

— *да*

— Знаешь его имя?

— *нет*

Жуга опять промолчал. Переложил свирель из руки в руку.

— Ты знаешь, за кем иду я, Алаванна?

— *да*

— Они связаны меж собою?

— *да*

— Я так и знал! — Жуга сжал кулаки. — Где мне его искать?

— *иди на закат*

— Это я знал и раньше! Куда именно?

— *ты узнаешь*

— Что он хочет?

— *всё*

Жуга постоял в угрюмом молчании, зачем-то посмотрел на небо. Серебряная тень пульсировала, мерцала неярко.

— Я твоё оружие, Аренита, но я тебе не принадлежу, — сказал Жуга. — Я благодарен тебе, но не обязан. Твои цели — не мои цели, но порой они переплетаются так, что я не могу их различить, и ты этим пользуешься. Скажи лишь, верну ли я потерянное?

Голос некоторое время не отвечал.

— рано или поздно всё вернётся на круги своя, — наконец сказал он, — старые боги уходят, новые рождаются. жертва может стать охотником и наоборот. ты звал меня, но мы здесь не одни. у тебя впереди свой путь. близится утро. я уйду, но мы ещё встретимся. прощай.

— Стой! погоди! — Жуга метнулся вперёд, сделал несколько шагов, но серебристая тень уже растаяла в воздухе, как соль в воде, и он остановился. Постоял, глядя в землю, повернулся к лесу. Огляделся.

— Реслав, ты, дурак? — окликнул он. — Всё испортил! Ну, где ты? Давай вылезай.

Реслав, чувствуя себя страшно неловко, вышел из-за дерева.

— Я это... Я не знал, Жуга. Прости.

— А... — махнул рукою тот. — Ладно. Я и сам должен был смекнуть, что ты придёшь. А ты, оказывается, чуткий малый! Балаж спит небось?

— Без задних ног.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел на Реслава.

— А я тебя недооценил, — сказал он. — Хорошо, что ты пошёл со мной... Помоги мне, Реслав.

— Я? — опешил тот. — Кабы я мог...

— Ты можешь. Если пришёл на свирель, не испугавшись, значит, можешь. Будем друзьями, Реслав.

Реслав, несколько робея, пожал протянутую руку. Жуга улыбнулся необычно по-доброму.

— Идём.

— Слышь, Жуга, — окликнул его Реслав. — Кто это был там, на поляне? Хозяин?

Жуга обернулся.

— А? Нет, что ты... Это — древнее. Оно... — Он замялся. — Я как-нибудь потом расскажу. Реслав, ты в Маргене был?

— Вестимо, был!

— А я вот не был. И Балаж не был. Что там, как, я ничего не знаю. Я, если хочешь знать, вообще в городах не бывал. Так что ты у нас теперь за старшего.

— Ну смотрите, — усмехнулся Реслав. — Коли так, слушаться меня там, как отца родного. Ясно?

— Да уж, не темно... А вот и ручей уже!

Оба напились и умылись. Небо уже посерело, на востоке занялась заря. Растолкали Балажа.

— Эх вы, охламоны, — проворчал он, широко зевая, — в такую кромешную рань подняли... Выходим, что ль?

— С рассветом пойдём. — Жуга взял котелок, ушёл за водой. Реслав раздул костёр, вспомнил при этом о вчерашнем происшествии и, когда Жуга вернулся, спросил:

— Такая нелепица тут, Жуга. Помнишь наговор вчерашний?

— Ну.

— Я ведь вроде всё правильно сказал... Да только дрова, вишь ты, нет чтоб гореть — вверх понеслись. С чего бы, а?

— Вот как? — Жуга поднял бровь. — Забавно. А я-то думал, что за шум был... Ты какой цвет выбрал? Зелёный?

— Зелёный. Может, твой наговор только для одного человека годен?

— Может быть... — Жуга бросил устанавливать котелок, потёр подбородок. — Вверх, говоришь?

В голове у Реслава будто щёлкнуло; он вдруг вспомнил, для чего Жуга затеял ворожбу на дворе у Довбуша, и изумлённо покосился на приятеля.

— Чудно... — пробормотал тот, тряхнул рыжей головой и улыбнулся виновато. — Я не знаю, Реслав. Правда не знаю. Как-нибудь потом разберёмся.

Больше об этом не говорили. В котелке заварили душистый взвар, добавили мёду из горшочка — Довбуш дал в дорогу. Каких там трав Жуга понапихал в котёл, друзья не знали, но в голове сразу прояснилось, остатки сна улетучились без следа. Быстро собрались, закрыли чёрную проплешину дёрном. Напоследок сняли с Реслава повязки. Ткань побурела, напиталась гноем, зато раны были чистыми. Балаж уважительно промолчал. Жуга кивнул довольно, поднял посох.

— Ну, двинули, — скомандовал на сей раз Реслав.

— Далеко Марген-то? — полюбопытствовал Балаж.

— К полудню там будем. — Реслав обернулся на Жугу. — Куда пойдём сперва?

— На базар, — ответил травник.

— На базар? — опешил Балаж. — Это так ты хочешь Ганну искать?! Да что нам делать там, на базаре?!

— Смотреть. Слушать.

— А ещё что?!

Жуга посмотрел ему в лицо, криво усмехнулся.

— Молчать.

* * *

Незадолго до полудня, как и предсказывал Реслав, показались серые стены, островерхие крыши и шпили Маргена. Город был не то чтоб очень уж велик, но для Жуги и Балажа и такой был в диковинку. Балаж был здесь всего раза три, Жуга вообще видел город впервые.

— Экая громадина, — пробормотал он. — Одного камня только сколько пошло...

Друзья миновали перекрёсток, другой. Всё чаще стали попадаться гружённые товаром повозки, люди — пешие и верховые. Вокруг города тянулись поля, зеленели сады. Возле стен петлёй изгибалась река — неширокая, но глубокая Длава. Огромные, высотой в несколько сажений, ворота были открыты. Реслав остановился.

— Значится, так, — сказал он. — Смотреть за вами везде и всюду я, знамо, не смогу. Ежели потеряем друг дружку, то встретимся аккурат у этих ворот — уж их-то вы отыщете. Кошельки суньте за пазуху, что ли, а то сопрут, ахнуть не успеете. То же и мешки — по сторонам глазейте, да за котомки держитесь. Панам да ляхам дороги не заступайте. Всё вроде... Да! Лошадей да телег берегитесь — зашибут, улицы здесь узкие. Ну что, на базар?

Жуга кивнул, хотя уверенность его несколько поколебалась, и трое приятелей, миновав ворота, вошли в Марген.

Реслав сразу свернул в путаный лабиринт узких, вымощенных камнем городских улочек, уверенно направляясь к базару. Множество прохожих шли в обе стороны, на троих путников никто не обращал внимания. Было прохладно, высокие дома в несколько этажей отбрасывали густую тень. Иные улочки были узки до невозможности — переплюнуть можно, но попадались и кварталы мастеровых, где могли разехаться две телеги.

— Богатые дома ближе к центру стоят, — пояснил Реслав. — Там, конечно, просторнее и улицы пошире, только делать нам там нечего.

— Далеко ещё? — спросил Жуга.

— Да нет, квартала два... Слышите?

Сквозь перестук молотков в мастерских и поскрипывание вывесок и флюгеров на крышах слышался шум базара — крики, гомон людской толпы, музыка, смех. Реслав свернул ещё пару раз, друзья миновали булочную с большим жестяным кренделем на вывеске, откуда доносился сытный хлебный дух, и втянулись в людскую круговерть городского рынка.

Жуга впервые оказался среди такого большого скопления народа, да и Балаж почувствовал себя неудобно. Толпа бурлила на площади, щупальцами заползала в близлежащие улочки, кружилась водоворотами меж ларьков и палаток.

— Базарный день! — заметил Реслав.

На углу жарили требуху, продавали на менку целую горсть. Балаж примерился подзакусить, да Реслав отговорил. Пошли дальше.

Тянулись палатки торговцев, кричали зазывалы. Друзья не знали, куда смотреть, столько всего было вокруг. Вот весёлый бородач развесил под навесом яркие лубки, рядом продают глиняные свистульки — толчётся ребятня. Тут куски крашеной ткани, там платье, дальше — больше: обувь на любой вкус и размер, крынки-корчаги, стекло, корзины плетёные, шляпы разные, вёдра-бадьи, шайки-лейки... Узколиций голубоглазый малый

в немецком платье торговал зеркалами. Зеркала были на диво ровные, ясные, бросали в толпу яркие солнечные зайчики. Жуга поднял голову, посмотрел на отразившуюся в зеркале скуластую физиономию с копной рыжих волос. Поджал губу.

Подошёл Реслав.

— Что, залюбовался? — добродушно осведомился он.

— Да уж, что и говорить — неказист. — Жуга постыдился сказать, что видит зеркало впервые в жизни. То есть своё отражение он, конечно, видел — и в лужах, и в реке, но чтобы так...

Реслав вдруг резко обернулся и отвесил затрепину оборванному чумазому пацану, вертевшемуся за его спиной.

— А ну, сгинь, пострел! — Пощупал кошелек за пазухой — не стащили ли.

Из толпы вынырнул Балаж.

— Ф-фу! Насилу вас нашёл. — Он вытер пот рукавом. — Жарко! Пошли дальше, что ль?

Потянулись ряды с разной живностью: утки-гуси, свиньи, прочая скотина. Здесь стояло множество телег, воняло мокрой шерстью и навозом, продавцы и покупатели торговались, спорили, бранились, ударяли по рукам. Троицким приятелям тут тоже делать было нечего, и Реслав поспешил свернуть в обжорный ряд, где румяные разбитные торговки сбывали фрукты-овощи, масло, яйца и молоко. Здесь тоже толпился народ, шныряли нищие. В воздухе тучами летали мухи.

— А почём твоё масло, хозяйка? — подмигнув приятелям, подъехал Реслав к одной из них.

— Три менки крынка, хлопчик.

Реслав состроил озадаченную мину:

— У! Дорого... Да хорошее ли масло-то?

— Как не хорошее! Да ты попробуй, сердешный, попробуй, коль не веришь...

Реслав выудил из кармана добрый ломоть хлеба, подцепил ножом кус масла. Размазал, сжевал.

— Ну?

— Чтой-то не разобрал, — неуверенно сказал он. — Может, у соседки лучше?

— Лучше? Да разве ж у неё масло?! Это ж обрат один! Глянь-ка сам!

Соседка затеяла перебранку. Реслав незаметно перешёл к следующему лотку.

— Смекаете? — обернулся он к Жуге и Балажу. — Только шибко не жадничайте, понемножку берите. Базар большой.

Дважды повторять не пришлось. Приятели двинулись вдоль рядов, пробуя масло, творог, сметану. Зачерпнули жменью семечек, закусили яблоками, грушами. Напоследок выпили квасу на полушку и, заморивши червячка, пришли в хорошее настроение. Дела и заботы на время отступили, людской поток вынес троицу на окраину, где близ широких богатых

улиц крутились разные веселья. По пути попалась пёстрая толпа цыган. Пели, плясали, водили медведя. Медведь фыркал, мотал длинной узкой мордой, вставал на задние лапы, тоже плясал, косолапо, неумело. Народ веселился, но почему-то было жаль топтыгина.

— Береги кошельки, хлопцы! — весело прикрикнул Реслав, рассекая плечом толпу. — Цыгане, они ушлые — детей в рванину обряжают, да золото возами возят!

Молодая белозубая цыганка в ответ на это зыркнула весёлыми чёрными глазами, рассмеялась и исчезла в толпе, лишь взметнулись вихрем цветастые юбки. Пиликали скрипки. Через минуту Реслава и Балажа вынесло к столбу. Народ вокруг хихикал, подзуживал. Невысокий, простоватого вида паренёк лез наверх, где в плетёной клетке сидел большой золотисто-зелёный петух. Хозяин петуха — толстый бородач в красной рубахе — прохаживался вокруг, растревлял публику:

— А ну, честной народ, не гляди друг другу в рот! Кто сильнее, кто ловчей — не скажи, не ворожи! Достань петуха — силу покажи да подарок заслужи! Сей каплун — знатный калкун, курячий топтун, он же лакомый кус на пирушку, а на носу имеет завитушку! Ай, хлопец-молодец, лезет — не долеет! Эй-эй, гляди, вниз не упади!

Столб, видно, был смазан, а может, просто гладко стёсан — под свист и улюлюканье парнишка съехал вниз, не добравшись до клетки двух саженей.

— Эк слетел, знать, мало каши ел! — развеселился хозяин. — Народ честной, деревенский-городской, не смотри да не стой, коль карман не пустой! Менку бросай да наверх полезай! Молод или стар, добудь самовар!

Только теперь друзья заметили награду победителю — около столба, на столике сиял колобокой медью полуведёрный самовар. Вещь, что и говорить, дорогая да и в хозяйстве полезная. Парень с вислыми усами выдвинулся из толпы, бросил в шапку менку, поплевал на ладони и полез наверх.

Реслава разобрало.

— Ну, шпарит толстопузый, как по писаному! — Он приставил ладонь козырьком, посмотрел наверх. — Не, не долеет... А добрый самоварчик! Слазать, что ль, за пятахом? А может, ты, Балаж, попробуешь?

Из толпы вынырнул Жуга.

— Эк растащило вас на дармовые самовары! — усмехнулся он, но тоже поглядел наверх с интересом. — Вишь, чего придумали...

— Ты где был?

— Так... шатался окрест. Что, Реслав, полезешь?

— А ты?

— С моей-то ногой? Не...

Усатый меж тем тоже до петуха не добрался. Реслав шагнул вперёд.

— Ну-ка, дай я! — Скиданул рубаху, сапоги и сунул всё Балажу. — Присмотри. — Бросил хозяину менку.

— А вот хлопец добрый, сильный, хоробрый! Долго не спешил, да вишь-таки решил. Полезешь, стало быть? — разошёлся зазывала.

— Будет цокотать-то. — Реслав обошёл столб, вытер о штаны потные ладони. — Расчесал язык... Скажи лучше по чести, отдашь самовар, коли залезу?

— Вестимо, отдам!

Реслав под смех толпы с дотошностью осмотрел самовар и полез наверх, по-медвежьи обхватив гладкий столб. Лез он неторопливо и, хоть скользок был путь, к цели помаленьку приближался. Вскарабкавшись саженей на пять, остановился, перевёл дух. «Лезь давай! — кричали снизу. — Слабó?»

Реслав попал на скользкий участок, съехал чуток. Толпа засвистела, засмеялась. Реслава разобрала злость. Он рванулся, ухватился за клетку. Дверца не поддалась. Реслав крикнул, рванул что было сил, и вся плетёная стенка с треском вылетела вон. Реслав от неожиданности чуть не свалился.

Толпа ахнула радостно. Петух вырвался наружу, встряхнулся, расправил крылья и неуклюже слетел вниз. Следом съехал Реслав.

— Ай, молодец! — вскричал в притворной радости хозяин. — Достал-таки! Возьмёшь самовар аль другой какой товар? Может, деньгами хочешь? Два талера даю.

— Ну, нет! — усмехнулся Реслав. — Коль обещал, давай обещанное.

Народ развеселился, Балаж насилу вытащил Реслава из толпы. Потный, красный, тот стоял, сжимая в охапке круглое пузо самовара, и улыбался.

— Во как!

— Трудно было? — поинтересовался Балаж.

— А, ерунда... Брюхо только занозил. — Реслав нырнул головой в рубаху, надел сапоги и огляделся вокруг. — А где Жуга?

Рыжая долговязая фигура Жуги маячила у маленькой полосатой палатки, где полный лысоватый человечек торговал травами и амулетами. Балаж и Реслав подошли поближе.

— А вот оберёг возьми, хлопец. — Продавец покачал на кожаном шнурке штуковину — курячий камень «с дырочкой». — Недорого отдам — четыре менки всего прошу, зато от сглазу сохранит.

Жуга равнодушным взглядом обвёл лежащий на прилавке товар.

— Баловство всё это, хозяин, — с неодобрением сказал он и взъерошил волосы рукой. — Камушки, деревяшки пустые... Да и травы собраны бестолково. Ежели хочешь знать, у тебя только одна тут вещь стоящая.

— Да? — насторожился торговец. — Какая?

Реслав хотел было вмешаться (Жуга явно нарывался на завышенную цену), но передумал и остался в стороне.

— А вот! — Жуга указал в угол лавки.

Брови торговца удивлённо поднялись: там не было ничего, лишь спал, свернувшись на одеяле, растрёпанный, похожий на самого Жугу рыжий котёнок.

— Кот, что ли? — пробормотал толстяк.

— Продашь?

— Отчего не продать? Продам, — оживился продавец, протянул руку, подхватил кота. Тот сонно жмурился, зевал. Вытянул шею, с любопытством обнюхал протянутую руку Жуги, потёрся об неё и заурчал. Это был ещё почти котёнок — рыжий, с белыми тапочками на лапках и смешным чёрным пятнышком на мордочке, будто ткнулся в сажу и позабыл умыться. Ярко-зелёные глаза его смотрели просительно и доверчиво.

— Сколь просишь?

Торговец замаялся.

— Десять менок, — наконец объявил он.

Жуга покачал головой:

— Много! Не жадничай — это ж кошка, не корова. Три менки дам.

— Да ты что! — поперхнулся торговец. — За такого кота... Семь менок — и баста!

— Четыре, и ни менки больше, — упирался Жуга.

— Шесть — и расстанемся друзьями.

— Пять.

— Ну, хорошо, — сдался хозяин, — пусть будет пять. Забирай.

Жуга отсчитал деньги, взял котёнка и посадил его за пазуху. Двинулись дальше.

— С ума сошёл! — накинулся на него Балаж, едва лишь отошли в сторону. — Такие деньги за облезлого кота! Пять менок!..

— Остынь, — осадил его Жуга. — Я заработал, я и трачу как хочу.

Начало темнеть. Выбравшись с базара, снова закружили по улицам.

— А ну, разойдись! — послышался окрик. Дородный шляхтич в богатом зелёном жупане прогарцевал на сером в яблоках коне. Жуга замешкался, и спину его пребольно ожгла плеть. Отшатнувшись, он злобно посмотрел вслед всаднику и потёр плечо.

— Я же упрёждал... — начал было Реслав и смолк: Жуга переменялся в лице, вытянул руку и пробормотал что-то, тихо — не разберёшь.

Через миг окно над заносчивым шляхтичем распахнулось, и судомойка сослепу выплеснула на него таз грязной воды, охнула испуганно и подалась назад. Шляхтич разразился отборной бранью.

— Ну ты даёшь! — поражённо сказал Реслав.

Жуга насупился.

— Я совсем не то хотел, — словно оправдываясь, сказал он. — Я думал, у него подпруга лопнет, а тут таз...

Послышался шум. Друзья обернулись и успели увидеть, как шляхтич, хоть и наездник был добрый, вместе с седлом мешком повалился на мостовую, запутавшись в стремянах. Реслав прыснул и отвернулся.

— Уйдём, — сказал он. — Не ровён час осерчает, накинется с саблей... Свернули поспешно за угол.

Впереди по улице шла стройная черноволосая девушка с цветастым платком вокруг бёдер. Оглянулась на миг. Жуга побледнел и вдруг рванулся за нею бегом.

— Мара! Погоди, Ма... — догнал, ухватил за плечо.

Девушка вздрогнула испуганно, обернулась.

Жуга опустил руку.

— Прости, обознался я... — смущённо потупился он.

Девушка быстро пришла в себя, улыбнулась.

— Бывает, хлопец! — перебросила косу через плечо. — Да ты не ищешь ли кого?

— Ищу вот... — Он замялся. — Тоже девку одну. Схожи вы больно, вот я и не разобрал в потёмках...

— Да я чем хуже? — игриво улыбнулась та.

Реслав со своим самоваром сердито нахмурился — не успели в город прийти, а уж подцепили продажную девку. Балаж, однако, смотрел на неё с интересом.

— Как звать тебя, рыжий? — спросила она.

— Жуга, — произнёс травник угрюмо — уж очень напоминала эта уличная девчонка пропавшую красавицу Мару и фигурой, и лицом.

— Жуга? — рассмеялась она. — Смешное имя! Что это у тебя за пазухой? Котёнок шевелился, ёрзал под рубашкой. Жуга вытащил его.

— У меня... Вот...

Повисло неловкое молчание. Девушка ждала, поглаживая котёнка. Тот мурлыкал.

— Сколько ты хочешь? — наконец спросил Жуга. Та вздрогнула, покосилась на Реслава — тот стоял с рожей краснее самовара у него в руках и смотрел зверем, — вздохнула, улыбнулась невесело.

— Двадцать, — наконец сказала она.

— Менок?

— Да.

Жуга оглянулся на друзей.

— Есть тут поблизости комната с ночлегом?

Девушка вытянула руку:

— Вон там корчма добрая, у Ладоша. Да и вино хорошее подаёт. — Стрельнула глазами, потупилась. — Пойдём?

Балаж махнул рукой: мол, чего там, пошли. Реслав хотел вмешаться, но промолчал.

— Знаешь это место, Реслав? — спросил Жуга.

— Ещё б не знать! — проворчал Реслав. — Всё верно: и заночевать можно, и поесть. Только...

— Что?

— А, ладно, пойдём. Всё равно надо где-то остановиться, — сдался он и первым зашагал вниз по улице. Жуга с девушкой двинулись следом.

– Ты не хочешь спросить, как меня зовут? – тихо спросила она.

– Я знаю, – ответил Жуга. – Влана.

Та посмотрела испуганно и промолчала, лишь кивнула согласно.

Позади всех понуро плёлся Балаж.

* * *

Питейное заведение Ладоша оказалось средних размеров двухэтажным строением, крытым красной черепицей. Вместо вывески над входом болталось на цепи выкрашенное в жёлтый цвет тележное колесо. Окна были остеклены. Трое приятелей вошли и огляделись. Сквозь сизые облака табачного дыма виднелись длинные дощатые столы с лавками, громоздящиеся у дальней стены бочки, маленький закуток, где расположились музыканты, и ведущая на второй этаж покосившаяся лестница.

– Га-га-га!!! – гулким басом вдруг захохотал кто-то за дальним столиком, поднялся и направился к ним. – Это же Реслав! Чтоб мне лопнуть – Реслав! Какими судьбами?

Обладателем громового голоса был высоченный широкоплечий детина с чёрной шапкой густых волос, упрямым широким лбом и свороченным в давней драке носом. Добравшись до Реслава, он хлопнул его по плечу так, что тот присел, и ослабил в добродушной ухмылке.

– Здорово, старый чёрт! – гудел он. – Ты где пропал? Чё это у тебя, самовар, что ли? Ну ты даёшь! А это что там за рожи?

– Здравствуй, Олег, – несколько смущённо сказал Реслав и обвёл взглядом помещение. – Что, Шварц тоже тут?

– Шварц? Да ну его в качель! Пить совсем не умеет... Тотлис-то, слышь, и его тоже выгнал. Ага, ага. Да ты, поди, знаешь! Эти двое с тобой?

– Со мной, – кивнул Реслав. – Это вот Балаж, а это – Жуга.

– Ну, Жуга так Жуга. Меня Олегом кличут, – объявил он. – Мы с Реславом вместе у Тотлиса в подмастерьях ходили. С кем девка-то?

– Со мной она, – нахмурился Жуга.

– Ну, валяйте к нам, не обидим! Вино у Ладоша доброе, а комната найдётся. Эй, хозяин! – крикнул Олег так, что зазвенели стёкла. – Четыре кружки вон за тот стол!

– Про что гуляем? – спросил Реслав.

– Да именины у одного хлыща – вон сидит, Альбином звать, купца Свега Кашилла сын.

– А второй кто?

– Литвин-то? Да Валдис, мокрая спина! Не узнал, что ль? Бороду он отпустил.

– А-а...

Пока петляли меж столов, Реслав поведал друзьям про Олега. Поступили они к Тотлису в обучение, да только Олег недели не продержался – уж

больно погулять любил да и нрав имел буйный. Силой же, однако, Бог не обидел — устроился после работать на мельницу.

— Из варягов он, тех, что у нас осели, — пояснил Реслав. — Не чаял я его тут встретить... Ну да ладно, пошли.

По пути остановили хозяина, справились о комнатах. Сторговали две за шесть менок, утвердили самоварище посередине стола и присоединились к Олеговой компании.

Альбин оказался богато одетым молодым человеком с пресыщенной физиономией балованного недоросля. Флегматичный Валдис с рыжей, щёткою торчащей бородой курил трубку. Рядом сидели ещё трое-четверо прихлебателей, крутились накрашенные девицы. Одна из них тут же забралась Балажу на колени, тот не стал возражать. Жуга устроился с краю, положил посох поблизости. Влана села рядом. Хозяин принёс вино — красное, терпкое. С непривычки у Жуги зашумело в голове, накатила приятная истома. Помещение помаленьку заполнялось народом.

Кутёж Альбина и Олега набирал обороты. Пили за встречу, за здоровье именинника, ещё раз за здоровье. Просто так тоже пили. Закусывали хлебом, салом, жареным мясом, солёными грибами. С лёгкой руки Олега пропили и самовар. Жуга вскоре потерял к пьянке интерес. Котёнок у него под рубашкой царапался, лез наружу, парень вытащил его и посадил на лавку. Посмотрел на Влану.

— Как его зовут? — спросила та, улыбнувшись.

Жуга пожал плечами:

— Не знаю. Торговец не сказал, а я не вспомнил спросить.

— Смешной какой. На тебя похож! И нос будто в саже... Назови его Сажек. Чем не имя для кота?

— Сажек? — Жуга поднял бровь, почесал в затылке, усмехнулся. — Почему бы и нет? Сажек так Сажек... Сколько тебе лет?

— Семнадцать... А как ты угадал, что меня Вланой зовут?

— Долго рассказывать. — Жуга помолчал, хлебнул из кружки. Разговор не клеился. Влана казалась лишь тенью образа, который остался в памяти. Жуга насупился, огляделся вокруг.

Балаж, уже с двумя девицами на коленях, ничем не напоминал того убитого горем паренька, который вызволил их из сарая. Он раскраснелся, реготал, опустошал кружку за кружкой. За окном давно стемнело, зажгли свечи. Вскоре Балаж выпросил у Реслава ключ, прихватил обеих девиц и убрался наверх, в комнату. Сам Реслав с пьяной серьёзностью что-то втолковывал Олегу. Валдис придирчиво разглядывал насаженный на вилку солёный груздь. Альбин спал, уронив голову на стол.

Неожиданно Олег встрепенулся, заметив кого-то у входа. Жуга перехватил его взгляд и обернулся: прямо к ним направлялись четверо мрачного вида парней. Появление их не сулило ничего хорошего.

— А-а, нашли, сволочи! — злорадно вскричал Олег, засучивая рукава. — Мало я вас тогда метелил, ещё хотите? Натё!

Завязалась свара, в которую быстро втянулся ещё десяток человек из-за соседних столов. Реслав бросился на подмогу. Слышались крики, грохот бьющейся посуды. Кто-то поспешно метнулся к двери. С треском и звоном вылетело окно. Перед Жугой возникла из дымной завесы пьяная морда, ослабилась, занесла сивую лапу. Жуга коротко отбил удар и с размаху обрушил кружку на квадратный затылок нападавшего. Схватил Влану за руку: «Наверх! Быстрее!» — вернулся до стола, схватил под мышку посох и котёнка. Отпихивая дерущихся, Жуга и Влана добрались вдоль стены до лестницы и поднялись в комнату. Дверь за ними захлопнулась.

Драка внизу пошла на убыль. Четверых зачинщиков вышвырнули, оставшихся растащили, поставили на место опрокинутые столы. Валдис исчез. Альбин окончательно сполз под стол. Реслав и Олег, понурые и побитые, сидели одни за большим столом и оглядывали разгром.

— Эх, погуляли... — буркнул Реслав. — Кто это были?

— Давняя история, — поморщился Олег. — Муку продавали с песком, гады, а говорили, будто наша. Ну, я потом нашёл двоих, вытряс из них душу, а они, вишь, снова на меня... Где друзья твои? Этот, рыжий... Жуга, что ль?

— Н-наверху... — выдавил Реслав. — С бабами...

— Да... — вздохнул Олег. — Нас на бабу променял... Бабы — это дело гиблое. К-каждая женщина, — он важно поднял палец, — это, брат, сирена... Попадёшься — пропал. Ты м-меня уважаешь?

— У... уважаю.

— Тогда выпьем...

Приятель сдвинул кружки, озадаченно посмотрели внутрь, затем друг на друга: кружки были пусты.

— Плохо, — пожаловался другу Олег.

— Ощень плохо, — согласился Реслав.

* * *

Жуга проснулся, едва забрезжил рассвет, и долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Повернулся на бок, посмотрел на Влану. Та лежала, безмятежная в утреннем сне, мягкие волосы рассыпались по подушке. На губах её теплилась улыбка. Жуга погладил рукой шелковистые чёрные пряди, улыбнулся своим мыслям, вздохнул. Поднял голову. В ногах, пригревшись на одеяле, спал Сажек.

Комната была обставлена проще некуда: широкая кровать с верёвочной сеткой и толстым войлочным матрасом, два стула, в углу — табуретка, кувшин и таз для умывания. Полотенца не было. Жуга выскользнул из-под одеяла, натянул штаны и подошёл к окну.

От реки шёл лёгкий туман. Солнце ещё не взошло, но шпили и островерхие коньки высоких крыш уже играли золотом. Жуга постоял в задумчивости и принялся умываться.

Проснулась Влана, потянулась сонно. Улыбнулась.

— Доброе утро, Жуга!

— Утро доброе, — отозвался он. Котёнок спрыгнул на пол, подошёл к нему, потёрся о штанину. Жуга мысленно отругал себя, что забыл его покормить. Наверное, у хозяина можно было найти молока.

— Жуга, — позвала Влана.

— Что?

— Откуда ты пришёл?

— С гор я.

Влана села, зашуршала одеждой. Подошла к нему, положила руку на мокрое плечо. Провела тёплыми пальцами по шраму.

— Откуда это?

— Подарок. От добрых людей. — Жуга перестал плескаться, выпрямился. Посмотрел ей в глаза, улыбнулся с грубоватой нежностью. — Не надо об этом, Вланка.

— Странный ты, Жуга, — задумчиво сказала девушка, перебирая пальцами густые пряди волос. — Скажи, у тебя... были женщины до меня?

— Нет.

— Ты хороший. — Влана подошла к окну, ловкими движениями заплетая косу. — Кого ты ищешь? Чем тебе помочь?

Жуга натянул рубаху. Пригладил мокрые волосы.

— Скажи, — замялся он, — давно ты... так...

— Год, — равнодушно ответила она. — Может, чуть больше. С тех пор, как отец умер.

— Мне очень нужно знать, — продолжил после минутного молчания Жуга, — когда девчонки... выходят на улицу, ну...

— Я понимаю...

— Бывает, что они не возвращаются? Пропадают?

Влана задумчиво помолчала. Пожала плечами.

— Наверное... Впрочем, да. Особенно если одна и в первый раз. По неопытности, наверное. А что?

— В первый раз... — Жуга вспомнил, как вчера резвился некогда безутешный Балаж, и в голову ему пришла неожиданная мысль. — Ч-чёрт...

— Что?

— Яд и пламя, как я раньше не подумал об этом?! — Жуга заметался, подобрал котомку, вытащил кошель.

— Не надо... — начала было Влана, но травник лишь махнул рукой. Высыпал деньги на одеяло — менок сорок, отобрал себе две-три, остальное оставил.

— Бери, не перечь, — сказал он, подхватил Сажека, задержался на миг у дверей. — Помоги тебе Бог, Вланка, — сказал он. — Мне пора.

— Может, ещё свидимся, — грустно улыбнулась та. — Будешь в Маргене — заходи к Ладошу.

— Всё может быть. Жизнь долгая. — Он улыбнулся тоже, поднял посох. — Прощай.

— Прощай.

* * *

Внизу было тихо. Двое ранних посетителей закусывали жареной рыбёшкой. За столиком в углу сидели Балаж и Реслав и похмелялись после вчерашнего. Балаж выглядел невыспавшимся, моргал красными глазами. Реслав обзавёлся роскошным синяком под глазом. Кошело у обоих были пусты.

— Говорил я, — укоризненно сказал Реслав, когда Жуга спустился, — не надо было сюда идти. Уж больно вино у Ладоша крепкое.

— С чего вы драку-то вчера затеяли? — спросил Жуга.

— Эт разве драка! — ухмыльнулся Реслав. — Ты скажи спасибо, что Бертольд Шварц не пришёл — тот бы до утра шуровал. Эх, где он сейчас, морда немецкая... Деньги есть, Жуга?

Оба с надеждой посмотрели на него. Тот покачал головой.

— И этот туда же... — неодобрительно заметил Реслав. — Все менки псу под хвост... Э, дурни! Чё дальше делать будем?

Жуга кликнул хозяина, спросил кружку молока и жареной рыбы на всех. Отлил молока котёнку в миску, бросил рядом рыбью голову. Реслав вынул засохший ломоть хлеба. Принялись за еду.

— Вот что, Балаж, — хмуро сказал Жуга, когда с рыбой было покончено. — Ответь мне: девка Ганка или нет?

Тот захлопал глазами:

— Ты что, Жуга, глаза потерял?! Вестимо, девка.

Терпение травника лопнуло.

— Я тебя спрашиваю, кобёл бесхвостый! — рявкнул он. — Девка Ганка или *уже* нет?!

Балаж совсем растерялся.

— При чём тут это? — спросил он и покраснел до кончиков ушей. Промолчал.

— Не успел, стало быть! — удовлетворённо кивнул Реслав. — Ай да Ганка, молодчина, не далась дураку... а правда, при чём тут это?

Жуга уже думал о своём. Посмотрел в окошко.

— Сегодня что, опять базарный день?

— Так ведь базар всю неделю будет: осень, — пояснил Реслав, вздохнул грустно. — Денег только нет.

В углу зашевелились. Жуга обернулся: с брошенного в закутке одеяла поднялся невысокий белобрысый паренёк, зевнул, нахлобучил чёрную катаную шляпу с лентой, вытащил из ниши потёртую скрипку, любовно сдул с неё пыль. Видно, это был один из вчерашних музыкантов, заночевавший прямо тут. Жуге вспомнилось, как лилась вчера, словно густое вино, плачущая вазурская дойна, встал и подошёл к нему.

— Здоров будь, хлопец, — начал он. — Как звать тебя?

Паренёк с некоторой опаской оглядел угловатого рыжего незнакомца и улыбнулся, не почуяв угрозы.

— Здорово, коль не шутишь. Иваш я.
— Меня Жуга зовут. Подзаработать хочешь?
— Кто ж не хочет! А что делать надо?
— Слышал я твою скрипку вчера. А повеселее можешь?
Скрипач заулыбался. Кудрявые волосы выбились из-под шляпы.
— Шутишь? Конечно могу!
— Кто вчера играл с тобою? Можно сейчас кого сыскать?
— Владек-цимбалист тут вроде оставался ночевать, наверху. А больше всё. К вечеру разве что.

Жуга кивнул:

— Годится. Тащи его сюда. Что заработаем, третья часть ваша.
— Да что делать-то? — не отступал Иваш.
— Вам? — Жуга поднял бровь, рассмеялся. — Играть! Инструменты захватите.

Вернувшись до стола, он подхватил мешок и посох. Реслав и Балаж вопросительно смотрели на него.

— Сколько задолжали? — спросил Жуга.
— Тридцать шесть менок, — ответил Реслав.
— С полушкой, — добавил Балаж и почему-то покраснел.

* * *

На базаре было людно. Реслав и Жуга шли первыми, волоча за ручки большую жаровню. Раскрасневшийся Балаж тащил вязанку дров. Последними шли Иваш и дородный чернявый Владек со своими цимбалами.

Реслав начал смекать, что к чему, когда Жуга отыскал ровное место и разжёл жаровню. Балажа услали за второй вязанкой, а когда вернулся, за третьей. Народ останавливался, с любопытством поглядывал и проходил мимо.

— По углям ходить будешь? — тихо спросил Реслав. Жуга кивнул:

— А что остаётся?
— Ну, покудесничать малость.
— Мало тебя, дурака, били.

— Всё не могу взять в толк, как это у тебя получается, — задумчиво сказал Реслав. — Наговор, что ль, какой?

— Да какой там наговор. — Жуга поворошил угли, подбросил ещё дров. — Тут всё просто. Главное — не бояться и ногу поплотнее ставить, чтобы воздух не попал.

— Гасить их, что ли?

— Вроде как... Ещё мыть не надо ноги, ни до, ни сразу после. А то ещё плохо, если железки в костёр попадут. Вот они обожгут так обожгут.

— Это что ж, — опешил несколько Реслав, — и я б так смог?

— Отчего нет? Потом попробуешь... Помнишь, ты вчера за петухом лазал? Зазывай народ, чем ты хуже того мужика? Сможешь?

– Попробую.

Жуга оттолкнул пару-тройку любопытных и опрокинул жаровню. Угли рассыпались, развалились мерцающей горкой. Прихваченной кочергой разровняли правильный круг сажени в три. В жаровню подложили новые поленья на добавку. Жуга скинул царвули, повернулся к музыкантам, улыбнулся:

– Вжарьте побойчее. Эх, жаль, что светло!

– А мне что делать? – спросил Балаж.

– От тебя толку мало. Возьми, вон, барабан...

Стал скапливаться народ, привлечённый зрелищем. Владек с Ивашем заиграли потихоньку, а когда собралось побольше людей, умолкли. Реслав заробел было, да вспомнил, как в глаза обжуживал торговков на рынке, как складно врал вчера дядька с петухом, и начал:

– Ай, честной народ, чего стоишь, под ноги глядишь? Раздай, расступись, а не то погоришь... – Он замешкался было, но на выручку пришёл Жуга:

– Вишь, угли пылают, жаром пугают, а заметишь грош, так и по углям пойдёшь! – Он обошёл круг, худющий, рыжий, словно сам выскочил из огня, осклабился весело. – Бросайте менки, берегите коленки – огонь не велик, да стоять не велит!

Снова вступил Реслав:

– Али вправду говорят, будто ноги не горят? – Он тоже двинулся вкруг углей. – Эй, добры молодцы, девицы красные, гляньте на диво! Всё повидали, всякого-разного, лишь по углям не ходили, глянь, как красиво!

Жуга подмигнул музыкантам. Иваш поднял смычок. Грянула плясовая. Глухо, сбивчиво бухал барабан. Жуга притопнул, всей пятой ступил на угли и – вперёд, вперёд, шажками мелкими, как горох, двинулся по кругу в лихом переплясе.

Народ ахнул, загомонил. Кто-то под напором людской толпы остушился на угли, ругнулся и отскочил. Все засмеялись, забили в ладоши.

Жуга спрыгнул на землю. Музыканты дали паузу.

– Ещё! – крикнули в толпе. В подставленную шляпу полетели менки, полушки, пятаки. – Ещё! Ещё!

– Во народ, застояться не даёт! – веселился Реслав. – Кто не верит, пускай проверит, да потом всё одно никто не поверит! Эй-эй, посмотри на нас, раскрой глаза да уши, смотри да слушай весёлый пляс!

Ударили по струнам.

Жуга разошёлся, угли так и летели во все стороны. Реслав ощутил вдруг весёлую дрожь в груди, сел, стянул единым махом сапоги и, забыв, для чего он тут, припечатал босой ногою горячие угли. Припечатал и пошёл, разбрасывая тлеющие огоньки, выгоняя из башки пьяную дурь, засмеялся от нахлынувшей радости: «Могу!» Поймал весёлый взгляд Жуги – тот подмигнул лукаво – знай наших! «Эх, эх, жги!»

Было жарко и больно, но на удивление терпимо. Реслав вприпрыжку пересёк огненный круг, постоял на холодных камнях и двинулся сызнова. Кое-где в угли упали медяки, Реслав, памятуя наставленья травника, старался обходить их стороной. Жуга нагибался, выхватывал их, пока не нагрелись, скалился весело.

Угли почти погасли. Реслав подскочил к жаровне: «Поберегись!» — опрокинул. Толпа подалась назад. Свежие угли были горячее, мерцали красно, вспыхивали бегущими огоньками. Реслав заробел было, но Жуга уже махнул рукой: «Дава-ай!» — и первым выскочил на круг. И вновь плясали оба, крича шутки-прибаутки, пока не растоптали угли в пыль, в мелкую золу...

...Толпа разбрелась. Владек оборачивал свои цимбалы в чехол. Реслав сидел на земле, рассматривая попеременно свои босые ступни: ожогов и впрямь не было, лишь краснели две-три царапины да пахло копчёным.

Жуга вытер ноги тряпичей, надел башмаки. Посмотрел на Реслава.

— Ну, молодец! — одобрительно сказал он. — Не ожидал я. Эй, Иваш, сколько там?

— Три сотни, сорок две! — объявил тот. — Хотя на серебро меняй — почти четыре талера. Ну вы и задали жару! Отродясь такого не видывал. Как это у вас выходит? Держите. — Он протянул кошель и Сажека (кота на время прятали в мешке, чтобы не путался под ногами). Жуга принял, хотел что-то сказать, но тут послышался грохот, цокот копыт: это, запряжённый четвёркой лошадей, проехал и свернул на улицу богатый экипаж. Мелькнуло морщинистое лицо старика, вислые усы, копна седых волос.

— Ишь, поехал! — пробормотал Иваш. — На четвёрке...

— Кто это? — спросил Балаж.

— Михай Пелевешич, вельможный пан... Поместья у него тут и замок за городом. Да и в самом Маргене он большую власть имеет.

Сзади послышался непонятный шум. Все обернулись: Жуга стоял, глядя вослед экипажу. Сажек в диком страхе повис у него на рукаве, расцарапав руку до крови.

Жуга повернул голову. Взгляд его был страшен.

— Жуга! — всполошился Реслав. — Ты чего, Жуга?!

— Сколько ему лет? — хриплым голосом спросил он. Все молчали, и Жуга, не дождавшись ответа, закричал: — Сколько ему лет?!

* * *

Ночь выдалась тёмной и ненастной. Шелестел по крыше дождь. В корчме у Ладоса было пусто, лишь в углу за столом сидели четверо. Теплилась жёлтым язычком свеча. Чуть в стороне на лавке спал котёнок.

— ...Лараш Зегальский, городской каштелян, — сосредоточенно загибая пальцы, вспоминал Иваш. — Вильгельм Штох, купец Бременский, тоже давно тут живёт. Олекса Григулевич, тоже купец. Гжегож Пшимановский,

шляхтич знатный... — Иваш показал два сжатых кулака. — Вот... Всем почти под девяносто, остальным — немногим меньше.

— Н-да... — Жуга сидел, подперев голову рукой, глядел на свечу. — Не знаю, что и думать... Ничего не примечаешь, Реслав?

— Все из разных краёв, — подумав, сказал тот.

— Вот-вот, — кивнул Жуга. — И все богатые.

Балаж растерянно глядел то на одного, то на другого.

— Ну и что? — спросил он. — Что тут такого?

— Помолчи ты... — отмахнулся Жуга. Глянул на Иваша. — Чей замок там, по дороге на запад?

— Там, что ли? — Тот махнул рукой. — Да как раз пана Пелевешича замок и есть. Мы, кстати, завтра туда ехать собираемся.

— Вы? — поразился Жуга. — Зачем?

— Так праздник же! Сыну его, Мареку, двадцать пять стукнуло. Народ соберётся, музыкантам рады будут.

Жуга встрепенулся, многозначительно глянул на Реслава. Тот понял без слов — слишком уж много совпадений. Упускать такой случай было нельзя.

— Возьмёте нас? — спросил Жуга.

— Отчего не взять? — отозвался Иваш добродушно. — А может, ты и сам на чём-нибудь играешь? Тогда ещё лучше. Не знаю, правда, на телеге поместимся, нет.

— На свирели могу, — сказал Жуга. — А не поместимся, пешком пойдём. Лишними не будем, верно, Балаж?

Балаж к этому времени уже совсем перестал что-то понимать.

— Пожалуй, что и верно... — пробормотал он. — Только... Гм!

— Вот и ладно, — подытожил Реслав. — Ну, будем здоровы!

Друзья сдвинули кружки.

* * *

На телеге поместились.

Музыкантов подобралось четверо: Иваш, Владек, грузный и немолодой уже Михай со струнной волынкой и весёлый, ладно сбитый Григораш, который, казалось, мог играть на чём угодно. Выехали засветло. До городских ворот добирались без малого час, так узки были улочки Маргена. Михай правил. Григораш прикорнул на охапке соломы. Жуга, Балаж и Реслав прикупили новые рубашки, обзавелись шляпами. Жуга раздобыл гребень, еле расчесал свои вихры. Сажек свернулся у котомок, спал.

У ворот неожиданно повстречали Олега.

— Здорово, Реслав! — окликнул он и ухмыльнулся весело. — Никак вы до Пелевешича? А, и Жуга здесь! Здравствуй, здравствуй. Как поиски ваши?

Реслав закричал, заёрзал.

— Ничего пока...

— Что ты ему наплёл? — тихо спросил Жуга. Реслав пожал плечами: «Не помню!» Олег тем временем уже запрыгнул на повозку.

— Подвезёте?

Михай обернулся, глянул неодобрительно, но кивнул: езжай, мол.

— Может, возьмёте в долю? — Олег подтолкнул Реслава локтем, подмигнул. — Вчетвером сподручнее. Мельница всё равно пока стоит, а лишние менки никому не помеха. Чай, и мне чего отсыпется. Узнали что-нибудь?

Жуга посмотрел так, что Реслав чуть не спрыгнул с телеги, ничего не сказал, лишь потянул к себе Сажека, погладил. Кот разнежился в руках, подставил пузо, замурылкал.

Миновал полдень. Лошадёнка неспешно тащилась по дороге меж лесов и полей. Слева голубой лентой вилась Длава. Роса уже высохла, от ночного дождя не осталось и следа. Частенько встречали прохожих, обогнали гружённую дынями телегу. То и дело слезали на ходу, шли рядом, разминая ноги. Ближе к вечеру появились комары, зудели, толклись серыми облачками. Пора было подумать о ночлеге.

Жуга глядел в сторону. Реслав перехватил его взгляд, посмотрел туда же. Меж деревьев был просвет, там, на поляне, розовели в закатных лучах щербатые камни древнего дольмена. Жуга вздохнул, отвернулся. Проехали, а версты через три нашли удобное место у реки. Развели костёр, отужинали. Михай и Владек улеглись на телеге, остальные расположились под деревом у огня. Стреноженная лошадь паслась неподалёку.

Стемнело. Стараниями Жуги поспел душистый травяной отвар. Достали кружки. Олег отхлебнул, крикнул одобрительно, зачерпнул ещё. Жуга молчал, присматривался к путникам, думал.

Григораш поёжился, накинул на плечи одеяло, посмотрел в костёр, затем — на небо, вынул из мешка свирель, поднёс было к губам, да покосился вдруг на Жугу.

— Эй, рыжий!

Травник поднял взгляд:

— Что?

— Сказывали, ты на свирели артист. — Григораш ухмыльнулся, сощурился лукаво. — Покажи, а?

Жуга поколебался, взял протянутую свирель, повертел в руках. С минуты сидел неподвижно, слушая ночной лес.

— Ну же! — подначил Григораш.

Но Реслав осадил его:

— Не лезь.

Жуга поднял свирель.

Полилась мелодия, тихая, незатейливая, с мягкими бегучими перебивками, смолкла неожиданно. И вдруг за рекой залился, затенькал, отвечая, трямка-пересмешник — птица малая, ночная. Музыканты переглянулись.

Жуга играл, полузакрыв глаза, мелодия словно бы разделилась на два голоса, и уже не уловить было мотива и не понять, кто ведёт — то ли свирель в руках рыжего паренька, то ли птица за рекой.

Всё смолкло.

Неожиданно все вздрогнули: вниз по тёмному стволу дерева скользнула лёгкой тенью рыжая белка-веверица. Скакнула парню на плечо, блеснула чёрными глазами-бусинками, ткнулась ему в ухо, как сказала что-то, и через миг, сполохом метнувшись вверх, затерялась в листве.

— Дивно играешь, Жуга, — выразил общее мнение Олег. — И звери, звон, тебя любят. Чудные дела!

Больше никто ничего не сказал, все задвигались, зашуршали одеялами, укладываясь спать. Костёр почти погас. Реслав уже засыпал, когда послышался тихий голос Жуги:

— Реслав...

— Что?

Жуга помолчал.

— Ты не ходи за мной сегодня.

* * *

Среди ночи Реслав проснулся. Жуги не было, лишь котёнок свернулся рыжим калачом на одеяле в изголовье.

Далеко на востоке, где стоял старый дольмен, тихо пела свирель.

* * *

До замка добрались вскоре после полудня. Он стоял на невысоком холме, серые стены высились неровной каменной кладкой. Узкие стрельчатые окна, некогда бывшие бойницами, ныне были застеклены. На красных шатровых крышах развевались цветные флажки. Башен было пять — четыре угловые и высокий центральный донжон. Широкий квадратный двор мощён был камнем, ворота раскрыты. Повозка с музыкантами миновала подъёмный мост и остановилась. Жуга спрыгнул на мостовую, огляделся. Вокруг сдвигали столы, разгружали телеги, смеялись, гомонили. Из раскрытого подвала выкатывали бочки. Михай распряг лошадь, повёл её в стойло.

Подошёл Реслав.

— Приехали, Жуга, — сказал он. — Что дальше?

— Погоди, Реслав, не мешай, — отмахнулся тот. — Не пойму никак... В башнях они, что ли, живут?

— Ну да, внутри и в этой, как его... Если что, поднимают мост: попробуй залезь.

— Да от кого обороняться-то?

Реслав пожал плечами:

— Должно быть, было от кого... А надёжное место!

— Да, место надёжное. — Жуга прищурился, приставил ладонь козырьком. — Что в той? — Он указал на одну из четырёх угловых цитаделей.

— Откуда мне знать! — Реслав поглядел туда же, силясь понять, что привлекло внимание друга. Башня как башня, ни выше, ни ниже остальных. Хотя...

Реслав бросил быстрый взгляд на три другие, сравнивая, и хмыкнул: окна западной башни были зарешечены.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент затрубили трубы и на обтянутом красным и зелёным помосте появился Михай Пелевешич с сыном и свитой. Был он стар, но шёл легко, без посторонней помощи. Остановился, заложив большие пальцы рук за толстый богатый пояс, обвёл толпу суровым взглядом из-под кустистых бровей, ухмыльнулся. Сын его, Марек, был широкоплечий, высокий, с русой бородой, похожий на отца.

— Вольные горожане! — начал он. — Крепостной люд! Нынче знатный день — моему сыну исполняется двадцать пять!

Голос его оказался неожиданно громким и ничем не походил на старческий. Ему подали украшенный камнями кубок.

— Я пью за его здоровье!

Народ загомнил: «Долгие лета! Долгие!» Пелевешич осушил чашу, вытер ладонью длинные седые усы.

— А теперь, — объявил он, — выкатывайте бочки, несите снедь! Веселись, честной народ, пей, ешь до утра, кто сколько сможет! Это говорю я, Михай Пелевешич!

Раскрылись кухонные двери, наружу повалила челядь с подносами. Заиграли музыканты. Вышибли днища у бочек с вином. Пан Пелевешич удалился в замок — пировать дальше со своими.

Жуга тронул Реслава за плечо:

— Пойдём.

Реслав направился было вслед за Пелевешичем, но Жуга дёрнул его за рукав:

— Не туда, дурень! — и устремился к чёрному ходу.

Выбрав момент, когда поток людей с закусками прервался, они вошли, миновали кухню, где никто не обратил на них внимания, и поднялись по лестнице. Когда вышли в коридор, позади послышался топот, и их нагнал запыхавшийся Балаж.

— Погодите! Я с вами!

Жуга поморщился, но ничего не сказал, лишь сделал знак — молчи, мол. Сажек заворочался у него за пазухой, высунул голову. Жуга затолкал её обратно и двинулся по коридору к западной башне.

Реслав шёл следом, всеми печёнками ощущая нарастающую тревогу. Музыкантов они предупредили, что сидеть на одном месте не собираются. Олег же больше интересовался бочками с вином, чем прогулками по замку.

В коридоре царил полумрак, окна попадались изредка. В железных подставках торчали незажжённые факелы. Было тихо, лишь доносились со двора музыка и шум толпы да топал позади Балаж.

Внезапно коридор кончился. Жуга прислушался, отворил массивную дубовую дверь — та открылась тихо, без скрипа. Реслав поколебался, перед тем как войти, — уж слишком легко им всё удавалось.

За дверью с небольшой площадки висела узкая каменная лестница. Здесь было совсем темно. Жуга постоял, опершись на посох, и двинулся вверх, нащупывая в темноте щербатые ступени. Через несколько минут томительного кружения все трое остановились перед обитой железом дверцей. В окошко, пробитое в стене, виднелись уходящие вдаль поля и извивы реки. Жуга потрогал толстые квадратные прутья оконной решётки, вытер ладонь о рубашку. Вделанные в стену, их концы белели свежим цементом.

— Недавно вставили, — прошептал Реслав, — года не прошло.

Жуга кивнул, указал посохом на дверь: здесь. Оттуда доносился приглушённый шум, шаги. Звякнуло стекло.

Реслав решительно не представлял, что там могло быть. Он стоял как на углях. Похоже, теперь их отделяла от цели только эта дверь, но что будет, когда они войдут? Да и надо ли входить?

Замка в двери не было. Жуга взялся за ручку, надавил потихоньку. Петли не скрипели. Через приоткрывшуюся щель потянуло сладким незнакомым ароматом. У Балажа засвербело в носу, он поморщился, засопел. Жуга оглянулся, показал ему кулак: «Убью!» — открыл дверь и проскользнул внутрь, Реслав за ним. Балаж замер в нерешительности, торопливо перекрестился и полез следом.

Реслав выпрямился, оглядывая небольшое полукруглое помещение. Справа, у окна стоял стол, уставленный колбами, ретортами, ступками, фаянсовыми чашечками и разным другим алхимическим инвентарём. Книжная полка была забита множеством тяжёлых, переплетённых в кожу фолиантов. Посреди комнаты на полу стояла жаровня, где курились сизым дымком какие-то травы. Реслав вдруг почувствовал дурноту и ухватился за плечо стоявшего перед ним Жуги.

У камина, спиной к двери стоял смутно знакомый человек в просторном одеянии. Когда все вошли, он обернулся. Всколыхнулись полы длинной хламиды, мелькнула окладистая белая борода. Блеснули тёмные глаза из-под нахмуренных бровей.

— Тотлис! — успел ахнуть в изумлении Реслав и через мгновение провалился в темноту.

За спиной его со стуком рухнул на пол Балаж.

* * *

Первой вернулась боль. Накатила волной, ударила в голову, налила свинцовой тяжестью руки. Реслав поморщился, открыл глаза. Огляделся.

Он находился всё в той же полукруглой комнате, куда они вошли вместе с Балажем и Жугой, стоял у стены с воздетыми руками: запястья,

схваченные железными кольцами, цепями были прикованы к стене. Слева от него точно в такой же позе стоял Жуга, ещё дальше повис на цепях Балаж. Жуга, видно, тоже только что очнулся — тряс головой, моргал, сжимал и разжимал затёкшие пальцы. Посмотрел угрюмо на Реслава, ничего не сказал.

Реслав повернул голову.

За окном было темно. Горел огонь в камине. Справа на стене разгнали тьму два факела. Там же находилась обитая железом дверь, через которую они вошли, прямо напротив — другая.

Перед ними стоял Тотлис.

— Очнулись, стало быть, — усмехнулся он, подошёл к столу, установил вертикально большой, в два локтя окружности диск, разукрашенный кривыми красными полосами, и завёл ключиком хитрый механизм. Диск закрутился неспешно, отвлекая внимание. Реслав почувствовал, что не может оторвать от него взгляда — стоило лишь посмотреть в сторону, как глаза неумолимо возвращались к мельканию красных полос. В жаровне по-прежнему тлели травы. Веки отяжелели от приторного дыма, диск крутился, мысли вяло ворочались в голове. Краем глаза Реслав заметил, как Жуга поднял голову.

Тотлис подошёл ближе.

— Итак, ты всё-таки явился, — произнёс маг. — Я ждал тебя. А ты упрям! Надеялся застать меня врасплох? Напрасно. Не спорю, ты действительно много узнал и многому научился, но что толку в этих знаниях! Ты помнишь, кто воскресил тебя? Думаешь, ты что-то значишь сам по себе?

Жуга молчал.

— Знаешь, кто ты? — усмехнулся Тотлис. — Ты кукла, марионетка, ведома глупым, давно забытым божеством. И ты ещё во что-то веришь? Вот и сейчас ты пришёл сюда за женщиной, так? Тебя снедают пустые страсти, ты жаждешь любви, мести. Глупец! Отринь всё это! Ты думаешь, нашёл меня? Нет, это я сделал всё, чтоб привести тебя сюда!

Жуга молчал. Крутился, поскрипывая, красный круг. Реслав со страхом вдруг вспомнил слова Жуги, сказанные им на дубовой поляне: «Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне». Тогда он думал, что речь идёт о сновидении этой ночи, но теперь Реслава пробрала дрожь. Последний сон!

Смерть.

Реслав раньше не мог взять в толк, как Жуга спасся от мести валашских горцев, но сейчас вдруг воочию представил, как била, навалившись, чужеродного паренька разъярённая толпа и как тот выкрикнул в отчаянии последний наговор, и эхо долго носило меж горных вершин его предсмертный крик.

Реслав закрыл глаза, но почти сразу открыл их вновь. Проклятый диск не давал сосредоточиться, хотелось смотреть и смотреть. Реслав облизал пересохшие губы, сглотнул. Язык ворочался во рту, словно ватный.

— Не смотри на всяких недоучек. — Тотлис махнул рукой на Реслава. Голос его мягко увещевал. — Я давно слежу за тобой. Ты — единственный, кто достоин быть моим учеником. Тебя слушаются птицы и звери, ты — чародей, владеющий тайной молитвой целебных трав — это от Бога! Но я, — голос его зазвенел торжествующе, — я, Тотлис-маг, познавший силу земли и минералов, сам выбираю себе богов! Именем твоим заклинаю тебя, Ваха-рыжий, иди со мной! *Кевата-риха!*

Воцарилось молчание, лишь потрескивали, догорая, поленья в камине. И вдруг... Жуга рассмеялся. Звякнул цепью, переступил с ноги на ногу.

— Так вот ты каков, Тотлис-маг! — тряхнув кудлатой головой, сказал он. — Складно врешь! Верно, я помню, кто вернул меня *оттуда*. Но я ещё помню, как я попал *туда*. Дважды ты прикрывался мною, обдывая свои грязные делишки, — хрипло продолжал Жуга. — Мара, Ганна... Скольких ещё невинных девушек ты обескровил ради своего молодильного зелья, проклятый паук?! Видно, много платили тебе городские богачи!

Тотлис изменился в лице, побагровел, недоумённо покосился на крутящийся диск — Жуга вовсе не выглядел замороженным.

— Ты верно подгадал: скоры волохи на расправу... А только и я тогда верные слова нашёл, видно, и смерть вспять повернула. А кто мне помог, это не твоё собачье дело. Ты...

Тотлис вскинул руки, сплёл пальцы в решётку.

— Именем Малха, Вехеора и Аваса приказываю тебе, Ваха-рыжий, замолчи! — вскрикнул он.

— Ты дурак, Тотлис! — усмехнулся Жуга. — Думаешь, меня остановят эти травки и твой дурацкий зелёный кругляк? Смотри же! *Алахойста!* — крикнул он, и цепи, державшие его, со звоном лопнули.

Маг смотрел на него в немом изумлении. Жуга выпрямился — худой, страшный. Огонь из камина отбрасывал на стену его колышущуюся тень.

— Я не Ваха, — сказал он. — Когда-то меня и вправду звали Ваха-рыжий, но это имя умерло вместе со мной, а нового не знаю даже я сам. Я Жуга! Жуга! — Он взмахнул руками. Обрывки цепей взметнулись двумя серебристыми змеями.

Тотлис взвыл и кинулся вперёд.

— *Арета-эхистера!* — вскричал он, и Жугу отшвырнуло обратно к стене, ударило с такой силой, что он замешкался на миг и оглушённо затряс головой. Маг поднял руки, готовясь нанести решающий удар, но в этот миг — где только прятался? — выпрыгнул, налетел рыжий когтистый вихрь, вцепился Тотлису в лицо.

Сажек!

Маг вскрикнул и замахал руками, отбиваясь. Жуга меж тем поднялся, волоча обрывки цепей, встал, выпрямился. Из носа и ушей его текла кровь. Тень за его спиной, казалось, стала ещё больше, извивалась, дёргалась, взмахивая цепями.

— *Кфул!* — вскричал Жуга. Котёнок метнулся в сторону, выглянул опасно из-за стула. На лице Тотлиса отразился ужас — он не мог больше говорить!

Маг заметался, ринулся было к столу, где лежал короткий бронзовый меч, но руки Жуги уже взвились в диком танце, плетя невидимую сеть, цепи кружились вокруг него серебристым куполом, расколотое звено чиркнуло по щеке, пустив бежать ещё одну струйку крови. Ещё несколько взмахов — и Тотлис мешком рухнул на пол, спелёнутый по рукам и ногам.

Жуга сжал кулаки. Пальцы его светились.

— Вот и всё, Тотлис-маг, — тяжело дыша, сказал он. — «Сам себе бог!» Тебе нечему меня учить. Ты разменял свой дар на менки, жалкий крохобор, ты никому больше не причинишь зла. Я, Ваха-рыжий, прошедший смерть, пляшущий в огне, именем твоим проклинаю тебя — сгинь!

Жуга воздел руки и, как тогда, в горах, выкрикнул одно-единственное слово, потонувшее в грохоте камней. Пальцы его разжались.

Башня зашаталась, посыпалась штукатурка. Длинная трещина прошла по потолку, и огромный кусок комнаты вместе с камином, столом и лежащим на полу магом рухнул вниз.

Реслав разинул рот: башня замка раскололась пополам!

Некоторое время ещё катились камни, шуршала щебёнка, затем шум стих. Вместо стены мерцало чистыми звёздами ночное небо. Реслав, Жуга и Балаж оказались стоящими на небольшой площадке меж двух дверей. Факелы погасли, воцарилась темнота.

Жуга опустил руки, стоя на краю. Молчал. Шли минуты.

Неожиданно в тёмном воздухе перед ним облачком закружилась серебристая пыль, сложилась в неясный силуэт, замерцала.

— Ты пришёл, — хрипло сказал Жуга, — или мне это только кажется?
— *я здесь*, — подтвердил бесплотный голос.

Жуга постоял в молчании, улыбнулся криво.

— Ты с самого начала обманул меня, явившись в женском обличье, — сказал он. — Но теперь я знаю твоё имя. Ты — Амброзий, бог великого древнего народа с запада.

Пылинки заискрились ярче, и в воздухе у обрыва возникла фигура древнего старца в плаще, с посохом в руке. Белая борода ниспадала до пояса, в складках развевающейся одежды пряталась темнота.

— Да... Ты прав, — произнёс он. — Это одно из моих имён.

— Я больше ничего не должен тебе, — сказал Жуга. — Моё возвращение оплачено сполна.

— Это так. Хочешь теперь узнать своё имя?

Жуга помолчал.

— Нет, — наконец ответил он. — Узнать его от тебя — значит опять стать твоим должником. Придёт время, и я его узнаю сам. Скажи лишь, я угадал настоящее имя Тотлиса?

— Да. Его звали — *Рохобор*.

– Я найду Мару?

– Мара мертва.

Жуга вздрогнул, промолчал.

– Не хотелось верить, – проговорил он, – но раз так... Что ж, прощай.

– Прощай, – ответил старик. – Теперь тебе не нужна свирель, чтобы меня позвать. Сохрани её для других. Возможно, наши дороги ещё сойдутся... когда-нибудь...

Фигура его стала прозрачной, пыль рассеялась, и воцарилась тишина. Древний бог ушёл.

* * *

Первым делом Жуга поднял и раздул факел, потом разыскал в одном из сундуков большущие кусачки с длинными ручками, освободился от цепей, срезал наручники с Балажа и Реслава. Похлопал последнего по щекам, приводя в чувство. Тот застонал, открыл глаза.

– Давно он в обмороке? – спросил Жуга.

– Как загремело, он и откинулся, – сказал Реслав, потирая багровые садины на запястьях. Кивнул на вторую дверь. – Что там?

– Сейчас посмотрим.

Дверь оказалась незапертой. Вошли. Огонь осветил маленькую каморку с окном, белую фигуру на лежанке.

– Ганка! – ахнул Реслав, бросился вперёд. – Ганка, ты... Господи, Ганночка...

На девушке была лишь длинная белая рубашка без рукавов. Её густые длинные волосы маг обрезал. Руки Ганны покрывали шрамы и рубцы; на её бледном, измученном бесчисленными кровопусканиями лице блестели слезы.

– Жуга... – прошептала она. – Реслав... Реславка! Хлопчики... Пришли! Пришли... – упала Реславу на плечо, заплакала. Тот неловко обнял её, погладил по стриженной голове. – Он... он... – всхлипывала она.

– Всё прошло... – пробормотал Реслав. – Всё прошло... всё.

В каменную кладку стены было вделано кольцо, от которого к ноге девушки тянулась цепь. Жуга чертыхнулся, передал факел топтавшемуся позади Балажу, притащил кусачки и скусил заклёпку. Цепь со звоном упала на пол.

– Идём, – сказал он.

Идти Ганна не могла – слишком была слаба. Реслав поднял её на руки. Жуга отыскал Сажека, погладил, сунул за пазуху. Осторожно пройдя по узкому карнизу, оставшемуся от комнаты, вышли на лестницу.

– Но Тотлис-то, Тотлис! – покачал головой Реслав. – Каков гад! А я ещё в учениках у него ходил... Вот и верь после этого людям. Теперь начнётся кутерьма: богачи как мухи дохнуть будут.

– Пусть дохнут, – буркнул Жуга. – За всё приходится платить... Зато наследнички обрадуются – заждались небось.

Снизу вдруг послышались шаги. Все остановились, напряжённо всматриваясь в темноту. Блеснул свет факела, из-за поворота показалась знакомая широкоплечая фигура.

— Олег!

— Ну, наконец-то! — вскричал тот, бросаясь навстречу. — Живы! А это кто? Эва! Девка немощная. Её искали, что ль?

— Её, — кивнул Реслав.

Олег сунул факел Жуге.

— Эх, бабы, бабы... Все беды из-за них. Дай-ка я...

Он осторожно подхватил Ганку, поднял её, словно пушинку, и понёс, не переставая говорить:

— Я весь замок обегал, вас разыскивая. Здесь вход завалило, еле раскидал... Чё гремело-то там?

— Так... сволочь одну прибили.

— Ничего себе — прибили! Вся халабуда вон раскололась вдребзги и пополам.

— А гости где?

— Смеёшься? — повернул голову Олег. — Едва башня рушиться начала, только их и видели! Пан Пелевешич со всей челядью первый удрал. Один я только остался.

— Не забоялся?

— А чего мне бояться?

Жуга с Реславом переглянулись, усмехнулись понимающе.

За воротами обнаружилась беспризорная лошадь. Свели на двор, запрягли в одну из телег. Ганну уложили на свёрнутые одеяла, укутали теплее, принесли воды. Жуга отыскал в повозке музыкантов их котомки, побросал в телегу. Запасливый Олег пробежался вдоль столов, набил мешок снедью. Зачерпнул напоследок ковш из бочонка.

Двинулись в путь.

Ночь была прохладная, звёздная. Поскрипывали колёса. Олег вызвался править. Ганка лежала, глядя на Реслава, улыбалась грустно. Балаж молчал, насупившись: о нём все забыли. Жуга сидел сзади, глядя на удаляющийся замок, гладил задумчиво Сажека. Котёнок всё ещё вздрагивал, косился по сторонам, затем перелез через мешки и подобрался Ганне под руку.

— Ах! — удивилась та от неожиданности. — Кошка!

— Это кот, — с улыбкой поправил её Жуга.

— Как его зовут?

— Сажек.

— Сажек... — Она погладила котёнка. Тот замуркал, заурчал, свернулся у неё под боком. Уснул.

Повозка проехала ещё несколько вёрст, и полуразрушенный замок словно страшный сон растворился в ночи.

* * *

Реслав проснулся затемно. На ночлег стали близ реки, от воды тянуло холодком. Над росистой травой стлался густой туман. Вдалеке куковала кукушка. Постель Жуги была пуста.

Реслав встал, прошёл мимо шалаша, который вчера соорудили для Ганки, чтоб не дуло, и направился к реке. Олег и Балаж спали, забравшись под телегу. Реслав прошагал ещё немного, и вскоре впереди замаячил неясный серый силуэт человека.

Жуга сидел на берегу, скрестив ноги, смотрел на бегущую воду.

– Ты, Реслав? – спросил он, заслышав шаги.

– Я. – Реслав сел рядом, помолчал. – Чего не спишь?

– Кукушку слушаю, – отозвался травник.

– Ну и сколько накуковала?

– Считать устал. Как там Ганка? Спит?

– Спит.

Жуга вытащил из воды котелок с остывшим отваром:

– Я тут ей приготовил... чтобы силы поддержать.

Помолчали.

– Я, Жуга, вот что тебе хочу сказать, – начал наконец Реслав. – Наговоры твои... в общем... цвет...

– Я знаю, – кивнул Жуга. – Я не различаю красное и зелёное. Мне многому придётся учиться заново. А ты, Реслав, по-прежнему думаешь магию изучать?

Реслав задумался.

– Не знаю. Хочется, конечно, но как вспомню Тотлиса, так прямо оторопь берёт. Столько лет учиться, чтобы потом превратиться в такое вот. Хотя, может, он и раньше был такой. Подлец – он и без магии подлец. Знаешь, Олег с утра в Марген собирается.

– А вы? – спросил Жуга.

Реслав потупился:

– В Чедовуху, наверное... А ты разве нет?

Жуга помолчал.

– Знаешь, Реслав, – наконец сказал он. – Меня ведь что раньше погоняло? Ненависть, злоба... месть. А теперь всё ушло. Мары больше нет... Пусто как-то. Я ведь даже имени своего не знаю, так, прозвище – Жуга. – Он подёргал себя за волосы. – Только жизнь и осталась, а я... не знаю, что с ней делать. Дорог на свете много, попробую отыскать свою.

– А как же...

– Ганка спит? – перебил его Жуга.

– Спит... – растерянно ответил Реслав.

– Так вот, сделай всё, чтобы она спокойно спала. Любит она тебя, понял, дурень? Так-то.

Кукушка неожиданно смолкла. Жуга мотнул вихрастой головой, засмеялся тихо.

— Чего смеёшься? — набычился Реслав.

— Я уж думал, не остановится она. Ишь сколько накуковала. Ну, пойдём, Реслав, — солнце встаёт.

* * *

После завтрака Олег запряг лошадь, выехал на дорогу. За лесом уже виднелись островерхие шпильки Маргена.

— Ну, прощаться будем? — подытожил он. — Пора мне. Лошадь я верну, знаю я её — Витольда-рябого кобыла. Кто со мной в Марген?

Реслав пожал плечами, посмотрел на Ганну. Та уже была не так бледна, как раньше, улыбалась. Если бы не рубашка ниже колен да чересчур заметная грудь, коротко остриженную Ганку можно было принять за мальчишку.

— Езжай, — сказала она. Подошла, взяла Олега за руку. — Спасибо тебе. Будешь в Чедовухе — заходи. Отца моего Довбушем зовут.

Олег замылся, засопел. Проворчал: «Эх, бабы...», залез на телегу, тронул вожжи. Помахал рукой: «Прощайте!» — и вскоре скрылся за поворотом.

— Чай, и нам в путь пора, — сказал Балаж.

Ганна молчала. Подняла руку к плечу, по привычке поискала косу. Покосилась на Жугу. Тот улыбнулся.

— Реслав?

Реслав замылся, потупился неловко.

— Я... это... — Он посмотрел на Ганну, покраснел. — Может, всё-таки пойдёшь с нами в деревню, а, Жуга? Довбуша проведем. Пошли, а?

Жуга помолчал.

— Ты иди, Реслав, — наконец сказал он, — а мне там делать нечего. И в горы возвращаться тоже не хочу. Довбушу мой поклон. Пусть не сердает на меня.

Повисло неловкое молчание.

— Куда ж ты теперь?

Жуга пожал плечами.

— Куда-нибудь. Голова да руки везде пригодятся. — Он полез за пазуху, вытащил Сажека. Протянул Ганке. — Возьми, Ганна. Он хороший. Пусть живёт у... — Он поглядел на Реслава и закончил: — ...У вас.

Ганна потупилась смущённо, зарделась. Посмотрела на Реслава, улыбнулась:

— Спасибо, Жуга...

Балаж молчал. Выражение лица у него было самое кислое.

— Тут, неподалёку, город есть, — сказал после недолгого молчания Реслав. — Вечно с его жителями что-то приключается. Может, там для тебя дело найдётся?

– Может быть. Как он называется?

– Гаммельн.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел вдаль.

– Пожалуй, я загляну туда.

– Прощай, друг, – сказал Реслав. – Я не забуду, как мы вместе ходили по углям. Может, ещё свидимся.

– Прощай, Реслав. Счастья тебе. И тебе, Ганна. Да и тебе, Балаж, тоже.

Жуга повернулся и зашагал вдоль по дороге. Остановился, поднял на руке посох, размахнулся, забросил его в кусты и пошёл дальше, уже не останавливаясь.

Он всё шёл и шёл, а двое парней и девушка всё стояли и молча смотрели ему вслед, пока его нескладная фигура не скрылась вдали.

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

2

Медведь повернул к травнику перемазанную земляничным соком морду. Фыркнул.
«И это всё? Ты просто повернулся и ушёл?»

Жуга пожал плечами.

— Нет. Конечно нет. Но как я мог остаться? Для чего?

«Вы, люди, вечно ищете, как обмануть природу, — задумчиво проговорил медведь. — И эти ваши глупые самки тоже... А этого колдуна из старой баини я знаю».

— Ты хотел сказать — знал?

«Ах-ф! — вздыбился медведь. — Знал, знаю, буду знать — какая разница?! В конце концов, совсем не в этом дело... Тот, кто помог тебе вернуться в мир, мог разъяснить и остальное. Глупая человеческая гордость! Почему ты отказался?»

Травник промолчал, и зверь успокоился так же внезапно, как и разъярился.

«Ну ладно, — проворчал он. — Что там было после?»

ТРИ СЛЕПЫХ МЫШОНКА

Вывеска была яркая и большая.

На серой каменной стене она сразу бросалась в глаза, заметно выделяясь из череды грубых жестяных бочонков, сапог, кренделей и колбас, коих множество висело над дверями прочих лавочек и мастерских. Чувствовалось, что хозяин не поспешил и нанял умелого рисовальщика: на жёлтом фоне в прихотливом обрамлении зелёных листьев полукружием изгибались красные готические буквы.

Надпись гласила:

IOGANN GOTLIB
FARMACIVS

В правом нижнем углу была нарисована медная ступка с пестиком, в левом — стеклянный флакончик. Подойдя ближе, можно было прочесть написанное мелкими буквами: «Мази, эликсиры, порошки, настойки и дру-

гие целебные снадобья по доступным ценам. С разрешения муниципалитета города Гаммельна».

И всё.

Что тут непонятного?

Господин Иоганн Кристиан Готлиб, главный аптекарь города, сидел в большом кожаном кресле и задумчиво смотрел в окно, уже битых полчаса наблюдая, как странного вида паренёк на той стороне улицы рассматривает его вывеску. То был высокий, нескладный малый лет двадцати, с копной взъерошенных рыжих волос, ничем особо не примечательный, правда, может быть, несколько мрачноватый для своего возраста. Впрочем, последнее легко было объяснить: на улице шёл дождь.

Даже не дождь, а холодный осенний ливень, вымывающий из городских стен последние остатки летнего тепла. Небо заволокло тучами от края и до края. Тяжёлые как свинец капли с тупым упорством долбили черепицу крыш, плясали мелкими брызгами, потоками низвергались в жерла водосточных труб, чтоб вырваться из жестяного плена далеко внизу и бежать, бежать вдоль по улицам холодными бурлящими ручьями...

Стояла осень, тот период между октябрём и ноябрём, когда уходящее лето ещё может на прощание подарить пару тёплых дней, но обманывать себя становится всё труднее, да и нет уже бодрящей утренней свежести, лишь висит в воздухе промозглая осенняя сырость да пахнет прелой листвой.

Осень — это такая пора, когда чешутся и болят старые раны, ноют суставы и выползает невесть откуда застарелый ревматизм, а уж о простуде и говорить нечего: каждый второй кашляет и чихает. В такие дни в аптеке у Готлиба обычно не бывало отбою от покупателей, но сегодняшний ливень отпугнул, кажется, всех. Редкие прохожие кутались в тяжёлые намокшие плащи и шли быстро, чуть ли не бегом, и лишь рыжий паренёк напротив аптеки был недвижим, стоял, о чём-то размышляя.

Часы на городской ратуше пробили половину шестого. Иоганн Готлиб покосился на камин, где догорали последние угольки, вздохнул и плотнее запахнул подбитую мехом накидку — его знобило. Аптекарь было пятьдесят восемь, а это не такой возраст, когда организм способен сам себя обогреть, да так, что можно даже стоять на улице под проливным дождём...

Да что он торчит там, у стены, словно привязанный?

Готлиб заёрзал, устраиваясь поудобнее в скрипучем кресле, и в этот момент незнакомец, словно услышав его мысли, вдруг перешёл улицу и направился к дверям аптеки.

Звякнул колокольчик.

Господин Готлиб встал, неторопливо спустился по лестнице и сам открыл дверь — прислуги у него не было, лишь приходила готовить и прибирать престарелая фрау Марта.

За дверью было сыро и холодно.

— Добрый день.

Стоявший на пороге юноша был на полголовы выше старого аптекаря. Яркие голубые глаза смотрели цепко и внимательно. У правого виска белел узкий рваный шрам. Одежда его была мокра, с волос капало.

— Добрый день, — с лёгкой улыбкой согласился Иоганн Готлиб, хотя по всему было видно, что день сегодня выдался хуже некуда. — Чем могу служить, молодой человек?

Юноша остался серьёзным, лишь переступил неуверенно и снова покосился на вывеску.

— Мне сказали, — медленно выговаривая слова, произнёс он, — что здесь живёт господин Готлиб, городской знахарь. Это так?

Готлиб кивнул с медлительной важностью.

— Да, это я. Но я не знахарь, юноша, я служу фармации именем Господа и науки. Среди моих клиентов много городских вельмож и даже сам граф фон Оппенгейн... Мне показалось, ты долго раздумывал, прежде чем постучаться. Тебя смутила моя вывеска?

— Я плохо умею читать, — хмуро признался паренёк. — Да ещё эти рогатые буквы...

— Вот как? — Готлиб поднял бровь. — Думаю, в любом случае трудно пройти мимо такой яркой надписи.

Паренёк замялся смущённо.

— Видите ли... э-ээ... — Он замешкался, провёл рукой по мокрым волосам. Стряхнул с ладони холодные капли. — Как бы это сказать... В общем... Аптекарь умоляюще воздел руки:

— Довольно. Довольно, юноша. Кажется, я совсем тебя запутал... У тебя, наверно, дело ко мне?

— Да, я...

— Пройдём в дом. Мои кости уже не те, что раньше, и не выносят такой сырости, да и ты слишком долго пробыл под дождём, чтобы нормально соображать.

— Спасибо, — сказал гость, перешагивая через порог. — По правде сказать, я люблю дождь.

— Неужели? — Иоганн Готлиб закрыл за ним дверь. — Ха-ха! Кто бы мог подумать... Многие говорят, что любят дождь, сидя при этом у зажжённого камина, но я впервые встречаю человека, который признался в этом, промокнув предварительно до нитки... Поднимайся.

Сейчас, когда между ними не было запотевшего стекла, господин Готлиб смог лучше рассмотреть своего неожиданного гостя.

Теперь аптекарь понял, что первое впечатление его обмануло: юноша был не столь уж высок, как казалось, но странное сочетание худобы и угловатости создавало иллюзию большого роста. Резкие черты лица и шрам на виске слегка старили его; рыжие всклокоченные волосы и пух на подбородке, наоборот, делали моложе. Одежда и чересчур мягкое произношение выдавали в нём южанина, а лёгкая походка — уроженца гор. Э, да он хромает!

«Сколько же ему лет?» — неожиданно для самого себя задумался вдруг Готлиб и понял, что не может пока ответить на этот вопрос.

Он опустил в своё любимое кресло и указал рукой на стул:

— Присаживайся.

— Благодарю. — Гость подошёл к камину и протянул руки к огню. — Я тут постою.

Потухшие угольки вдруг замерцали трепетными язычками, бросая в комнату бледные отсветы. За окном постепенно темнело.

— Огонь ты тоже любишь? — спросил аптекарь.

— Огонь? — Парень пожал плечами. — Наверное... А что?

С промокших рукавов его рубашки поднимался пар.

Готлиб уселся поудобнее и вытащил из футляра гусиное перо.

— Ну-с, зачем ты хотел меня видеть?

Парень поднял взгляд.

— Я только вчера пришёл в Гаммельн... — сказал он, разминая озябшие пальцы.

— На заработки?

— Нет, по делу. Но денег у меня и вправду нет.

Аптекарь нахмурился:

— А при чём здесь я?

— Вы ведь знахарь?

— Фармациус! — недовольно поправил Готлиб.

— Да... э-ээ... фар-ма-цевс. — Паренёк с трудом повторил незнакомое слово и сбросил на пол слегка подмокший заплечный мешок. — У меня здесь травы. Редкие. С гор. А мне нужны деньги. Вот...

Старик заинтересованно подался вперёд.

— Почему ты думаешь, что я их куплю? — спросил он.

Тот пожал плечами и вместо ответа развязал мешок. На стол высыпались многочисленные свёртки, пучки трав и корней. Их было столько, что некоторые упали на пол.

У Готлиба перехватило дыхание. Если бы из мешка незнакомца хлынул золотой песок, аптекарь бы удивился меньше: мало того что это были редкие травы — это были очень редкие, вдобавок прекрасно собранные травы! Некоторое время он перебирал тонкими старческими пальцами сухую зелёную россыпь, поднося к самому лицу пучок за пучком, и не верил своим глазам. Карагана и бризалис! Бевисса! Адонис! А этот липкий комок... неужели... горный воск?!

Пришелец терпеливо ждал ответа.

— Откуда это у вас? — срывающимся голосом спросил аптекарь, невольно переходя на «вы». — Кто вам это дал?!

Рыжий парень пожал плечами:

— Никто. Я собирал сам.

— Молодой человек, да у вас талант! Кто вас учил?

— Дед Вазах, — хмуро сказал юноша. — Так вы купите их?

Иоганн Готлиб осторожно отложил в сторону связку корней и задумался.

— У меня есть другое предложение, — сказал он. — Травы эти я, конечно, куплю, но если ты и вправду так сведущ в этом деле, может, ты согласишься стать на время моим помощником? Скажем, на месяц. Осень — слишком напряжённая пора, и сам я не справляюсь, годы мои уже не те.

— Если так, сколько вы будете мне платить? — помолчав, спросил он.

«Головастый парень, — подумалось Готлибу. — Другому предложи — запрыгал бы от радости, а этот сразу о деньгах. Такого на мякине не проведёшь».

— Ну... — Готлиб откинулся на спинку кресла. — Талер в неделю тебя устроит? Жильё, правда, подыщешь себе сам.

— Согласен, — поколебавшись, ответил тот.

— Что ж. — Аптекарь глянул в окно. — Уже стемнело. Ночуй сегодня у меня, вон в той комнате.

— Хорошо, — кивнул юноша и направился к дверям.

Старик нахмурился, мучительно припоминая, и вдруг прищёлкнул пальцами:

— Чуть не забыл! Как твоё имя?

Парень обернулся.

— Зовите меня Жуга.

— Э-ээ... Шуга? — переспросил аптекарь. — Или... Зуга?

Паренёк впервые за весь вечер усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — просто Жуга. Жу-га.

Дверь за ним закрылась.

* * *

Серое на чёрном. Чёрное на сером. Шорохи в ночи.

Пробуждение: вода, вода!!!

Быстро, бегом, вприпрыжку по холодным камням озябшими лапками — выше, выше-выше! — сквозь узкий извилистый лаз, где стены щекочут кончики усов запахом мокрой земли...

Куда теперь? Туда!

Неровный камень высоких серых ступеней — здесь тепло — расшатанные доски — здесь недавно кто-то пробежал... выше... когда-то...

Пустота, большая-большая пустота! Дышащая темнота запахов — много-много... Здесь кто-то есть — спит, — в воздухе разлито лёгкое дыхание, ветер холодит мокрую шерстку, в нос попала во... во...

— Чхи!

!!!!!!

Нет, всё тихо...

Чёрное на сером неровной горой.

Из угла в угол вдоль стен, из угла в угол – туда, отсюда вкусный запах гречки. Поддаётся с лёгким треском под натиском острых зубов мягкая ткань. Сухой шорох крупы, и сразу – скрип над головой...

!!!!!!

...Скорее прочь! ско...

Спящий повернулся на другой бок, хмыкнув недоумённо: странный сон!

Лёгкая серая тень метнулась в угол, нырнула в щель меж двух покорбленных досок. Послышался мягкий дробный топоток, и всё стихло.

На сером полу, возле разодранной котомки чернела ровной горкой рассыпанная крупа.

* * *

Утро следующего дня выдалось неожиданно тёплым и солнечным. Умытый дождём, город уже не казался таким мрачным, как вчера, сиял белёными стенами ладных двухэтажных домов, водил хороводы красных черепичных крыш, увенчанных фигурной чудью кованых железных флюгеров, и даже серые камни мостовой, казалось, стали чище и ровнее. Повеселевшие жители высыпали на улицы, спеша по своим делам. Хозяйки распахивали окна, проветривали толстые полосатые тюфяки. В прозрачном воздухе тёплой метелью кружился пух.

Узкие улочки Гаммельна сплетались в каменную сеть, пересекались и сходились под самыми немислимыми углами, часто заканчиваясь тупиком, и по прошествии трёх часов Жуга окончательно заблудился. Он оплошал с самого начала, взяв за ориентир тонкий, царапающий небо шпиль, долго кружил по городу, надеясь выйти к ратуше, и лишь когда дома расступились широкой площадью, понял, что ошибся: прямо перед ним, заслоня прочие здания, высилась чёрная громада собора.

– Вот незадача...

Жуга остановился и огляделся.

Собор был единственным строением на площади. Угловатый, острый, словно рыба кость, он подавлял своим непонятным, вывернутым наизнанку величием. Малое рядом с ним казалось ничтожным, большое — болезненно раздутым. Взирая на мир узкими провалами стрельчатых окон, он стоял здесь, словно монах-аскет в чёрной рясе, сурово сжав каменные челюсти балконов, воздев к небу сухой указующий перст ребристого шпиля.

Сейчас старое здание подновляли — фасад собора оплетали строительные леса. Похожие издали на муравьёв, на высоте работали каменщики. Внизу, близ дверей неровной грудой лежали кирпичи, доски и была насыпана большая, в рост человека, куча песка, на которой резвились ребятишки. Они гонялись друг за дружкой, скатывались, хохоча, с её вершины, прыгали и толкались. Ещё можно было различить развалины песочного городка.

Наверное, правду говорят, что города похожи друг на друга. «Побываешь в одном, считаешь, что повидал все», — говаривал Жуге друг его Реслав. Где-то он теперь?

Жуга никак не мог привыкнуть к бульжной мостовой. Ноги болели. Со всех сторон доносилась чуждая слуху жёсткая немецкая речь. Он прислонился к стене, соображая, куда идти теперь. Спрашивать дорогу у прохожих не хотелось.

Ребятишки у песочной горы вдруг загалдели, сбились стайкою, завидев двух мальчишек лет шести-семи и девочку помладше. Донеслась весёлая не то считалка, не то дразнилка:

*Мчатся три слепых мышонка
За фермершей следом, которая им
Хвосты отрубилла ножом пребольшим.
А ты смог бы выглядеть храбрым таким,
Как эти три глупых мышонка?¹*

Жуга горько улыбнулся.

* * *

Часы на далёкой теперь ратуше пробили полдень, и вдруг за стенами собора ожили, залились торжественно соборные колокола. Их было такое множество и выводили они столь чистую и сложную мелодию, что Жуга не заметил, как ноги сами понесли его напрямиком к собору.

Под высокими стрельчатыми сводами было темно.

— Есть тут кто? — окликнул он. Никто не отозвался, и Жуга осторожно двинулся вперёд меж длинных, рядами стоящих скамеек.

Кафедра была пуста. У высокого, украшенного резьбой и позолотой алтаря тоже не было никого. Жуга поднялся по лестнице, прошёл наугад по коридору и неожиданно очутился в маленькой светлой комнатке с покатым сводчатым потолком. У стены на стуле сидел невысокий длинноволосый паренёк. Он играл. Прямо перед ним из стены двумя рядами торчали гладкие деревянные рукоятки, и когда его кулак ударял по одной из них, высоко под сводами собора отзывалась колокольная бронза. Жуга замер в изумлении: всем этим трезвоном заправлял один человек!

Увлечённый своей музыкой, паренёк ничего не замечал. Жуга стоял тихо и, лишь когда колокола смолкли, решился заговорить.

— День добрый.

Юноша вздрогнул от неожиданности, обернулся.

— Здравствуй. — Он смерил вошедшего взглядом и нерешительно потёр бритый подбородок. — Ты как сюда попал?

¹ Стихи из сборника английской народной поэзии «Рифмы матушки Гусыни» в переводе автора.

— Дверь была открыта, — пожал плечами Жуга и, в свою очередь, оглядел нового знакомого.

Это был невысокий худощавый парень лет двадцати, одетый в серый немецкий полукафтан, который здесь называли «волком», короткие штаны, полосатые вязаные чулки и поношенные кожаные башмаки с пряжками. Настороженный взгляд карих глаз, усыпанное веснушками лицо. Одно плечо было выше другого. При разговоре паренёк слегка шепелявил.

— Как звать тебя, звонарь?

— Яцек.

— А меня — Жуга. Что-то не похож ты на немца, Яцек.

Тот кивнул в ответ:

— Так ведь и ты, я вижу, нездешний. Я из-под Кракова родом. Там вырос, там и играть учился, а год назад сюда перебрался, они как раз звонаря искали. А карильон тут, между прочим, знатный!

— Кто? — удивлённо переспросил Жуга. — Ка... карильон?

— Ну да. — Яцек кивнул и повёл рукою вдоль стены. — Вот вся эта штука, инструмент колокольный, карильон зовётся. А ты откуда будешь?

— С гор я, — ответил Жуга и, подумав, добавил: — С Хоратских.

— О... далековато, — признал Яцек. — А в Гаммельне что делаешь?

— Бургомистра мне повидать надо. Ратушу я искал, да вот заплутал малость. Народ здесь, кого ни спроси, один дольше другого объясняют, куда идти да как... А я и половины слов не понимаю.

— Да? А я привык уже. — Яцек встал, подошёл к стене и отворил низкую неприметную дверь. — Идём, кое-что покажу.

— Спасибо, мне уже пора, — засобирился Жуга.

— Брось, — отмахнулся тот, — всё равно бургомистра сейчас не застать — он только до полудня в ратуше бывает, и то не каждый день. Как там тебя... Жуга? Пошли.

Жуга усмехнулся.

— Чего смешного? — не понял Яцек.

— Да так... Ты, верно, первый здесь, кто моё имя повторил.

— А! — рассмеялся звонарь. — Твоя правда — не могут немцы «Ж» произнести... А может, не хотят.

— А что там?

— Увидишь.

Согнувшись, новоиспечённые приятели пролезли в дверь и оказались с другой стороны стены. Здесь было пыльно. Стройными рядами уходили кверху тонкие, туго натянутые верёвки. Вдоль стены висела ветхая деревянная лестница. В углах грязными лоскутьями висела паутина. Вслед за Яцеком Жуга поднялся под самую крышу собора, где на массивных потолочных балках разместились всяческих размеров колокола. Самый маленький можно было поднять одной рукой, самый большой весил, должно быть, пудов двадцать. Соединённые в хитрую систему из колёсиков и рычагов, близ каждого колокола замерли маленькие бронзовые молоточки.

Яцек прошёлся по чердаку, поглаживая их ладонью.

— Вот так тут всё и устроено. — Он повернулся к Жуге. — У каждого колокола свой тон. Рычаги тянут за верёвки, а те двигают молоточки. — Он постучал ногтем по массивной бронзовой юбке ближайшего колокола, и тот откликнулся еле слышным звоном.

— Слышал, как звучит? — Яцек многозначительно посмотрел на Жугу. — Из Малина колокола¹.

— Хитро придумано, — оценил тот. — А ну как верёвка оборвётся?

— Заменим.

Яцек открыл ещё одну дверь, и оба вышли на узкий, засиженный голубями балкон. Выше была только крыша, и каменщики ещё не добрались сюда со своими лесами. Гаммельн отсюда был как на ладони. Жуга огляделся и сразу увидел справа городскую ратушу.

— Понятно, — хмуро кивнул он. — Стало быть, не туда я свернул. А дом аптекаря Иоганна Готлиба где?

Яцек указал рукой:

— Вон тот, с белой трубой. А зачем тебе Готлиб?

— Работать я к нему нанялся, — нехотя пояснил Жуга. — Помощником, на время.

— Ты? — Яцек посмотрел на него с невольным уважением. — А не врёшь?

Жуга пожал плечами:

— Зачем мне врать?

— А живёшь где?

— Нигде пока. — Он ещё раз осмотрел окрестности, запоминая всё, вздохнул и отвернулся. — Ладно, пошли вниз. Спасибо, что город показал.

— Да не за что, — сказал Яцек, спускаясь. Старые ступени скрипели под ногами. — Всё равно Гаммельн не сверху — изнутри смотреть надо... Ты куда сейчас?

— Я? Не знаю. — Жуга пригладил ладонью растрёпанные рыжие волосы. — Я не думал ещё.

— Я сейчас свободен. Если хочешь, пошли покажу, где тут можно еды подешевле купить. Деньги у тебя есть?

— Есть немного.

* * *

На улице было светло. В куче песка подле входа по-прежнему играли дети. Жуга шурился после соборного полумрака, моргал часто.

— Куда теперь? — спросил он.

— Направо, — ответил Яцек. — Там сперва будет...

¹ Город Малин (Мехелен) в Бельгии в Средние века славился своими колоколами. Отсюда, кстати говоря, и пошло выражение «малиновый звон». Лучшие карильоны изготавливали там.

Что именно там будет, он не досказал: деревянные подпоры неожиданно затрещали, и высокие леса у левого крыла собора угрожающе зашатались. «Берегись! — донёсся сверху заполошный крик. — В сторону! В сторону!!!» Яцек поспешно рванулся обратно под прочные своды и потянул за собой Жугу.

Ребятишки бросились врассыпную, убегая со всех ног, и лишь одна девчушка лет пяти осталась стоять, глядячи заворожённо, как заваливается набок угловатая, неровно сбитая громадина строительных лесов.

Жуга вскинулся запоздало.

— Беги! — крикнул он ей. — Да беги же!!! — и через миг осознал, что она его просто *не понимает*. — Ах, чёрт!.. Да пусти ты! — Он вырвал у Яцека из рук полу рубашки и бросился вперёд.

— Куда?! — ахнул Яцек. — Стой, дурак! Убьёшься!!!

Было ясно, что он не успеет: леса уж не заваливались боле — падали, словно гигантский кулак, готовый прихлопнуть двух мошек, большую и малую. И вдруг... Яцек даже не успел понять, что произошло: Жуга вскинул руки, крикнул на бегу, и воцарилась тишина. Яцек не мог поверить своим глазам: леса зависли под самым нелепым углом, застыли внезапно, в одно мгновение.

Жуга, хромая, поравнялся с кучей песка, подхватил девочку на руки и побегал дальше, отягощённый драгоценной ношей, не останавливаясь и не оглядываясь, как бегут последний раз в жизни.

И тут невидимая подпорка не выдержала!

Тяжёлые балки с треском и грохотом рухнули туда, где ещё мгновение назад были девочка и рыжий паренёк. Пыль, щепки, мусор и песок взвились столбом, длинный брус ударил бегущего под колени, сбил с ног. Жуга упал, прокатился по мостовой и остался лежать неподвижно.

Со всех сторон бежали люди. Яцек стряхнул оцепенение и тоже поспешил туда.

Жуга лежал, тяжело дыша, крепко прижимая к себе девочку. Из разбитого носа его текла кровь. Завидев Яцека, он кивнул и попытался сесть.

— Ты цел? — обеспокоенно спросил звонарь.

— Вроде... — прохрипел Жуга, откашлялся, сел и поморщился. — Нога вот только...

Он осторожно поставил девочку на ноги, отряхнул на ней простое саржевое платье. Хмуро оглядел растерянные, бледные лица столпившихся вокруг горожан.

— Чей ребёнок?

Люди молчали. Жуга уже хотел повторить свой вопрос, но вовремя сообразил, что его опять не понимают.

— Чья девочка? — коверкая слова, спросил он по-немецки.

— Это Магда, — дрожащим голосом сказала какая-то женщина, — прачки Анны-Мари дочка... Господи боже! Давайте я отведу её домой.

Жуга встал, поморщился, ступив на больную ногу. Поглядел на обломки лесов. Девочка стояла рядом, доверчиво держа его за руку тёплой ладошкой, не хотела отпустить.

— Хорошо, — кивнул он.

Девочку увели. Люди потихоньку расходились, обсуждая происшествие, и вскоре на площади остались только Яцек и Жуга.

— У тебя кровь течёт, — сказал Яцек.

— Да? — Жуга осторожно потрогал распухший нос. — А, верно... Тут есть где умыться? Колодец какой-нибудь там...

— Вот что, — предложил Яцек. — Я тут неподалёку живу, вон в том доме. Пошли ко мне. Тебе всё равно пока идти некуда.

Жуга помолчал, задумчиво глядя на испачканные кровью пальцы. Кивнул.

— Что ж, пошли, пожалуй.

* * *

Яцек обитал под крышей высокого каменного дома, что принадлежал вдове пекаря Эриха Мютцеля, Гертруде Мютцель. Сама хозяйка, дородная женщина почтенных лет, занимала второй этаж. Третий этаж и мансарды сдавались внаём. Внизу была пекарня. Яцек и Жуга вошли и поднялись наверх.

— Садись. — Яцек кивнул в сторону кровати и потащил с полки большой фаянсовый кувшин. — Я сейчас за водой сбегаю.

Жуга сел и огляделся.

Низкая, но довольно длинная комната, где двух стен не было вовсе — лишь скошенный на угол потолок, — была обставлена просто: стол, стул, застеленная одеялом шаткая кровать, шкаф для одежды и большой, окованный железными полосами сундук с пожитками. В углу, на колченогой табуретке примостился таз для умывания. На столе, в закапанной воском бутылки торчал огарок свечи. Справа углом выпирала из стены печная труба. Окно вело на крышу.

— Я и не знал, что на чердаке можно жить, — сказал Жуга, когда Яцек вернулся. — Сколько ты платишь хозяйке?

— За мансарду? — Яцек поставил кувшин на стол и вытер руки о штаны. — Талер в месяц.

— Ну, это не деньги...

— Так ведь и это не жильё, — грустно улыбнулся тот. — Летом жарко, зимой холодно, если только печь в пекарне не топят. Готовить, опять же, негде.

Жуга стянул рубаху, нагнулся над тазом, подставил сложенные лодочкой ладони: «Лей». Долго, фыркая, умывался, вытерся протянутым полотенцем. Вода в тазу порозовела.

Яцек во все глаза смотрел на спину Жуги, где изгибался неровной дугой рваный белый шрам.

— Это откуда?

Жуга поморщился, отмахнулся досадливо:

— Дело прошлое... Скажи-ка лучше, где в Гаммельне жильё подешевле найти можно?

— Надолго? — оживился Яцек.

— Не знаю. — Жуга пожал плечами. — На месяц-другой.

Яцек потёр подбородок, оглядел мансарду.

— Если хочешь, живи пока у меня. Платить за комнату вдвое меньше, а кровать вторую у хозяйки попросим. Вещи твои где?

— Да мешок у меня только, в аптеке у Готлиба остался. — Жуга подошёл к окну, выглянул наружу. — Подумать надо.

— Скажи, Жуга, — неуверенно начал Яцек. — А... что такое с лесами сделалось, когда ты за девчонкой побежал? Это что, колдовство?

Жуга промолчал, глядя в сторону.

— Чего молчишь? Я же видел...

Тот опять ничего не ответил.

В дверь постучали, и Яцек пошёл открывать.

На пороге стоял тощий, перепачканный сажей паренёк с витым горячим штрейзелем под мышкой, блестел озорно глазами.

— День добрый, Яцек! Видел, что на площади стряслось?

— А, здравствуй. Видел, конечно. А что?

— Ну так я сейчас Дитриха встретил, он там работал. Знаешь, отчего леса грохнулись? Крысы верёвки сгрызли! — Парень отломил от булки кусок и отправил его в рот. — Каково, а? Мне они тоже осточертели — каждый день в дымоходах застревают. Смотри, погрызут верёвки у твоих колоколов, как звонить будешь? Ну, пока! Заходи как-нибудь.

Яцек закрыл дверь, обернулся.

— Это Гюнтер, трубочист. Он тут вот, за стенкой живёт. Так ты как насчёт жилья?

Жуга покивал задумчиво, поднял голову.

— Так, говоришь, кровать хозяйка даст?

* * *

Серое на чёрном.

Удар!!!

Больно, больно, больно!

Назад, не чуя ног, по длинной полке, мимо вкусных мягких кругов, успев отгрызть один лишь кусочек, к спасительной темноте холодной ночи...

Шелест материц. Запах сосновой палки. Серая тень.

Прыг вправо! Влево! Гулкий стук дерева об пол, истошный женский визг — больно ушам, — но путь открыт! За дверь, где серая луна на чёрном небе. Болит

отбитый бок. Бегом-бегом, вдоль по улице, выгибая горбатую спинку, сжимая в острых зубах душистую хлебную мякоть – еда! еда! – се...

Жуга открыл глаза. Долго лежал не шевелясь, затем встал и подошёл к окну мансарды.

В комнате было тихо. Повернувшись на бок, мирно сопел на своей кровати Яцек. С улицы тянуло холодком. Город окутала туманная осенняя ночь. Таяли во мраке жёлтые цепочки фонарей.

Жуга сел, закутался в одеяло и задумался.

Вторая ночь в городе – и снова этот непонятный сон. Почему мир в нём видишь снизу, от самой земли? Почему вокруг море запахов и звуков, но всего один цвет? Почему в сердце всё время сидит щемящее до боли чувство страха?

Почему, почему, почему?!

Жуга помотал головой. Наваждение какое-то!

Так и не растолковав странное видение, он лёг и долго ворочался, пока снова не заснул.

Ему снился лес.

* * *

*Три слепых мышонка,
Три слепых мышонка –
Как они бегут,
Как они бегут!*

Дурашливая эта песенка летела ввысь из глубины городских улиц, звенела детскими голосами, словно напоминая, что уже утро и пора вставать. В узкое окно мансарды лился потоками солнечный свет. День обещал быть хорошим.

Мышатами – и Яцек это знал – дразнили троих: двух мальчишек по имени Кристиан и Фриц, и девочку, ту самую Магду, которую вчера спас его новый знакомый. Эти трое всегда ходили вместе: играть с ними никто не хотел, ибо первый сильно заикался, второй был мал ростом, а девочка, кроме того что была сущей тихоней, ещё и плохо выговаривала слова.

Яцек зевнул, потянулся и открыл глаза. Огляделся.

Жуга, хмурый и задумчивый, не спал, сидел одетый на кровати, обхватив колени руками и прислонясь спиной к стене. Смотрел в одну точку. Скомканное одеяло валялось в ногах.

– Привет, Жуга.

Тот поднял голову, кивнул равнодушно:

– Доброе утро.

Яцек отбросил одеяло и сел. Поёжился от утреннего холодка. Посмотрел на Жугу, озадаченно почесал в затылке.

– Ты чего такой? Не выспался?

Жуга поднял руку, взъерошил рыжие нечёсанные волосы. Усмехнулся невесело:

— Нет, почему же... Выспался. Не в том дело.

— А в чём?

— Так... — Он помолчал, затем уклончиво добавил: — Есть причина.

— А-а. — Яцек встал и принялся умываться. — Завтракать будем? — обернулся он.

— Неплохо бы, — поддержал Жуга. — А где?

— Да прямо здесь и закусим. Ты подожди, я сейчас.

Яцек оделся, коснулся мимоходом печной трубы — тёплая ли? — убежал и вскоре вернулся с булкой горячего хлеба и медным чайником. Чайник был странной формы — узкий, высокий, булькал свежим кипятком. Яцек поставил его на стол, с головой залез в сундук, вытащил два мешочка и насыпал в чайник немного коричневого порошка. В воздухе разлился сильный горьковатый аромат. Жуга озадаченно принимался.

— Это что?

— Не знаешь? — Яцек оглянулся. — Кофе. Неужто не пил никогда?

— Нет... Это какая-то трава?

Яцек почесал в затылке.

— Наверное, — неуверенно сказал он. — На, взгляни сам.

Он снова пошарил в мешочке и насыпал Жуге в подставленную ладонь дюжину крупных, с ноготь размером, коричневых зёрен. Были они овальные, сухие, слегка подгоревшие, пахли странно, но приятно. Жуга с опаской раскусил одно и хмыкнул: вкус был незнакомый, чужой, разливался терпкой горечью на языке.

— Где это растёт?

— Не знаю, — пожал плечами Яцек. — Где-то на юге... Вот чёрт!

— Что такое?

— Гляди — крысы булку погрызли. Когда только успели? Ну, давай есть.

Яцек разлил дымящийся напиток в чашки, нарезал хлеб, достал из сундука горшочек с маслом.

Жуга отпил из чашки, поморщился:

— Горько.

Яцек кивнул:

— Мне тоже сначала не нравилось, а потом привык. На вот, сахару добавь.

— Сахару?!

Жуга заглянул во второй мешочек. Там действительно был желтоватый колотый сахар — редкое лакомство в горах. В Гаммельне его продавали в аптеках. Видно, не так уж мало получал Яцек за свою работу, если мог позволить себе такое! Поколебавшись, Жуга положил в кофе пару кусочков и снова попробовал. Напиток и впрямь стал вкуснее. Утренняя вялость постепенно ушла, в голове прояснилось. Хлеб из пекарни фрау Мютцель был свежайший, даже масло таяло, когда его намазывали на толстые и тёплые ломти. Приятели в два счёта съели всю булку и засобирались по делам.

— Вот так ты и питаешься? — спросил Жуга, когда Яцек укладывал всё обратно в сундук. — Хлебом да водой?

— А что?

Жуга пожал плечами:

— Хотя бы кашу варил, что ли...

— Сваришь её, как же! — фыркнул Яцек. — Нет ничего — ни огня, ни камина.

Жуга обернулся, стоя в дверях.

— Ты вот что, — сказал он. — Раздобудь к вечеру какой-нибудь горшок. Только не шибко большой. И чтоб с глазурью.

— Глиняный? — Для чего? Я же говорю: негде готовить.

Жуга загадочно улыбнулся.

— Что-нибудь придумаем, а пока до вечера.

— До вечера.

* * *

Томас Остенберг, бургомистр Гаммельна, принимал просителей по вторникам и четвергам. Сегодня он был не один — с утра к нему заглянул Густав Бреннель, доктор медицины. Обоих связывали давние и прочные дружеские отношения, хотя человеку стороннему трудно было бы вообразить людей, более друг с другом несхожих как внешне, так и характером. Бургомистр был полный степенный господин лет сорока, слегка обрюзгший и бледный, как все горожане, с пухлыми губами, маленькими серыми глазками и редкими светлыми волосами. Бреннель же, напротив, был сух и высок, профиль имел ястребиный, а взгляд — пронзительный. Его лицо и руки покрывал тёмный загар. Горожане, встречая его на улицах, почтительно снимали шляпы: он был ничуть не менее, а может, даже более уважаемым человеком в Гаммельне, чем сам бургомистр.

Сейчас герр Остенберг сидел за столом, перебирая бумаги и почти не глядя на очередного посетителя. Сегодня как раз был вторник, и настроение у бургомистра было испорчено с самого утра. Ох уж эти просители! Ну зачем, скажите на милость, зачем нести в городскую ратушу всякие мелкие дрязги? Взять, например, Рудольфа Хоффа, который подал жалобу на соседа. Неужели нельзя было разобраться меж собою тихо-мирно? А Ганс Фогель, лавочник, который сетует, что ему нет покоя от крыс, и просит принять меры! Каково, а? Может, прикажете ещё и ущерб ему возместить? Может, ещё денег дать из городской казны на крысоловки?

Н-да...

Ну, ладно, когда приходят горожане, это ещё можно понять. Но что здесь делает этот подпасок, который и говорит-то по-немецки с трудом?

Бургомистр откинулся на спинку кресла и задумчиво побарабанил пальцами по столу. Поднял взгляд.

Перед ним стоял худой безусый паренёк лет семнадцати — уже не мальчик, но ещё не мужчина. Острый взгляд, голубые глаза, давно не стриженные рыжие волосы. В речи сквозит сильнейший славянский акцент. Интересно, откуда он?

— Так ты говоришь, что хочешь посмотреть приходские книги?

— Да, это так.

Томас Остенберг нахмурился:

— Сделать это не так-то просто, юноша. Приходские записи — важный документ, нельзя выдавать их первому встречному. Зачем они тебе?

Паренёк помолчал, переступил с ноги на ногу.

— Семнадцать лет тому назад в этих местах был мор, — медленно подбирая слова, начал он. — Чёрная смерть. Очень много людей умерло тогда... Я хотел бы посмотреть старую перепись тех лет.

— Для чего?

— Мне не хотелось бы об этом говорить.

Бургомистр помрачнел. Он помнил то время, помнил, как прошлась по деревням и городам своей ржавой косою бубонная чума, помнил, как жгли за городом в кучах заразные трупы, как чадили на улицах факелы и плыл над городом унылый погребальный звон. Тогда ещё не было в соборе нынешнего Малинского карильона, лишь звякал надтреснуто одинокий старый колокол. По счастью, те времена давно миновали.

— Где ты живёшь?

— В доме у площади, где пекарня.

— А, у вдовы Мютцель... И давно ты в городе?

— Четыре дня. Работаю у Иоганна Готлиба, в аптеке.

— Хорошо, — кивнул бургомистр. — Приходи в пятницу, я подумаю, что можно сделать. Но учти: одного желания мало, чтобы получить доступ к записям. Тебе ясно?

— Да, — кивнул тот. — Спасибо. Я подожду.

И он ушёл. Бургомистр облегчённо вздохнул — на сегодня этот был последним.

— Парнишка кажется мне немного странным. — Он повернулся к сидевшему у камина Бреннелю. — А что по этому поводу думаете вы, герр доктор?

— Аптекарь, — с лёгким презрением произнёс тот. — Аптекарь и помощник аптекаря из диких мест, скорее всего, с гор. Последнее время они плодятся как мухи. Народ любит лечиться у фармацевтов — ни тебе кровопусканий, ни процедур: знай себе глотай пилюли да пей микстуры. Вся эта зараза ползёт к нам с Востока, от арабов и сарацин, у которых много трав и мало знаний. Их Авиценна, конечно, кое в чём был прав, но далеко не во всём. Вот что я вам скажу, герр Остенберг: единственное, что у них стоит покупать, — это яды. Более ничего. Всё остальное чистой воды шарлатанство.

— Да? — Бургомистр придал своему лицу умное выражение. — Но что вы скажете про Готлиба? Я слышал, вы начинали вместе.

Густав Бреннель поморщился, словно съел кислое.

— Готлиб — паршивая овца в стаде, — сказал он. — Доктор, который на старости лет вдруг впал в маразм и вообразил, что можно лечить людей травками и цветами... Цех аптекарей имеет большое влияние, но почти все они просто наглые самозванцы. Впрочем, — он покачал головой, — Иоганну Готлибу можно доверять больше, чем другим, — он всё-таки доктор медицины. Хотя я не упустил бы случая поставить его на место.

— Мне кажется, перед нами как раз такой случай, — с улыбкой произнёс Остенберг.

— Вы имеете в виду этого мальчишку?

— Именно, — кивнул бургомистр. — Книги, как вы знаете, хранятся в подвалах, за семью замками, и даже я не всегда имею к ним доступ. И вдруг является мокроносы́й юнец и говорит, что хочет их посмотреть. Посмотреть! Вы не находите, герр Бреннель, что это нагло сказано?

— Пожалуй, — поразмыслив, согласился тот.

— К тому же, — продолжал бургомистр, — большинство книг, особенно тех лет, так испорчено крысами, что прочесть их весьма затруднительно.

— Хм! — На тонких губах доктора появилась улыбка. — А это, может быть, и к лучшему. Знаете, герр Томас, у меня появилась идея. Кажется, мы сумеем загнать Готлиба в угол.

— Пари? — оживился бургомистр. — Скажем, пятьдесят талеров?

— Принимаю!

Они скрепили спор рукопожатием.

— А теперь, — улыбаясь, сказал Томас Остенберг, — когда мы закончили со всеми делами, не выпить ли нам вина?

* * *

— Ландыш?

— Сердце.

— Ревень?

— Слабительное.

— Александрийский лист?

— Что-что? — Жуга поднял голову.

— Э-ээ... сenna.

— Тоже слабительное.

— А тысячелистник?

— От простуды...

С раннего утра в аптеке у Готлиба витал дым и чад — престарелый аптекарь и Жуга, ставший на время его помощником, плавил в медном котле белую вязкую смолу (вчера посыльный доставил от графа заказ на сургуч). Попутно Готлиб решил испытать паренька на предмет знания целебных растений. Было жарко, Жуга снял рубашку, оставшись в одних штанах. Аптекарь мельком взглянул на его шрамы, но ничего не сказал.

Аптека Иоганна Готлиба была не только и не столько лавкой, сколько провизорской — все лекарства приготавливались прямо здесь. Жуга с интересом разглядывал длинные полки, уставленные разных размеров пузырьками, медленно, по складам разбирая незнакомые названия: «Антимоний», «Алкалия», «Зильбер Глет», «Серная печень»... А полкой ниже поставлено и вовсе непонятно что: «Аравийская камедь», «Кинкина», «Сандал», «Фернамбук», «Драконова кровь» и даже «Адский камень» — ни больше ни меньше! Да и травы, знакомые Жуге с детства, здесь назывались иначе.

— Мята? — спрашивал меж тем Готлиб, помешивая вязкую желтоватую массу.

— От кашля.

— Шалфей?

— Для горла.

— Адонис?

— Как?

Аптекарь снял с полки мешочек и вынул горсть засушенных растений.

— А, горицвет! — Жуга понимающе закивал. — Он тоже, если сердце заболит... но только сушёный.

— И как его сушат?

Жуга почесал в затылке.

— Ну-у, как... Медленно.

— Гм! А ромашку?

— В тени...

— Отвар из девясила как приготовить?

— В печке напар делают, в горшке.

Готлиб усмехнулся довольно — паренёк не лгал, когда говорил, что знает толк в травах. Жаль, что только в травах — остальное аптекарское дело было для него тайной за семью печатями. Взять, например, сургуч. Любой подмастерье знает, что здесь к чему. Открой книгу и прочти: «Растопи воск, затем возьми чистой белой смолы, распusti её на слабом угольном огне и, когда распустится, сними и вмешай в смолу на один фунт четыре лота малярной киноvari, добавь мелу, дай застыть вместе, и получишь красивый, красный, крепкий сургуч». Этот же и читать толком не умеет: взял вместо киноvari малахитовую зелень — это же надо! Хорошо ещё, что не добавили дорогой даммар — белую смолу, а обошлись для начала канифолью. Вон, стоит в горшке, остывшая, зелёная масса, сколько ни тыкай пальцем, всё мягкая, липнет к рукам... Эх, молодо-зелено... А так, если посмотреть, парень сообразительный, схватывает всё на лету. Хотя...

Аптекаря вдруг осенило. Он повернулся к Жуге.

— Ты не различаешь цвета?!

— Ну... — замылся тот. — Красное и зелёное — да.

— Так-так. — Готлиб нахмурился, продолжая помешивать в котелке. — Это уже хуже. А я, признаться, подумывал, не взять ли тебя в ученики.

Жуга покачал головой.

— У вас бы я с охотой поучился, — сказал он, — но боюсь, что в городе я пробуду недолго.

Плав в котле стал густеть, аптекарь разлил его в узкие фаянсовые формочки, где тот застыл крепкими ярко-красными палочками. Готлиб подцепил одну, вытащил, постучал по ней ногтем и удовлетворённо кивнул. Обернулся:

— Так зачем, говоришь, ты пришёл в Гаммельн?

Жуга хотел ответить, но в этот миг дверной колокольчик задёргался, и Готлиб пошёл открывать.

— Послание доктору Иоганну Готлибу от господина бургомистра! — послышалось снизу.

— Хорошо, давай его сюда, — сказал аптекарь.

Он поднялся по лестнице, неся в руке тонкий пергаментный свиток, сломал сургучную, голубую с золотом печать, пробежал глазами текст и нахмурился. Покачал головой.

— Ох уж этот Остенберг... — пробормотал он.

— Бургомистр? — мгновенно насторожился Жуга. — А что с ним?

Готлиб поднял взор.

— Теперь он хочет, чтобы я уничтожил крыс в городе.

— Ну и что? Или это так сложно?

Аптекарь рассмеялся невесело, небрежно бросил свиток на стол и опустился в кресло. Сложил домиком сухие старческие ладони и некоторое время молчал, глядя в камин.

— Видишь ли, мой юный друг Шуга, — наконец начал он, — дело это не то чтобы сложное — оно попросту невыполнимое. Мало того, что в моём возрасте негоже шастать по подвалам и чердакам. С недавних пор я не знаю созданий хитрее, чем гаммельнские крысы. Они с ходу распознают любые ловушки. Они не трогают отравленные приманки, а если и едят их, то совсем немного. Это безнадежно, я не знаю, как с ними бороться. В последнее время жители покупают крысиный яд чуть ли не мешками, а толку никакого. Бургомистр попросту придумал невыполнимое задание, лишь бы только посадить меня в лужу. Готов спорить, что здесь не обошлось без Густава Бреннеля — он спит и видит, как бы выставить меня дураком. Да...

— Этот Бреннель, — медленно произнёс Жуга, — он загорелый, носатый и высокого роста, этакая жердь. Верно?

— Да, это он, — кивнул Готлиб. — А откуда ты знаешь?

— Я вчера у бургомистра был, они там сидели оба...

— А зачем ты ходил к бургомистру? — удивлённо спросил аптекарь.

Жуга замялся.

— Всё это трудно объяснить, — сказал он. — По правде говоря, я кое-что узнать хотел из записей приходских...

— Про что?

— Про меня... Один мой друг сказал, что лет двадцать тому назад здесь прошёл мор, а я... Я ведь не родной был деду... ну и решил, что в переписи... А, не всё ли равно... — Он махнул рукой. — Я же говорю — долго рассказывать. В общем, господин бургомистр велел мне зайти через три дня.

— Ах да, чума... — Лицо аптекаря помрачнело. — Верно, я помню её. Это было — дай бог памяти — да, да! — семнадцать с половиной лет тому назад. — Он вздохнул, посмотрел на умолкнувшего рыжего паренька и покачал головой. — Ах, Шуга, Шуга... Боюсь, что ты задел больное место Бреннеля...

Готлиб откинулся на спинку кресла, подперев голову рукой, и задумчиво умолк, всецело отдавшись воспоминаниям. Наконец он поднял взгляд. Отражённые язычки пламени плясали в его глазах, и казалось, что взор его до сих пор хранит отсвет давних погребальных костров.

— То был страшный год, — медленно начал он. — Мы с Густавом работали день и ночь. Пять лекарей скончались на наших глазах, нас болезнь каким-то чудом пощадила. Именно тогда дороги наши разошлись: я стал приверженцем полифармации, Бреннель же продолжал резать и вычищать эти проклятые чумные бубоны. Наверное, от его кровопусканий и припарок умерло тогда больше людей, чем от самой чумы. Да... Кто знает? Вот так и получилось, что с тех пор мы враги. К несчастью, в друзьях у бургомистра ходит Густав, а не я.

Жуга некоторое время молчал, нахмурившись.

— По-моему, только дураки отвергают силу целебных трав, — наконец сказал он.

— Не суди так строго. — Готлиб многозначительно поднял палец. — Среди аптекарей и в самом деле слишком много недоучек и обманщиков. Беда в том, что Бреннель не способен отличить зёрна от плевел.

— И что делать? — спросил Жуга.

— Ничего. — Готлиб пожал плечами и бросил письмо в камин. Пергамент затлел, края его обуглились, сургуч потёк крупными голубыми каплями, тотчас загораясь. Аптекарь повернулся к Жуге.

— Я устал от этих бесконечных споров, — сказал он. — Никому не под силу избавить город от крыс, а мне тем более. Пусть всё остаётся как есть. В конце концов, я не волшебник.

Жуга промолчал.

* * *

Горшок Яцек достал что надо — глазурованный, средних размеров, без сколов и трещин.

— Годится?

— Вполне, — заверил приятеля Жуга. — Тащи воду.

Когда Яцек вернулся, Жуга уже распаковал котомку, вытащил мешок с гречкой, соль и какие-то травы. Разложил всё на столе.

— Лей сюда, — скомандовал он.

— Ты что делать собираешься? — спросил озадаченно Яцек.

— Сейчас увидишь. Только не мешай.

Когда горшок наполнился, Жуга задумался на секунду, затем улыбнулся, протянул к нему руки и негромко произнёс что-то вроде: «*Энто-вашта!*»

Сперва Яцеку показалось, что ничего не произошло. Он хотел пошутить, открыл рот, да так и замер, завидев, как над горшком за клубился пар.

Вода кипела!

Яцек был так поражён, что даже заглянул под стол, думая увидеть огонь, но там не было ничего. Жуга тем временем уже сыпал в кипяток крупу, солил, мешал варево ложкой. Посмотрел на Яцека.

— Это м-магия? — запинаясь, выдавил тот.

— Все аптекари немного колдуны, — усмехнулся Жуга. — Да что это с тобой?

— Это адский огонь, — заворожённо глядя на горшок, пробормотал Яцек, — и добра от него не жди!

— Адский огонь? — Жуга поднял бровь. — Не мели чепухи.

— Тогда объясни, как ты это сделал! Откуда взялся жар?

Травник пожал плечами:

— Где-то на юге стало чуть холоднее, вот и всё.

— Поклянись именем Господа!

— Клянусь.

Яцек немного успокоился, подошёл к столу и заглянул в горшок. Вода кипела ключом. Вкусно пахло кашей.

— Если это белая магия, — неуверенно начал он, — где заклинания? Ты призвал чьё-то имя, и вода закипела!

— Никого я не призывал, — сказал Жуга, бросая в горшок травы и порошки. Запахло пряностями. — Я всего лишь приказал воде: «нагрейся», и только. А маги, которые возятся с заклинаниями, просто не знают, какие слова в них действительно важны, и цвет подобрать не могут.

— Цвет? Какой цвет?

Жуга замялся.

— Долго объяснять... Скажем так: надо сказать Слова и представить Цвет. Если всё верно, тогда получится. Понятно?

Жуга пробормотал вполголоса, и варево перестало бурлить. Он зачерпнул кашу ложкой, попробовал.

— Готово. Садись есть, пока не остыло.

Всё ещё недоверчиво качая головой, Яцек сел за стол.

Вскоре с ужином было покончено, и приятели, вымыв посуду, залезли под одеяла. Жуга уснул сразу. Яцек же долго ворочался, размышляя над происшедшим, потом махнул рукой, пробормотал: «На всё воля Божья» и тоже погрузился в сон.

* * *

Серое на чёрном.

Камень, камень! Везде камень! Быстрые шаги – приближаются, катятся по пятам, звенят гулким эхом... и некуда бежать!

!запах человека!

!запах железа в его руках!

!запах каменной западни!

!запах смерти, смерти, смерти!

Чёрная тень на серой стене. Свист железа! Страх, и безысходность, и отчаяние...

Ярость!!!

Сжаться серым злым комком, ощерив острые крепкие зубы...

(«Жуга, проснись!»)

...и прыгнуть, прыгнуть, прыгнуть! Вцепиться на лету, чтобы выпала из руки железная палка...

(«Да проснись же... ах, чёрт!»)

...чтобы закричали от боли, чтобы путь...

(«Жуга!!!»)

...был свобо...

Наконец глаза открылись.

Сердце бешено колотилось. На губах был острый привкус соли. Жуга пошевелился и почувствовал, что простыни и подушка под ним мокры от пота. Он сел и огляделся.

Комнату заливал серый утренний свет. Было тихо. Яцек сидел на своей кровати, прижимая к себе окровавленную ладонь.

– Эй, – окликнул его Жуга, – что стряслось? Я кричал?

Тот гулко сглотнул и покосился на дверь.

– Хуже, – сказал он. – Я хотел тебя разбудить, но... на миг мне почудилось, что я поселился вместе с вервольфом. – Он посмотрел на свою руку. Его передёрнуло.

Жуга вытер рот рукой. Пальцы его окрасились красным.

– Так это я тебя укусил?

Яцек кивнул:

– Что с тобой творится, Жуга?

Тот помолчал. Встал, завернулся в одеяло и прошлёпал босыми ногами к окну. Постоял, глядя на улицу. Обернулся.

– Каждую ночь в этом проклятом городе я жду сна, а приходит морок, – сказал он. – Неладное творится в Гаммельне, Яцек... Почему бургомистр хочет, чтобы Готлиб уничтожил всех крыс в городе? Они что, и вправду нападают на людей?

Яцек раньше не обращал на это внимания, но теперь припомнил, что месяцев шесть тому назад от крыс и впрямь не стало житья. Вспомнил, как серые разбойники насмерть загрызли полосатую соседскую кошку,

как покусали нескольких ребяташек. Вспомнил их дерзкие, изобретательные налёты на лавки и склады. А ещё леса эти строительные! Яцек даже вздрогнул при мысли об этом.

— Это верно, — сказал он, — но что тут странного?

— Крыса — тварь трусливая и сама не нападёт, если только не загнать её в угол. А в Гаммельне это случается сплошь и рядом... Что у тебя с рукой? Ах да... — Жуга потянул к себе котомку и вынул мешочки с травами. — Давай посмотрим, что можно сделать.

Поколебавшись, Яцек протянул ему свою ладонь.

— Слышь, Жуга, — спросил он. — А что тебе снилось?

— Не знаю, — пожал плечами тот. — Но постараюсь узнать.

* * *

— Ну-ка, ну-ка... — Тонкие пальцы Иоганна Готлиба коснулись жёлтого Т-образного крестика у Жуги на шее. — Откуда это у тебя?

Жуга бросил растирать в массивной бронзовой ступке травяную смесь и вытер пот рукой.

— Крест? — переспросил он. — Так он всегда был при мне... А что? Или видели где такой?

— Естественно, видел, — кивнул аптекарь. — Обыкновенный безглавый крест. Необычно только, что сделан он из янтаря.

— Почему? — насторожился Жуга.

— Что «почему»?

— Почему — необычно?

Готлиб откинулся на спинку стула и сложил ладони домиком.

— Видишь ли, мой юный друг, — начал он, — это кельтский крест. Кельты, или говоря иначе — юты, жили некогда в наших краях... очень давно, правда¹. А янтарь — камень балтийский. Интересно получается, не правда ли?

— Я в этом не разбираюсь, — хмуро буркнул Жуга. — Хотя... — Он вытер руки и, порывшись в своём мешке, извлёк тусклый браслет зелёного металла. — Что вы скажете вот об этом?

Аптекарь с интересом подался вперёд, взял браслет и невольно вздрогнул, ощутив в пальцах лёгкое покалывание. На лице его отразилось недоумение.

Браслет был с камнем. Девять подвесок, разных по форме, окаймляли его по кругу. Готлиб пригляделся внимательно и различил шарик, каплю, замысловатый узел-трилистник, фигурку человека, что-то похожее на рыбку, колесо с четырьмя спицами, восьмилучевую звезду, лодочку и спираль.

Жуга стоял рядом, ожидая ответа.

¹ Кельты и юты — конечно же, не одно и то же, Готлиб ошибается в своих рассуждениях (*прим. авт.*).

Готлиб с осторожностью положил браслет на щербатые, жжённые кислотой доски столешницы и с минуту молчал, рассеянно глядя на пламя свечи.

— Не знаю, что сие, — признал он наконец. — И почему от него ощущение такое, тоже не знаю. Металл незнакомый — это не железо и не бронза, и, уж конечно, не серебро. В любом случае работа древняя.

— А фигурки и камень? — спросил Жуга.

Старик задумался.

— Символы эти можно толковать по-разному, — начал он. — Шарик, скорее всего, олицетворяет Вселенную, капля — текущее время, а восемь лучей звезды — восемь сторон света. Но возможно также, что шар означает землю, капля — воду, а звезда — небо. Спираль — это символ бесконечности, но может быть, и образ змеи в таком разе означает мудрость. Фигурка человека... ну, это понятно. Крест в круге отражает движение, опять же, бесконечность, а кроме того — повторение всего сущего, ибо, как сказано у Екклесиаста, «все реки текут, возвращаясь к истокам своим...» Да... Но вообще-то это ересь. Лодка, рыбка и тройной узел были в почёте у тех же ютов, но что они могут означать, мне неизвестно.

— Но ведь вы почти всё объяснили...

— Если бы! — усмехнулся Готлиб. — Пусть даже каждый рисунок в отдельности что-то значит, все вместе они бессмысленны. Вдобавок к кельтам эта вещь не имеет никакого отношения — священным у них считалось число пять, а подвесок, как видишь, девять. Что касается камня, то это чёрный опал — самоцвет более чем странный. По одним поверьям, он приносит удачу, по другим — несчастье, единого мнения по этому вопросу нет.

Аптекарь повернул лежащий браслет, и чёрная поверхность камня вспыхнула радужными сполохами в свете свечи.

— Великолепный камень! — восхищённо сказал Готлиб. — Если мне не изменяет память, благородные опалы добывают только в одном месте — в разрушенном трахите в Червеницах.

— А где это? — спросил Жуга.

— Э-ээ... где-то в Чехии. — Готлиб протянул ему браслет. — Или в Моравии, не помню. Возьми. Больше я ничем не могу тебе помочь. Кстати говоря, ты мог бы выручить неплохие деньги за него.

— Спасибо, но мне не хочется его продавать.

— Как знаешь.

В это время зазвенел дверной колокольчик. Готлиб пошёл открывать и вскоре вернулся с объёмистым свёртком. Внутри оказались: изящная шкатулка с жемчужным ожерельем, кошелек с деньгами и сопроводительное письмо от владелицы — местной богачки. Жемчуг потускнел от старости, утратил игру и блеск, письмо содержало просьбу вернуть ожерелью первоначальный вид.

— Ох уж эти женщины! — покачал головой Готлиб и улыбнулся. — Сколько раз я говорил, что жемчуг — камень мягкий, его легко поцарапать...

Ну что ж, посмотрим, чем тут можно помочь. — Он повернулся к Жуге и распорядился: — Поставь воду на огонь. И принеси мне уксусу и красного вина.

Тот кивнул, спрятал браслет обратно в мешок и пошёл наверх.

* * *

— Кружка пива на ночь — лучшее снотворное, — рассуждал, укладываясь, Яцек. — Если снится всякая гадость, выпей, и всё как рукой снимет. — Он протянул перевязанную руку и взял со стола кувшин с пивом. Отпил. Глянул вопросительно на Жугу.

— Будешь?

Жуга сидел на кровати, сложив ноги кренделем и запустив пятерню в нечёсанные волосы, задумчиво разглядывал рассыпанные по одеялу травы и коренья. Поднял взгляд.

— Нельзя мне пить сегодня, — сказал он. — Ты скажи лучше, кофей у тебя есть ещё?

— Есть, — кивнул Яцек. — А что?

— Так, ничего. Просто я почти все травы Готлибу сбыв. Ты бы дал щепотку, а?

Тот пожал плечами:

— Возьми, разве жалко. Да только не уснёшь потом.

— Ничего, я уж как-нибудь.

Стемнело.

Вскипятив в горшочке воду, Жуга отобрал трав из своего запаса и приготовил настой. Насыпал на ладонь горку пахучего коричневого порошка, постоял, размышляя и прикидывая, потом махнул рукой и бросил в кипяток всю горсть. Подождал с минуту, отцедил через тряпицу получившийся взвар, покосился на Яцека (тот уже спал), выпил всё и залез под одеяло.

Было тихо. За окном накрапывал дождик-полуночник. Лёгкие капли шуршали по крыше, стекали кривыми дорожками по стёклам. Изредка сквозь туманную пелену туч проглядывал бледный серп луны. Жуга лежал, глядя на косой чердачный потолок и чувствуя, как мысли оплетает глухим пологом вязкая, тягучая дрёма — чёрные травы тянули за собой. Дурман крепчал, давил на виски, гнал мысли, и лишь сила чужеземного напитка не давала Жуге соскользнуть в чёрную воронку целиком.

И тут, непонятно откуда, нахлынул слепой, беспричинный страх.

Он лился в окно, плясал на потолке с бликами лунного света, сочился сквозь щели в полу, лез под дверь, таился под кроватью, шелестел мокрыми лапками по крыше. Грудь сдавило, воздух напитался страхом, как осенний мох водой. Нечто зыбкое и неуловимо чужое, царапаясь, пыталось пролезть вовнутрь извне, как путник дождливой ночью стучит в запёртую дверь. Сердце вдруг замерло, а через мгновение чёрная пелена поднялась, и Жуга увидел, как...

* * *

...город разлѣгся на поверхности земли неровной каменной коростой, тарачился в темноту слепыми пятнами одноногих масляных фонарей, скрипел на ветру ржавыми петлями ворот и ставней, и повсюду в нём — в каменных подвалах, под хрупкой черепицей крыш, в пустотах старых стен и даже в часах на ратуше — копошился, жил своей тайной ночной жизнью серый крысиный народ. Маленькие создания сновали по улицам, добывая еду и разыскивая убежище, изгоняли врагов и чужаков, содрогались в экстазе единения и растили потомство, и надо всем этим скользил туманным крылом всепоглощающий СТРАХ. Ночь всегда принадлежала им, всегда, но только не сейчас, не теперь, когда что-то непонятное творилось здесь, когда...

Серое на чёрном.

Наконец-то ночь, ночь, когда не режет глаза противный свет и не надо сутиться! Но придёт день, и ОНО опять погонит нас, погонит слепо и злобно, и мы, не отдыхая, словно загнанные в угол, снова выйдем из своих укрытий.

И мы выходим...

...мы грызём...

...мы бежим...

...мы ломаем...

...кусаем...

...и не можем остановиться, потому что нам страшно, страшно, страшно!!!

* * *

Яцек проснулся среди ночи, разбуженный непонятными звуками, и некоторое время лежал неподвижно, насторожённо прислушиваясь. Выглянул опасливо из-под одеяла.

В мансарде было холодно. За окном, подсвеченные матовой луной, неслись по небу рваные клочья облаков. Шёл дождь. Яцек повернул голову и различил в зыбком полумраке фигуру Жуги на кровати. Рядом на полу чернело в световом пятне тонкое, будто очерченное углём, неровное кольцо.

На первый взгляд казалось, что Жуга спит, но вскоре Яцек пообвыкся в темноте и увидел, что глаза у того открыты. Правая рука травника свешивалась с кровати, чуть касаясь досок пола, и согнутые костяшки пальцев отбивали причудливый, замысловатый ритм. Дом молчал, окутанный сном, и негромкий этот перестук разносился дробным эхом в ночной тишине, будоражил мысли, вызывая из глубин памяти что-то очень древнее, смутно знакомое, но счастливо забытое. Яцек лежал, затаив дыхание, гадая, чем всё это кончится, и уже начал было снова засыпать, как вдруг стук прекратился. Жуга поднял голову с подушки

и вытянул шею, глядя в дальний угол. Яцек тайком покосился туда и невольно вздрогнул: там, в кромешной темноте поблёскивали огромные, с грецкой орех, глаза.

Яцек тихонько ущипнул себя за руку, надеясь, что видение сгинет, но глаза не хотели исчезать. Круглые и жёлтые, словно две маленькие луны, они, казалось, висели там сами по себе, и лишь присмотревшись, можно было различить их обладателя — мохнатую двуногую страшилку ростом чуть повыше табуретки. Существо мигнуло пару раз, мягко и бесшумно переступило с ноги на ногу. Качнулись корявые, свисающие до пола руки. Длинная пушистая шерсть скрывала очертания тела, и когда ночной гость стоял неподвижно, то совершенно сливался с темнотой, лишь мерцали блюдачки глаз, глядя то на Жугу, то на Яцека. Из угла он не выходил — то ли не хотел, то ли просто боялся. Некоторое время в комнате царила тишина, затем Жуга заговорил.

— Ты узнал меня, Яртамыш? — хриплым шёпотом спросил он. — Отвечай!

Непонятное чучело в углу зашевелилось, подняло голову.

— Не произноси моё имя при чужаках, — донёсся из угла тихий, похожий на шелест опадающей листвы голос. — Я узнал тебя, рыжая голова.

— Он не чужой, — нахмурился Жуга, покосившись на Яцека. — К тому же он спит. Ты помнишь наш уговор?

— Я помню наш уговор. — Глаза качнулись с лёгким кивком. — Чего ты хочешь от меня?

Жуга помолчал, раздумывая.

— Этот город заполонили крысы, — наконец сказал он. — Почему это случилось?

— Злое место.

— В чём зло?

— Этого не знаю, — ответило существо. — Всякий город — злое место. Много людей. Много камня. Мало солнца. Мало воздуха. Что ещё?

— Мне нужно избавиться от них, а я не хочу убивать.

Глаза мигнули озадаченно.

— Почему? — прошелестел вопрос.

— Я видел их сны и знаю: злоба не от крыс. Они не виноваты. И ещё они слишком умны, чтобы травиться и попадаться в ловушки. Как мне обойтись без крови?

— Уведи их прочь.

Жуга покачал головой:

— Они не пойдут за мною.

— Пойдут за твоей дудочкой.

— Как это можно сделать?

— Поднять выше.

— Что поднять?

Тварь хихикнула еле слышно, словно лопнула пружина в старых часах. Блеснула глазами.

— Голос, — был ответ.

На некоторое время воцарилась тишина. Жуга лежал, обдумывая услышанное, и мохнатый карлик первым нарушил молчание.

— Я выполнил твою просьбу, — сказал он. — Развяжи теперь мой узел.

Жуга кивнул и потянулся к чёрному кольцу, которое оказалось тонкой верёвкой, завязанной множеством узелков, поднял её и распустил один. Посмотрел на своего советчика. Глаза в углу мигнули несколько раз, но остались на месте.

— Что ж ты не уходишь? — спросил Жуга.

— Вы, люди, странные существа и редко держите своё слово, — сказал наконец голос. — Ты поступил честно со мной... Хочешь совета?

— Хочу, — поколебавшись, кивнул травник.

— Научись заново жить с людьми.

Сказав это, пришелец развернулся и исчез так же быстро и бесшумно, как и появился.

Жуга посидел ещё некоторое время, затем смотал в клубок верёвку, спрятал её в мешок, лёг и вскоре заснул. Яцек долго лежал с открытыми глазами, соображая, приснилось всё это ему или нет, и заснул лишь под утро, так и не найдя ответа на свой вопрос.

* * *

Вечером этого дня Яцек припозднился. Жуга сидел на подоконнике, качал ногой и ковырял ножом палочку. Охалка таких ветвей кипятилась в горшке, торчала оттуда растрёпанной метёлкой. Горшок, как всегда у Жуги, кипел сам по себе. На полу, среди лужиц воды рассыпаны были щепки, стружки и множество трубочек снятой зелёной коры.

Яцек затворил дверь.

— Жуга! — позвал он.

— Что? — отозвался тот, не поднимая головы.

— Поговорить надо.

Жуга мельком глянул на него, кивнул, отложил в сторону надрезанный прутик и нож и вытер руки.

— Что стряслось? — спросил он. — Ты чего такой бледный?

Яцек замялся, не зная, с чего начать, глубоко вздохнул и заговорил спешно, словно бросился в омут головой:

— Я вот что сказать хочу, Жуга... С той поры, как ты сюда заселился, тут такое творится, что мне порой не по себе. Нет, ты не подумай только, что я жалуюсь или прогнать тебя хочу, просто... Просто неясно мне всё это! Леса эти, горшки без огня, видения... Зачем она нужна, вся эта ворожба?

Жуга помолчал, прежде чем ответить.

— Ты не спал прошлой ночью? — спросил он.

Яцек кивнул и откашлялся, прочищая горло.

— Кто это приходил вчера? Троль? Кобольд?

Жуга покачал головой.

— Ни тот ни другой. Просто попал он однажды в беду в горах, а я ему помог... Ты его не бойся, это на вид он страшен, а так добрый, только людей не жалуется.

— Странный ты человек. — Яцек пододвинул табурет, сел и с опаской покосился на горшок, в котором по-прежнему ключом кипела вода. Вздыхнул. — Странный — и всё-таки хороший. Другой не полез бы девчонку спасать, а ты не забоялся. Что ты затеваешь, Жуга? Иногда мне просто страшно, когда ты рядом. До жути страшно.

Жуга сидел недвижно, молчал, глядя в окно. Рассеянно ерошил пятерней копну волос. Посмотрел на Яцека.

— Страх, да... — сказал наконец он. — Наверное, ты прав. Со стороны, говорят, виднее. Извини, если что. Спрашивай, я отвечу.

Яцек подобрал с пола одну трубочку, повертел её в пальцах.

— Свистулька, что ли? — недоумевая, произнёс он.

— Вроде как, — кивнул Жуга. — Помнишь разговор вчерашний? Сви-рель я мастерил — манок. Полдня ветки перебирал, искал подходящую.

— Нашёл?

— Нашёл.

— Дались вам с Готлибом эти крысы. — Яцек с сомнением посмотрел на хрупкую, ещё не просохшую дудочку, что лежала на столе. — Потра-вить их — и делу конец. Или капканов побольше поставьте. Дудеть что толку?

Жуга поднял взгляд, усмехнулся невесело.

— Если б ты знал, друг Яцек, как тут всё хитро закручено, — сказал он. — А Готлиб... он из-за меня в беду попал, мне и выручать старика.

Жуга спрыгнул с окна и направился к столу. Выбросил распаренные ветки, наполнил горшок свежей водой, подождал, пока та не закипела, и всыпал пригоршню крупы. Сложил в мешок свирель и нож, посмотрел на заваленный мусором пол.

— Веник есть?

— Там, в углу.

Жуга смёл щепки в кучу и выбросил их в окно. Постоял, задумчиво глядя на улицу. Было тепло — осень расщедрилась-таки ещё на один пого-жий денёк. На тёмном небе уже зажглись первые звёзды. Сырой осенний ветер налетал порывами, раскачивал оконные створки, тербил Жугу за волосы.

— Такая загвоздка, Яцек, — сказал Жуга, не поворачивая головы. — Пло-хо я город знаю, а мне по всем улицам пройти надо. Помог бы ты мне, а?

Звонарь помолчал нерешительно.

— А ты когда идти надумал? — наконец спросил он.

Жуга повернул голову.

— Сегодня, — сказал он и посмотрел Яцeku в глаза. — Сейчас.

* * *

Они шли по тёмным улицам — две тени, чёрное на сером; шли тихо, лишь башмаки Яцeka стучали по каменной мостовой да шуршал изредка под ногами палый лист. Шли мимо запертых лавок и мастерских, мимо пивной, где давно уже смолк всякий шум, мимо чёрной молчаливой громады собора. Шли мимо ратуши, где равнодушные чёрные ножницы стрелок отмеряли третий час. Шли мимо пекарни вдовы Мютцель, мимо аптеки Готлиба, мимо тёмных унылых домов, кружили в узких лабиринтах уснувшего города, и только фонари таращились им вслед.

Первым шёл Яцек, кратчайшей дорогой направляясь к городским воротам, сразу за ним — Жуга с котомкой за плечами (её он взял с собой). Жуга играл. Звук свирели почти не был слышен, лишь временами в голове возникал тонкий комариный писк, висел в воздухе, щекотал виски, а через миг растворялся в ночной тишине. Зыбкая, плачущая мелодия из двух-трёх нот билась в тесных каменных ладонях, летя в небытие, и возвращалась, звала за собой. Яцек мог бы поклясться, что никаких звуков нет вообще, если бы...

Если бы не крысы.

Сбившись в тесную стаю, они шли за людьми, как привязанные, и с каждой улицей, с каждым проулком их становилось всё больше и больше, словно серое бугристое одеяло накрыло мостовую от края и до края. Яцек содрогнулся от такого зрелища и больше не оглядывался. Улицы петляли, брусчатка была неровной. Жуга шёл, чуть заметно хромя, не оборачиваясь, сосредоточенно глядел себе под ноги. И только поэтому ни он, ни Яцек не заметили, как там, где они прошли, бесшумно открываются двери домов.

Лишь когда они вышли далеко за городские стены, Яцек набрался храбрости и оглянулся вторично. Оглянулся — и остолбенел.

Крысы по-прежнему бежали следом, и число их заметно возросло, но дело было не в этом.

По пятам за ними шли дети.

Растянувшись по дороге неровной цепочкой, одетые как попало, многие — вовсе в ночных рубашках и колпаках, мальчики и девочки лет пяти-шести; они брели, едва переставляя ноги, спотыкаясь, падая, держались друг за дружку, словно ожил вдруг нелепый страшный сон.

Опомнившись, Яцек в два прыжка нагнал приятеля и схватил его за рукав.

— Жуга! — в ужасе зашептал он. — Глянь назад, Жуга!

Тот обернулся и тоже переменялся в лице. Опустил свирель.

Мелодия смолкла.

Яцек замер, ожидая, что зверьки тотчас бросятся врассыпную, но те, казалось, и не думали бежать, наоборот — сгрудились теснее и замерли, поблёскивая глазками.

Остановились и дети.

Яцека била дрожь.

— Что ж мы натворили, а? — растерянно пролепетал он. — Как так? Почему они не уходят? Почему, Жуга?!

— погоди, не мешай! — отмахнулся тот. Посмотрел на свирель в своей руке, на детей, снова на свирель. — Вот, значит, как... — пробормотал он. — Не думал я, что детское ухо чуткое такое. Хорошо ещё, что ночь сегодня тёплая.

Яцек умолк. В наступившей тишине Жуга снова оглядел неровный белый полукруг ребячьих лиц. Их было двадцать семь — пятнадцать мальчиков, двенадцать девочек. Безвольно опустив руки, они стояли, глядя в темноту широко раскрытыми невидящими глазами. Некоторые улыбались.

Жуга нахмурился — что-то было не так. Он зажмурился и попытался вспомнить, вернуть то странное чувство пустоты в голове, что приходило ночью во сне. Прогнав прочь все мысли, кроме одной, он тянулся за нею, всё дальше и дальше уходя в бархатную темноту закрытых век. Голова закружилась. Ещё немного... ещё...

Вот!!!

Жуга даже вздрогнул от неожиданности: ОНО было здесь — тихое, дремлющее зло, стояло рядом, безобидное до поры до времени, и только холодный, затаившийся липкий страх выдавал ЕГО присутствие. Жуга проглотил застрявший в горле ком и осторожно, словно спящую змею за хвост, потянул ЭТО на себя.

Яцек стоял, глядя на Жугу, когда в рядах детей вдруг возникло шевеление, и те расступились, пропуская троих — девчонку и двух мальчишек. Яцек попятился.

— Мышата... — хрипло выдохнул он и смолк.

Жуга открыл глаза. Оглядел всех троих.

— Так, значит, это про них поют ту песенку? — спросил он.

— Про них, — кивнул Яцек, помолчал растерянно и снова посмотрел на трёх босоногих ребяташек.

Коротышка Фриц, Кристиан-заика и тихоня Магда. Три глупых маленьких мышонка, в слепом безрассудстве побежавшие за злой фермершей. В них тоже не было зла. Но когда тебе, ни за что ни про что, оттяпают хвостик... Когда отберут любимую игрушку... Когда задразнят до слёз просто потому, что ты не такой, как все... Когда... Когда...

Беспомощные в своей обиде и оттого ещё более смешные, что они могли? Но один из них проник в мир Серого Народа, туда, где их слабость обернулась силой.

И фермерша содрогнулась и побежала.

«А ты смог бы выглядеть храбрым таким?..»

Яцек посмотрел на Жугу:

— Как ты догадался?

— Не догадывался я, — хмуро помотал головой Жуга. — Только сейчас сам всё понял. — Он взъерошил волосы рукой и покосился на Магду. — Никто из них в одиночку не смог бы крыс на город натравить, ни Фриц, ни Кристиан. А девчушка... Нет в ней Силы, она... ну, как бы мостик между ними, что ли...

— Но ведь леса-то на неё упали!

Жуга опять покачал головой.

— Леса на их обидчиков падали, тех, что в песке играли, помнишь? Она просто не поняла, что и её задавит тоже... Они не понимали даже, что и пацанов тех убьёт, просто отплатить им хотели.

Яцек помолчал задумчиво.

— Не понимаю, — наконец сказал он. — Ничего не понимаю. С чего ты взял, что они такие жестокие? Почём тебе знать?

Жуга пожал плечами.

— Самое жестокое в этом мире — это детские игры, друг Яцек. Чтобы понять это, надо просто-напросто вырасти. Кто взрослеет в двадцать лет, кто — в пятнадцать... А иной рождается стариком.

— Это ты, что ли?

Жуга поднял взгляд.

— Может, и я... Не всё ли равно? Давай лучше подумаем, что делать теперь с ними со всеми.

Яцек покосился на детей:

— Они что, спят?

— Спят, — кивнул Жуга.

— Отведём их обратно. А крыс убей. Утопи вон в реке...

Жуга криво усмехнулся:

— Уж больно у тебя, Яцек, просто всё получается: «Тех вернём, этих прибьём»... Погоди кулаками махать. Крысы в город новые придут, как ни старайся — это уж как пить дать точно. В этой жизни только одно имеет значение — смерть. А чья — не важно. Ведь говорится: «Не лечи болящее, лечи саму болезнь». Так что не надо их топить. Попробуем иначе.

— Ты и вправду так думаешь? — неуверенно спросил Яцек.

— Я не думаю, я знаю, — отрезал Жуга и пошёл к ребятишкам.

Он постоял в задумчивости около них, коснулся каждого рукою и сказал что-то — Яцек не расслышал толком, что именно. Отступил назад.

— Что ты с ними сделал? — обеспокоенно спросил Яцек.

Жуга передёрнул плечом, поморщился.

— Да почти ничего.

— Нет, всё таки? — не отступал звонарь.

Жуга взглянул на Яцека так странно, что по спине у того забегали мурашки и всякая охота спрашивать отпала сама собой. Яцек внезапно понял, что он ровным счётом ничего не знает об этом рыжем пареньке с таким нелепым именем, который так вот запросто способен увести из города кого угодно, когда угодно и куда угодно.

Жуга меж тем опять повернулся к детям, которые по-прежнему стояли не двигаясь, и протянул руку.

— Ты. — Он тронул за плечо Кристиана. — Ты больше не будешь заикаться. А ты, Фриц, не стыдись отныне своего роста. Магда... Ты вырастешь, станешь очень красивой и будешь счастлива, поверь мне. — Жуга опустил руки и ещё раз оглядел всех троих. — Больше никто не назовёт вас слепыми мышатами. Это я вам обещаю. А теперь... — он покосился на крыс, — ...отпустите их.

Два мальчугана и девочка не шевельнулись, стояли, молча глядя пред собой. И вдруг поляна ожила, наполнилась шорохом и писком — хвостатые зверьки суматошно металась в жухлой осенней траве, сталкиваясь, разбегаясь и тут же прячась. Меньше чем через минуту все крысы исчезли, лишь поблёскивали изредка в ночной темноте чёрные бусинки глаз.

Жуга кивнул и улыбнулся.

— Вот и всё, — сказал он Яцеку. — Не было бы счастья, да несчастье помогло. Отведёшь детей обратно, Яцек?

— А ты? — опешил тот. — Ты разве не вернёшься?

— Оглянись, — вместо ответа сказал Жуга.

Яцек глянул через плечо и увидел, как просыпается среди ночи растревоженный Гаммельн. В окнах загорались огни, то и дело мелькали красные точки факелов, а минуту спустя зазвонил отчаянно самый большой соборный колокол.

— Видишь? — Жуга виновато улыбнулся. — Нельзя мне туда... А ты возвращайся. Если что — вали всё на меня, тебе ведь жить ещё с ними. А я пойду, пожалуй.

— Но... — запинаясь, начал Яцек. — Но куда?

— Не знаю. — Жуга вздохнул. — Теперь уже не знаю. Много есть мест, где я хотел бы побывать. — Он развязал мешок и вытащил свёрток в тряпиче. — Не в службу, а в дружбу, зайди потом как-нибудь к Готлибу, передай ему.

Яцек принял липкий комок.

— Что это?

— Горный воск.

— А дети?

— Дети проснутся скоро. Ну, бывай здоров. — Он вскинул было котомку на плечо, как вдруг нахмурился, припоминая, и хлопнул себя по лбу. — Вот незадача!

— Что?

— Совсем забыл... Когда мы уходили, я там горшок с кашей оставил на столе кипеть. Думал вернуться, а теперь... Кто ж знать мог, что всё так получится! Остудить бы надо.

— Надо, — согласился Яцек. — А как?

— Проще простого. Произнеси рядом с ним: «*Ильта-вашта*» и представь красный цвет.

— Красный?

— Ага, — кивнул Жуга. — Ну, вот теперь, кажется, всё. Прощай, Яцек. Может, зайду ещё когда-нибудь в Гаммельн, колокола ваши послушать — уж больно мне твоя игра душу растравила.

— Счастливого пути, Жуга, — кивнул тот и, не удержавшись, спросил: — А что, правда понравилось?

Рыжий улыбнулся, кивнул, поправил мешок за спиной и растворился в ночи. Шаги смолкли.

Внезапно в одночасье поднялся ветер. Яцек вздохнул полной грудью, посмотрел на небо — чёрное, с матовым узором осенних созвездий. Ветер не хотел утихать. Ветер раскачивал деревья, ветер шелестел сухой листвой. Ветер брал своё начало на заснеженных вершинах далёких гор, может быть, даже Хоратских. Путь его лежал через леса и луга, через холмы и поля, через реки и болота. Ветер нёс искристый холод горных ледников, терпкий, еле уловимый запах увядающей травы и листьев, стылый, ломкий привкус заповедных лесных ключей, и было в нём ещё что-то неясное, почти неощутимое, но такое... такое...

Яцек вдруг понял, что ничего «такого» не было: просто исчез запах города — застарелая сырая вонь. Запах, который преследовал его всю жизнь: и босоное детство, и годы ученичества, и теперешнюю бытность его городским звонарём. А ветер...

Ветер нёс в себе всё то, что Яцек пытался выразить своей музыкой. Ветер летел. Ветер пел. Ветер звал за собой.

Теперь Яцек знал, что когда-нибудь он тоже уйдёт из Гаммельна, как ушёл только что Жуга. Рано ли, поздно ли, но уйдёт непременно. Уйдёт сам, по зову сердца, по следам рыжего травника, по велению музыки, что звучит в его душе. И другой сядет за клавиши Малинского карильона. Но это будет потом, позже. А пока город крепко держал его.

Слишком крепко.

Было тихо, и Яцек вздрогнул от неожиданности, когда пальцев его коснулась тёплая детская ручонка. То была Магда. Стояла рядом, глядя на него искренне и доверчиво. Тёплый ветер шевелил её мягкие тёмные волосы. Остальная ребятня, сбившись стайкою, топталась позади.

— Дядя Яцек, — улыбаясь, спросила Магда, — а мы скоро пойдём домой? Скоро, а?

Тот улыбнулся рассеянно в ответ и погладил её по голове.

— Скоро, — сказал он. — Сейчас.

Яцек посмотрел на Кристиана, на Фрица и вдруг понял, что сделал с ними Жуга, прежде чем уйти.

Он отобрал у детей и унёс с собой их страх — единственное, что помогало им выгонять крыс из нор.

Яцек подхватил Магду на руки и зашагал обратно в город, медленно, чтобы остальные дети поспевали следом. Он шёл и вспоминал всё, что произошло в эти странные дни, гадал, кем мог быть этот странный рыжий пришелец, и зачем он появился в Гаммельн, и кто приходил к нему ночью на стук, и что он, Яцек, скажет теперь городским жителям.

И ещё он думал о том, как хорошо, что последнее слово всегда остаётся за человеком, хотя в этом он был не очень уверен.

Серое на чёрном.

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

3

«*Г*лупее глупого», — сказал медведь.
— О чём ты? — Травник поднял голову.
«*О крысах, — фыркнул тот. — Люди всегда были склонны сваливать свои грехи на кого-нибудь другого. Служители вашего бога сравнивают кошек с дьяволом, а после жгут их сотнями в кострах. Немудрено, что в городах раздолье крысам. Чума двадцатилетней давности, я вижу, ничему вас не научила. А ты, стало быть, травник?»*»

— Да.

«*Забавно... Ты именно тогда и понял, что умеешь говорить?»*»

— Что? Говорить? А... Да. Наверное, тогда. Но дети...

«*Дети. Хм. От рождения до смерти долгий путь, да и люди меняются с возрастом. Два мальчика и девочка, так? Я их запомню.*»

Медведь умолк, а когда заговорил опять, речь пошла совсем о другом.

«*Встречались ли тебе такие, как ты сам?»* — спросил он.

— Такие же, как я? — переспросил Жуга. — Нет. Не встречал. Хотя однажды... Это было другое, но похожее. Не знаю, как сказать.

«*И что ты почувствовал?»*»

— Страх.

«*Страх, — задумался медведь. — Полезная штука. Помогает понять, что жизнь — всего лишь бег мельничного колеса в потоке времени.*»

— Да, — сказал Жуга, — бег мельничного колеса.

РОБКИЙ ДЕСЯТОК

Зелень исчезала.

Последний её оплот — парочка низкорослых молодых ёлочек — не мог уж боле сдерживать натиск безумного осеннего маляра. Месяца через три она, конечно, вернётся — робким изумрудным мазком на снежной белизне, но сейчас всюду, куда падал взор, царствовали багрянец, огненно-рыжее золото и хрупкая, исчёрканная углём белизна раздетых берёз.

Лес терял свой убор. Сухие листья, кружась и порхая в безветрии, пядь за пядью укрывали землю узорчатым лоскутным одеялом, падали не-

слышно на тёмную гладь пруда и после долго плавали поверху, пока вода, вдоволь наигравшись, не загоняла их в узкий деревянный жёлоб. Ни один не тонул — морщинистые, скрученные в лодочку, они вертелись в вихре пены и брызг на чёрной карусели мельничного колеса и отправлялись в дальний путь вниз по течению ручья. Навсегда.

В этом прощальном разноцветье не сразу можно было различить сидящего на берегу паренька лет двадцати. Был он бос, одет в серую неприметную холщовую рубашку и такие же штаны, сидел недвижно, погрузивши ноги в ручей, и даже рыжая копна нечёсанных волос смахивала издали на ворох осенних листьев. Рядом в траве лежали потрёпанный заплечный мешок, посох и кожаные башмаки-царвули.

Ручей вытекал из леса. Был он неширок и говорлив, но здесь, у запруды вдруг разливался глубоким омутом. В прошлом отсюда был только один сток — через жёлоб, но швы плотины давно разошлись, вода сочилась из всех щелей, стекала по заросшим зеленью брёвнам и вновь сливалась в один поток.

Мельница была под стать плотине: длинный низкий сруб, крытый потемневшей от времени щепой. Дверь разбухла и не хотела закрываться. Печная труба обвалилась. Слепыми провалами чернели окна. Рос лопух. Росла крапива. Густой зелёной чащей разросся борщевик. Всюду были тлен и запустение. Царила пустая, гулкая тишина осеннего леса, только шлёпало, крутясь, старое мельничное колесо да шуршали опадающие листья.

Из-за дома вдруг донёсся громкий, как трещотка, хруст валежника. Паренёк у ручья вздрогнул, вскинул голову, но через миг снова расслабился и даже не посмотрел в ту сторону. Взгляд его неотрывно следил за колесом.

— Жуга! — зычно крикнули за мельницей. — Жуга! Эй, где ты там?!

Снова затрещали сучья, кто-то хрипло выругался, продираясь через бурелом. Ещё через миг огромные, в рост человека, заросли лопуха у старого плетня зашевелились, и на берег вывалился рослый черноволосый мальёк, тоже лет примерно двадцати. Помотал головой, огляделся. Был он широкоплечий, лобастый и сильный не по годам, волосы стриг коротко, шапки не носил и, хоть казался неуклюжим, на деле был, наверное, ловок.

Жуга (а звали рыжего именно так) помахал рукой, и парень, заметив приятеля, двинулся к нему в обход пруда, на ходу выдирая из волос застрявшие репы. Уселся рядом на траву, подобрал ноги под себя.

— Всё облазил, — сообщил он. — Мельница как мельница, ничего особенного. Старая, конечно, и жёрнов один побитый, а так ничего, ещё послужит. Работы, знамо дело, много будет, ну так я работы не боюсь... А ты всё сидишь?

— Сижу, — кивнул Жуга. Повёл в воде ногой. Стайка рыбьей молодежи испуганно метнулась в сторону. Черноволосый покосился на запруду, хмыкнул задумчиво.

— Странный ты всё-таки, Жуга, — сказал он. — Торчишь тут у воды целый день, пялишься на колесо, будто сыч... Или что интересного в нём нашёл, а?

Жуга вздохнул и повернул голову. Цепкий, внимательный взгляд его голубых глаз был нехорош. Тревожный был взгляд.

— Не знаю, Олег, не знаю... — Он взъерошил волосы рукой. — Может, и нашёл.

— Что, к примеру?

Жуга отвёл взгляд.

— Почему оно вертится? — спросил он.

* * *

После долгих кутежей, после нескончаемой череды пирушек, попоек и пьяных драк Олег наконец решил завязать и взяться за ум. Произошло это вскоре после того, как его погнали с мельницы, где он работал. Как раз в эти дни судьба вновь свела Олега с его приятелем — не то валашским, не то вазурским горцем, мрачноватого вида рыжим пареньком со странным прозвищем Жуга. Никто не знал, откуда он пришёл и где живёт, не знали даже, как его зовут, в своё время их перезнакомил общий друг Реслав. Месяца полтора-два тому назад всех троих в компании ещё с одним парнишкой, имени которого Олег уже не помнил, занесло в замок к одному вельможе. О том, что приключилось после, Олег предпочитал помалкивать, хотя соблазн похвастать своими похождениями был велик — знал он мало, но, по крайней мере, то, как рушилась одна из башен замка, видел своими глазами. Толки об этом по маргенским кабакам ходили разные, тем более что не прошло и недели, как хозяин замка, Михай Пелевешич, скончался. Многие, впрочем, его недолюбливали (если не сказать хуже), да и был он уже в летах, так что в скором времени всё это тихо-мирно позабылось.

Всё бы ничего, но несколько дней спустя по Маргену, словно какая зараза, прокатилась волна похорон. Умирали в большинстве своём местные и заезжие престарелые купцы, знатные вельможи преклонных лет да именитые городские старожилы. Эти тоже изрядно подзажились на этом свете, и люди удивлялись лишь тому, что все ушли разом, друг за дружкой и в такой короткий срок. Но тут уж ничего не поделаешь. «Знать, судьба такая, — судачили за столами в корчмах. — Бог дал, Бог и взял, а посему не наше дело, куда девалось тело, а вот выпьем-ка лучше за упокой души». Сдвигались, звякая, кружки, и пенные струи крепкого маргенского пива гнали прочь любые вопросы.

Где пропадал всё это время Жуга, Олегу было невдомёк. Дороги их пересеклись под Жёлтым Колесом, у Ладоша, где Олег шумной прощальной гулянкой отмечал свой уход с мельницы, конец лета и ещё именины в придачу. Жуга тоже был там. Его нескладную, перекошенную, но

до странности гибкую фигуру и рыжую лохматую башку трудно было не узнать. Олег сразу затащил его за стол и после третьей или четвёртой кружки поделился своими задумками на будущее. А хотел он ни много ни мало — завести своё дело, то бишь собственную мельницу. Кое-кто из приятелей присоветовал ему сходить глянуть на одну заброшенную, у Бобрового ручья — дескать, вдруг она не совсем ещё развалилась, да одному идти нет охоты, и места там глухие, безлюдные места. Люди сказывают, неладное там что-то, да только ведь врут, наверное, а всё равно лучше было бы вдвоём пойти.

— Может, составишь мне кумпанию? — то и дело спрашивал он. — Составишь, а?

Рекой лилось вино, сизой спиралью вился табачный дым, и Жуга теперь уже не помнил, как согласился пойти с Олегом. Планов на ближайшее время у него не было, а те, что были, вполне могли подождать недельку-другую.

На другое утро встали рано. Остальные гости ещё спали вповалку, кто на лавке, кто на столе, а кто и вовсе под столом. Очухавшись и протрезвившись бадейкой рассола, приятели засобирались в путь. Олег, уходя с мельницы, прихватил в качестве платы порядочный мешок муки, от которого теперь осталось меньше половины. Решили взять его с собой — не пропадать же добру. На менки, что водились у обоих, прикупили свечей, пару одеял, копчёный свиной окорок да пива маленький бочонок, и даже осталась кой-какая мелочишка на дорогу.

Вышли засветло. Шумный суетливый Марген вскоре остался позади, и Жуга постепенно перестал корить себя за содеянное. В конце концов, дело Олег задумал хорошее, жаль только, поздновато спохватился: осень на носу. Погода стояла тёплая, что называется, бабье лето. Где пешком, где на попутной подводе, ночуя на постоянных дворах, а в конце пути уже и просто в поле, приятели добрались до Бобрового ручья дня через три. И были немало удивлены. Оказалось, здесь не так уж и безлюдно: неподалёку находился перекрёсток проезжих дорог, по которым в хорошие времена сюда возили зерно из ближних деревень. Теперь же, когда мельница больше не работала, жителям их приходилось делать большой крюк, добираясь до другого мельника почти два дня. Тот, кстати говоря, был малый не промах и драл с поселян три шкуры, но ничего не поделаешь — ругались, да ездили.

Мельница оказалась старая, но сруб был ещё крепок. Чинить её сейчас всю, целиком и полностью, у Олега не было ни времени, ни желания, и дело отложили на весну, решив просто подновить дырявую крышу, пока не начались дожди.

Жуга с каждым днём ощущал, как растёт в груди знакомое до боли напряжение, предчувствие недоброго. Впрочем, то могла быть простая усталость. Каждый день взгляд его всё чаще останавливался на чёрной воде мельничного пруда, Жуга подолгу сидел на берегу, слушая лес и думая

о своём. Было в окрестностях старой мельницы нечто странное. Никто сюда не ходил, хотя полно здесь росло и ягод, и грибов — почти не отходя от пруда, приятели каждый день набирали чуть ли не ведро крепких, ядрёных боровиков. Здесь редко дул ветер и совсем не было птиц и другой живности, лишь ниже по течению ручья поселились бобры — там была вторая плотина, ими же и построенная. Изредка можно было слышать, как валятся с треском молодые деревца на их лесосеке да шлёпают по воде плоские чешуйчатые хвосты.

И ещё одна заноза не давала Жуге покоя. Мельница была стара. Давно сточились деревянные шестерни. Треснул и раскололся жёрнов. Почти совсем стёрся кованый вал. Воды в жёлобе было мало, и напор её был так слаб, что не смог бы и пескаря затянуть, не говоря уже о том, чтоб колесо крутить.

А колесо крутилось.

Олег пробовал его останавливать. Сделать это удавалось без особого труда, но едва лишь убрали запорный брус, тёмная громада вновь начала своё неторопливое вращение. Жуга предложил перекрыть колесу воду, но «кумпаньоны» по разным причинам так и не решились это проделать, да и времени не было.

Жуга подначил Олега спросить у поселян, кто был прежний хозяин мельницы, куда исчез, как звали да и был ли он вообще, но те всё больше отмалчивались, и тогда Жуга сам решил выяснить, почём в лесу петрушка. Он взял котомку, пересчитал менки в кошельке и отправился в ближайшую деревню. Вернулся травник далеко за полдень, принёс пареной репы, крынку молока и большой румяный кныш с гречневой кашей и грибами. Стосковавшиеся по свежему хлебу приятели в два счёта всё это умяли, и лишь после еды Олег поинтересовался, удалось ли другу чего разузнать.

— Моргун его звали, — хмуро, с неохотой ответил Жуга. — Жил он тут один, обходился без помощников, а куда после девался, не знает никто. Уж года три как нет его. Ходит слух, будто с нечистым он знался, заговоры всякие творил, держал на мельнице то ли козла чёрного, то ли кота такого же... В общем, всякое говорят, да всё больше дурь несут.

— Люди чего только не скажут, — буркнул недовольно Олег. — Слышал я краем уха про него, Моргуна этого. Смурной был мужик, верно. Ну так что с того? Поселись отдельно да кошку заведи, так ты уже и колдун. А настоящих колдунов, поди, и не видали никогда, так, бабки-травницы.

— Твоя правда, — кивнул Жуга, собрал с платка хлебные крошки и отправил их в рот. Посмотрел на колесо. Нахмурился, ничего не сказал, надел рукавицы и взялся за топор.

Осень заставляла друзей торопиться. Они работали — валили деревья, рубили брёвна на щепу и в меру сил чинили кровлю.

Так прошло ещё три дня.

На четвёртый к ним пожаловал гость.

* * *

Он шёл неспешно, неслышным мягким шагом. Вёл в поводу осёдланную лошадь. Над правым его плечом, затянутым в потёртую кожу старого полукафтана, рифлёной чёрной свечкой торчала рукоять меча. Один бог знал, что влекло его сюда, но шёл незнакомец уверенно, не оглядываясь и не сворачивая. Лошадь, гнедая поджарая кобыла, ступала тихо: мягкая лесная земля начисто глушила стук её некованных копыт. По обе стороны от седла приторочены были два тюка и длинный мохнатый свёрток чёрной овчины.

Немного не дойдя до пруда, путник остановился. Сквозь хрупкое переплетение нагих ветвей уже проглядывала тёмная бревенчатая коробка старой мельницы. На все четыре стороны разносился бодрый перестук топоров. Работали двое — снимали кору или кололи щепу: удары были негромкие, острые. Временами топор звонко тенькал, соскальзывая — видно, плотники были неопытные. Слышался приглушённый плеск воды.

Незнакомец осмотрелся, забросил поводья на спину лошади и осторожно двинулся вперёд, рукою отводя нависшие над дорогой ветви. Лошадь послушно осталась на месте.

* * *

...Коротким ударом Олег вогнал топор в очищенное от коры бревно и разогнул усталую спину. Сморгнул с ресниц набежавший пот и только теперь заметил пришлеца. Заметил и вздрогнул — так внезапно и неслышно возникла в тени старого плетня сухая, затянутая в чёрное фигура. Заслышав, как смолк топор в руках друга, обернулся и Жуга.

Воцарилась тишина. Оба настороженно разглядывали незваного гостя. Падали листья. Крутилось колесо.

Ожидать от незнакомца можно было чего угодно — много странных людей бродило по дорогам из города в город, из одного воеводства в другое, и каждый искал своё: один — лучшей доли, другой — выгодного дела, третий слепо гонялся за удачей, а кое-кто и вовсе караулил лёгкую добычу на большой дороге. Им не были преградой бесчисленные границы, проведённые тут и там мелкими дворянчиками, каждый из которых именовал себя не иначе как королём. Им было всё равно, какие земли простираются окрест — Хоратские горы или болота Белополесья, христианская Либава или языческие Мазуры. Им даже без разницы было, как зовутся здешние княжества — Валиницы, Махагам или Мравская Стойна, — всё равно нескончаемые споры, раздоры и междоусобицы перекраивали карту по десять раз на дню. Земля же носила всех, не спрашивая, кто, откуда и куда.

Олег не смог бы сразу сказать, откуда пришёл этот человек. Среднего роста, загорелый до смуглой черноты, беловолосый, с мечом за спиной, он походил на наёмника-кнехта. На нём были высокие, до колен, сапоги для

верховой езды, чёрные штаны и такой же чёрный кожаный полукафтан, какой обычно надевают под кольчугу. Рукава до самых локтей покрывала густая россыпь круглых, сходящихся на конус металлических бляшек. На шее чужака, как раз там, где кончалась шнуровка кафтана, багровел недавний шрам — неровный, рваный полумесяц. Спокойный, неподвижный, незнакомец стоял, ссутулившись, возле почерневшей бревенчатой стены и рассматривал двоих друзей. Ни один мускул не дрогнул у него на лице, двигались только глаза: вправо — влево, взгляд на Олега — взгляд на Жугу.

Молчание затягивалось. Олег подумал, уж не драки ли ищет чужак, потом заподозрил, что тот немой, и уже совсем в этом уверился, как вдруг странник заговорил.

— Бог в помощь, — беззлобно сказал он и снова оглядел двоих друзей. Выговор у него был мягкий, явно нездешний, но, опять же, неясно, каковский.

— Благодарствуем, — ответил за обоих Олег и стянул рукавицы. — Ты кто такой будешь?

— Меня зовут Геральт, — представился незнакомец.

— Олег, — сказал Олег.

— Жуга, — сказал Жуга.

— Это ваша мельница?

— Теперь моя, — кивнул Олег. — А что?

— Выглядит не новой.

— Уж какая есть... А что тебе до этого? Или ищешь чего?

— По своим делам иду, — уклончиво ответил тот. Снял чёрные, усыпанные тусклыми серебряными бляшками перчатки, заткнул их за пояс. Поправил меч за спиной. — У вас тут можно заночевать?

Олег замаялся. Он ожидал подобной просьбы, но не подумал заранее, что ответить. Покосился на Жугу, но тот промолчал, лишь поднял бровь: твоя, дескать, мельница, ты и решай.

— Не знаю, как и сказать, — уклончиво начал он. — Место у нас, конечно, есть, но сам посуди, как тебя пустить, коли мы не знаем про тебя ничего? Меч у тебя опять же... Я слышал, тут поблизости постоянный двор есть, лучше бы тебе там остановиться.

— Послушай, парень, — мягко сказал Геральт, — если бы я задумал недоброе, вы оба были бы уже мертвы. Я прошу всего лишь ночлега. И потом, я могу заплатить.

Олег вспомнил, как незаметно подобрался к мельнице незнакомец в чёрном, и ему стало не по себе. А ведь он к тому же и не пытался от них спрятаться! Олег нахмурился.

Неким холодом веяло от этого человека, да и повадки его смутно были Олегу знакомы, словно он уже сталкивался с подобным или, по крайней мере, что-то слышал... Только вот что именно? И где?

— Он прав. — Жуга положил руку Олегу на плечо и покосился на небо. — Да и стемнеет скоро. — Он повернулся к страннику. — Ты один?

— Со мной только лошадь, — ответил Геральт, обернулся к лесу и негромко позвал: — Плотва!

Неслышно ступая, из-за деревьев показалась осёдланная гнедая кобыла, подошла ближе, ткнулась мягкими губами в кожаный рукав. Геральт потрепал её за холку, посмотрел вопросительно на Жугу. Тот кивнул:

— Ну что ж, гостю место. Стоило для лошади тоже найдётся. А вот за корм не ручаюсь.

— Она сама найдёт пропитание.

Олег всё ещё колебался.

— Коли так, — с неохотой кивнул он, — оставайся. Пять менок — не слишком дорого будет для тебя?

— Хочешь, чтобы я заплатил сейчас?

— Пожалуй...

Геральт расшнуровал на груди кафтан, вынул кошель. Из-за пазухи выскользнул и закачался на цепочке круглый серебристый медальон с выбитым на нём рельефом — волчьей головой. Геральт небрежно сунул его обратно, отсчитал деньги Олегу в подставленную ладонь. Взял лошадь под уздцы.

— Куда отвести?

Олег не ответил, думая о своём, и Жуга указал рукой:

— Там, с правой стороны ворота увидишь.

Геральт кивнул и направился в обход рухнувшей ограды. И лишь когда он скрылся за углом, Олег вспомнил-таки, где он видел такой же, как у Геральта, медальон. Вспомнил и тихо выругался.

— Что? — обернулся, не расслышав, Жуга.

— Ведьмак, — глухо повторил Олег и сжал в кулаке пять медных кружочков.

* * *

Этой ночью Жуга снова не смог уснуть, лежал, закрыв глаза. Ничего хорошего она не сулила, ночь без сна. Она приходила всякий раз, когда что-то не ладилось, когда душу снедало предчувствие близкой беды. Свечи давно загасили. Слышно было, как плещется на плотине колесо. Справа доносилось спокойное, ровное дыхание Олега. Геральт предпочёл лечь поближе к двери, подложив под голову свой мешок. Жуга перевернулся с боку на бок и задумался.

Что за неясную тревогу принёс чёрный незнакомец?

Ведьмак... Кажется, так назвал Геральта Олег.

Жуга припомнил пару историй, подслушанных в Маргене, — что-то про бродячих колдунов. Наёмники. За плату они подряжались изводить всякую нечисть, которая, кстати, колдовством и была рождена на свет. Народ их не любил. Хотя, если поразмыслить, народ не любит всё, чего не может понять, уж в этом Жуга имел возможность убедиться самолично. Но Олег, который сам учился магии, он-то что плохого в том увидел?

«Понимаешь, — уклончиво ответил тот, когда Жуга спросил его об этом, — ведьмаки, они, конечно, парни не робкого десятка, но они убивают. А нечисть они бьют или нет — им без разницы. Вот...» Больше он не сказал ничего. Деньги, однако же, взял.

Скрип половиц, донельзя громкий в звенящей ночной тишине, прервал его раздумья. Жуга сел и огляделся.

Длинную, с низким, просевшим потолком комнату затопила смоляная чернота осенней ночи. На тёмном отсыревшем полу серебрился неровный квадрат лунного света от окна.

— Геральт? — неуверенно окликнул Жуга, помолчал, настороженно прислушиваясь, и снова позвал: — Геральт!

— Ш-шш... — донеслось из темноты. — Тише... говори тише...

Жуга обернулся на голос и еле разглядел неясный силуэт.

— Ты что там делаешь?

Похожий на тень и такой же неслышный, ведьмак медленно, шаг за шагом подбирался к окну. Замер. Повернулся. Блеснули в темноте восемь пятей лёгкой, остро отточенной стали — меч. В горле у Жуги мгновенно пересохло; он приподнялся было, намереваясь встать, но Геральт поспешно замахал на него рукой и пальцем указал на ухо, мол, слушай. Жуга кивнул и остался недвижим.

Зашуршали листья. Кто-то ходил кругами возле мельницы, приволакивая ногу. Расшатанные доски крыльца скрипнули раз, другой. Толкнули дверь — осторожно, как бы примериваясь. На миг заслонило окно. Неизвестный ещё разок обошёл мельницу, торкнулся в конюшню — лошадь забеспокоилась, фыркнула, топнула копытом. Жуга лежал не шевелясь, гадая, кто бы это мог быть. Олег продолжал себе спокойно спать.

Пошатавшись ещё минут десять поблизости, полночный колоброд исчез так же внезапно, как и явился. Геральт вздохнул и с лёгким шелестом убрал меч в ножны.

— Кто это был? — спросил Жуга.

Геральт не ответил, лишь усмехнулся криво. Присел, расправил одеяло.

— Чего зубы скалишь? Кто это был?

— Ты что, видишь в темноте? — вместо ответа спросил ведьмак. Голос его прозвучал хрипло и глухо, безо всякого выражения.

— А хоть бы и вижу, что с того?

— Мне — ничего, — хмуро проговорил он. — Как тебя зовут?

— Жуга, — с неохотой сказал травник. — Я говорил уже.

Геральт хмыкнул:

— Кличка, ребячье прозвище...

— Другого нет.

— А было?

Ответа не последовало, и разговор угас сам собою. Через минуту оба уже спали.

* * *

Утро Олег заспал. К тому времени когда он, зевая и потягиваясь, вылез на крыльцо, уже давно рассвело. Осенний лес окутала белёсая липкая дымка. Было сыро, холодно и до жути тихо, лишь стучал топором Жуга, обтёсывая тонкую прямую лесину, да плескало у запруды колесо. Аспидно-чёрное зеркало мельничного пруда замерло в неподвижности. Давешнего пришельца было не видать.

Скользя и оступаясь на крутом глинистом берегу, Олег спустился к ручью, стянул рубаху и принялся умываться, горстями черпая прозрачную стыльную воду. Пригладил волосы, напился, вытер руки о штаны и протянулся было за рубашкой, да и замер.

В кустах на том берегу кто-то был. Плотный туман колыхался зыбкой слоистой пеленой, мешал смотреть, и Олег смог различить лишь длинные чёрные волосы и белое полотнище рубашки.

— Что за чёрт... — пробормотал он, смаргивая, и вполголоса позвал: — Жуга!

Топор смолк.

— Чего тебе? — донеслось из-за угла.

— Девка!

— Что?

— Девка стоит, чтоб мне лопнуть...

Послышались шаги. Жуга подошёл к берегу, сжимая в руке свежесрубленный посох. Дерево было плотное и белое, без трещин и почти без сучков. Остановился, повертел головой.

— Где?

Олег вытянул руку, указывая на кусты, но не было там никого, лишь глаз уловил, как мелькнула меж деревьев угловатая девчоночья фигурка, мелькнула и пропала без шороха, без звука.

— Где? — повторил Жуга, прищурился и посмотрел на Олега. — Поблазнило?

Олег помотал головой.

— Вроде нет...

— Что за девка хоть?

— Лица не разглядел, — нахмурился Олег. — По виду пацанка ещё. Волос чёрный. И рубашка на ней такая... Куцая такая рубашка.

— Рубашка... и всё?

— Ну-у... э-э... — Олег покраснел и почесал в затылке. — Не разглядел я! Жуга присел у воды, положивши посох поперёк колен. Сорвал увядшую травинку, пожевал задумчиво.

— Н-да... — наконец сказал он.

— А что такое? Или случилось чего?

— Да гость у нас ночью побывал.

— Гость? — Олег непонимающе вскинул голову. — Какой ещё гость? Ты о чём?

Жуга встал и направился к мельнице.

— Идём, покажу.

Возле окна, на пяточке рыхлой расчищенной земли виднелся след босой ноги. Пятипалый, кривой, он был не в пример больше человеческого — расшлёпанная плоская ступня.

— Может, медведь? — с неуверенностью в голосе предположил Олег.

— Не похоже. Он на пальцах ходит и пятку криво ставит, одно слово — косолапый. Да и медведей в здешних местах уж лет десять как не видали.

Олег всем телом повернулся к Жуге.

— Почто меня не разбудил?

— Надо б стало — разбудили бы, — рассудительно ответил тот. Прошёл рукой по рожим волосам. — Странные дела... Так, говоришь, пацанка?

— Малолетка. А где этот, как его...

— Геральт?

— Ну, да. Где он?

Жуга пожал плечами:

— Бог его знает. Бродит окрест.

— Может, уехал?

— Лошадь-то тут.

— Ведьмак чёртов! — ругнулся Олег вполголоса. — Знаешь, Жуга, меня уже с души воротит от его корявой морды. И ведь толком не говорит, сволочь, чего ему тут надо. Не иначе его рук дело, след энтот. Да и баба эта не зря тут вертится. Может, из какой деревни она? Одни только беды от этих баб...

— Вот что я скажу. — Жуга встал и отбросил смятый стебелёк. Сплюнул зелёным, огляделся. — Хватит рассиживать. Нутром чую — неспроста эта каша заваривается. Давай искать. Здесь должен быть тайник.

* * *

Запрокинув над головой пузатый маленький бочонок, Олег хорошенько потряс его, выцеживая в раскрытый рот последние капли пива, в напрасной надежде заглянул внутрь одним глазом, другим, с тоской вздохнул и зашвырнул в лопухи. Бочонок, с шумом подминая широкие листья, скатился по крутому откосу, плюхнулся в пруд и закачался на тихой волне, мокро блестя круглыми боками, словно диковинная водяная живность. Жуга с неодобрением покачал головой:

— Зря ты так. Пригодился бы.

— Для чего?

— Для воды.

— Да ну, скажешь тоже — для воды... С собой её тащить, что ли, воду-то? — Олег сплюнул и покосился на мельницу. — Зря искали. Нету здесь тайника никакого.

Жуга покивал головой.

— Может, и зря... а может, и нет.

— И с чего ты выдумал про тайник?

Жуга не ответил.

День распогодился. Было сухо и тепло, хотя земля ещё дышала утренней сыростью. Утомлённые долгими поисками, друзья отдыхали, лёжа на брёвнах и подставив лица неяркому солнцу. Геральт до сих пор не воротился. Втайне Олег был этому даже рад — чем дальше от мельницы пребывал ведьмак, тем спокойнее было у Олега на душе.

Однако где ж его черти носят?

— Геральта не видать? — словно услышав его мысли, спросил Жуга.

— Да вроде нет... И чего ему неймётся?

Большая пёстрая сойка-вертуха, крича заполошно, вдруг стрелой сорвалась с дырявой мельничной крыши и скрылась в лесу. Жуга проводил её взглядом и нахмурился.

— Что-то не видал я тут птиц, — как бы про себя пробормотал он. — Сходить посмотреть, что ли?

— Да брось, чего там смотреть... — Олег лениво повернулся и вдруг вытаращил глаза. — Э, гляди-ка!

— Что? — Жуга вскинулся и завертел головой. — Где?

— Да эвон, в лопухах!

Широкая борозда, пробитая бочонком в лопуховой чаще, открыла взорам тёмные старые доски. Приятели засучили рукава, и минуты через полторы показалась неровная квадратная крышка-дверь. Петель не было. Поколебавшись мгновение, Жуга махнул рукою: «Открывай!»

Олег откинул крышку. Пахнуло холодом.

Некоторое время оба молчали, опасливо заглядывая в чёрную дыру. С краю был виден толстый пласт дернины. Прямо у ног брали начало и терялись в темноте рыхлые земляные ступени. Из провала тянуло сыростью и тленом.

Олег шмыгнул носом, покосился на Жугу.

— Погреб, наверное... или землянка. Войдём или как?

— Или как, — буркнул Жуга. Лицо его осталось серьёзным. Нашарив у себя в мешке серую восковую свечу, он разгрёб ещё тёплую золу утреннего костра, раздул огонёк, кивнул молча: «Пошли» — и первым направился вниз по ступеням, ладонью прикрыв от сквозняка робкое свечное пламя. Олег замешкался, подыскивая что-нибудь потяжелее. Взгляд его упал на посох. Олег поднял его, согнул для пробы — согдится ли? Обернулся. На миг почудилось, будто в кустах на той стороне опять мелькнуло белое, но, взглядевшись, он не заметил ничего, кроме желтизны осенних листьев. Он встряхнулся и двинулся следом, догоняя товарища.

Спуск оказался коротким, да и можно ли тут было глубоко копать — ведь ниже была вода. Даже сейчас под ногами противно чавкала грязь. Сырой бревенчатый потолок порос грибами и плесенью. Свет сюда почти

не проникал. Олег дважды треснулся головой, затем наконец догадался пригнуться и огляделся.

– Всё-таки погреб... – пробормотал он. – Эй, Жуга, ты где?

– Не ори – не в лесу, – послышалось справа. – Тут я, рядом.

Показался огонёк, высветив в темноте голову и плечи травника. Только сейчас Олег смекнул, что друга скрывала откиннутая крышка сундука, который притулился чуть поодаль. Задевая посохом за стены, Олег подошёл ближе и заглянул внутрь.

– Что тут?

– Подержи свечу, – сказал Жуга, отвёл рукой упавшую на глаза прядь волос и снова склонился над сундуком. Олег ругнулся втихомолку, когда горячий воск капнул на руку, и прислонил посох к стене.

Доски сундука прогнили почти насквозь, и лишь набитые поверху железные полосы не давали им рассыпаться. В таких сундуках старухи обычно хранят свои пожитки, а девушки – приданое. Этот почти до половины был забит слипшейся неоднородной рухлядью, весьма мерзкой на вид, да и на запах тоже.

– Гработы, кдиги, деревяшки какие-то... – гнусаво бубнил Олег, пальцами зажимая нос, пока Жуга ворошил истлевшие тряпки и листы пергамента. Потрескивал фитиль. Со дна сундука волнами поднимался тяжкий прелый дух. – Это, что ли, ты искал? – Он повернулся к выходу глотнуть свежего воздуха и осёкся на полуслове: синеватым призраком мерцая в темноте, в грудь ему смотрело лезвие меча.

В горле у Олега мгновенно пересохло. Медленно, очень медленно он поднял голову и встретился взглядом с глазами Геральта.

– Отойди, – хриплым голосом потребовал ведьмак.

Он стоял, слегка пригнувшись, у выхода из погреба, отрезая друзьям путь наверх. Олег покосился на свечу – может, загасить? – потом решил: нет, не поможет.

– Отойди, – повторил Геральт и повёл мечом.

– Ты это... – набравшись храбрости, нерешительно сказал Олег. – Ты что творишь? Мы с добром к тебе, а ты...

Жуга подошёл ближе.

– Может, лучше будет, если я... – начал было он.

– Нет, погоди! – Олег протестующе поднял руку. – Пускай сперва сам ответит. Ишь, меч нацепил и думает, что ему всё дозволено. Эх, говорил я, нельзя ему верить. Одно слово – ведьмак!

* * *

Сырая травянистая лужайка глушила шаги, и потому опасность все трое почували слишком поздно. Тень за спиной у ведьмака вдруг шевельнулась и двинулась вперёд – косматая, худая и до ужаса сутулая фигура

в сером проёме земляного коридора. В последний миг, почуяв неладное, Геральт успел обернуться, и удар получился скользким.

Затрепал, разрываясь, кожаный кафтан. Геральта отбросило к стене. Посыпалась земля. Ведьмак молниеносно вскинул руку, прикрывая голову, — блеснули серебряные бляшки на рукаве. В следующий миг его клинок описал дугу, и отрубленная когтистая лапа шлёпнулась в грязь.

Тварь взревела. В тесном подвале этот рёв мог свести с ума. Уцелевшая рука рванулась, корявыми пальцами нащупывая горло противника — смять, сокрушить, разодрать! Геральт ускользнул вправо, изогнулся и нырнул под занесённую лапищу. Меч взметнулся снизу вверх коротким быстрым колющим ударом и по рукоять вонзился чудовищу в грудь.

Ведьмак знал своё дело.

Рёв захлебнулся. Пронзённое тело рухнуло на колени и медленно завалилось на бок. Содрогнулось раз, другой и замерло неподвижно. Воцарилась тишина, лишь хлюпала, вытекая, невидимая в темноте кровь.

— К-к... кто это был? — Олег только сейчас понял, что всё ещё сжимает в руке горящую свечу. Всё произошло так быстро, что двое друзей не успели даже рта раскрыть.

Геральт отступил назад, провёл рукой вдоль шеи, щупая прореху. Молча поднял взгляд, и молчание это подействовало на двоих друзей сильнее любых слов.

— Всё вот думаю, — медленно сказал он, — понимаете вы сами или нет, куда вляпались. Как вас сюда занесло, зачем, я не знаю, но вот это... — Он ткнул мечом убитую нежить.

— До тебя всё спокойно было! — вскричал Олег. — И чудо это, не иначе, за тобою следом приплелось!

— Я слышал, — подал голос Жуга, — вы, ведуны, зарабатываете на жизнь, убивая всяких чудищ... Ты за ним сюда пришёл?

Ведун повернул голову.

— Может быть... А ты не такой дурак, каким кажешься, рыжий.

Олегу стало нехорошо от его взгляда: показалось на миг, что зрачки у пришельца — вертикальной щёлочкой, как у кошки. Вдобавок только теперь, в свете свечи, он понял, что волосы у Геральта светлые не сами по себе — то была седина.

— Мне заплатили, чтобы я убил вас, — холодно сказал он.

Шли минуты. Прямой, отточенный как бритва меч остался недвижим, и Жуга снова обрёл дар речи.

— Вот, значит, как... Скажи хоть — за что?

Геральт пожал плечами:

— За то, что лезете куда ни попадя. Не сами накуролесите, так старое зло разбудите. Готов спорить: один из вас балуется магией. А может, и оба. Так?

Ответа не последовало.

– Я так и знал, – медленно произнёс Геральт и поднял окровавленный клинок.

Олег бросил свечу и шарахнулся к стене. Огонёк погас. Под руку попался посох.

– Мне! – крикнул Жуга. – Дай мне!

– Держи!

Посох взвился в воздух.

В полумраке сверкнул меч – Геральт сделал выпад. Жуга еле увернулся и почувствовал, как сталь оцарапала рёбра. Левый бок пронзила боль, рубашка вдруг прилипла к телу. Меч вновь рассёк воздух, и Жуга вскинул посох, защищаясь.

В тесном погребе было не развернуться, и впервые в жизни большой рост и широкие плечи сослужили Олегу плохую службу. Он видел, как Геральт с лёгкостью отбил его и ударил опять, но ничем не мог помочь другу. И снова удар, и ещё, и ещё... Казалось, бесполезно драться, да и что посох против меча – никчёмная игрушка! Жуга даже и не надеялся одолеть противника, как вдруг меч расщепил конец посоха и там застрял, словно прирос. Ведун замешкался всего на миг, но этого хватило, чтобы Жуга оттеснил его в угол.

– Бежим! – крикнул он, бросая посох, и пока Геральт высвобождал своё оружие, друзья успели выбраться наверх. Олег заметался среди лопухов, разыскивая крышку погреба, но тут в дыре блеснул клинок ведуна, и оба, уже мало что соображая, бросились бежать в разные стороны.

Жуга мчался, не разбирая дороги, хватая ртом сырой холодный воздух и всё глубже уходя в чащобу. Мельница давно скрылась из виду, а он всё бежал и бежал, оставляя поверх палой листвы кровавый дробный след. Ноги слабели с каждым шагом. Заныло больное колено. Глаза всё чаще застилала чёрная пелена, и наконец настал миг, когда она опустилась совсем. Жуга упал и больше не поднялся.

* * *

Когда Геральт выбрался из подземелья, двоих друзей и след простыл. Он постоял минут-две, спустился обратно и вскоре оказался снова, за ноги волоча труп. Тщательно осмотрел его, перевернул на спину, приподнял пальцем веко – блеснул мутный жёлтый глаз. Выпрямился. Постоял в молчаливой задумчивости, затем вытащил огниво, запалил свечу и опять полез в погреб.

Когда ведьмак снова показался наверху, уже темнело.

– Каббала... – пробормотал он, спускаясь к воде. Присел, поглядел на своё отражение. – Так я и предполагал. Однако этот гад чуть всё не испортил.

Он отстегнул ножны, несколько раз воткнул меч в землю, счищая с клинка бурую запёкшуюся кровь, и отложил его в сторону. Тщатель-

но вымыл руки, шею и лицо. Расшнуровал и стянул через голову кафтан, поморщился, когда грубая кожа оцарапала края раны. Неслышно ступая, из конюшни вышла лошадь и подошла ближе. Остановилась. Вид распостёртого окровавленного тела, похоже, нисколько её не беспокоил.

— Да, Плотвичка, — сказал ведьмак, расстёгивая седельную сумку и доставая маленький глиняный горшочек. — Ты, как всегда, права. Заклятия, наговоры... Всё начинается с малого. Как думаешь, стоило всё дело этой маленькой царапины?

Лошадь не ответила. Ведьмак некоторое время тоже молчал, смазывая края раны густым чёрным бальзамом, как мог, наложил повязку, после чего вытащил из сумки и надел чистую рубашку. Старую выбросил.

Спасаясь, Олег и Жуга и думать забыли о своих пожитках. Обшарив мельницу, ведьмак выволок наружу две потрёпанные котомки и высыпал на землю содержимое. Некоторое время перебирал разные свёртки и пучки трав, то кивая одобрительно, то скептически усмехаясь. Вынул и подбросил на ладони небольшой браслет с камнем и девятью фигурными подвесками. Металл был тусклый, отливал зеленью, следов на коже не оставлял. Тёмный плоский камень, казалось, светился изнутри. Геральт нахмурился. Некоторое время молча рассматривал находку, беспокойно потирая небритый подбородок, затем сложил травы обратно в мешок и завязал горловину. Браслет переключал в сумку ведуна.

— А знаешь, Плотва, — задумчиво проговорил Геральт, зашнуровывая кафтан, — мальчишки оказались не так уж и просты. Особенно рыжий. — Он поглядел в сторону леса. — Н-да... Что ж, надеюсь, в этот раз получится.

Последним жестом спрятав за пазуху медальон с волчьим профилем, он поднял меч, повесил его за спину и повернулся к лошади.

— Идём.

* * *

Шарахаясь от каждой тени, Олег метался и кружил по лесу без малого час и, как любой городской житель, вскоре потерял всяческое направление. Гонимый страхом, он то бежал, то пытался затаиться, то снова бежал (желания эти по очереди одолевали друг друга), и конца этому, похоже, не предвиделось. Тонкие деревья, попавши под ногу, ломались с громким треском, от которого у Олега сжималось сердце, — оглядываясь, он всякий раз ожидал увидеть за спиной чуть ли не просеку. Наконец силы его иссякли, и он ничком рухнул в траву, пыхтя и отдуваясь. Перевернулся на спину. Прислушался. Погони вроде не было. Еле видимые в сумерках, зудели поздние комары. Олег повернул голову и разглядел в просвете меж деревьев бурые мшистые кочки — в угаре поспешного бегства ноги принесли его на болото. Он поднял взгляд — на небе уже высыпали первые звёзды.

Всю ночь болотные жители с удивлением наблюдали, как Олег шатался окрест, пытаясь найти укромное место, хоронился в куче сухих листьев, забирался в дупла, но всякий раз вылезал наружу отогреться. Захотелось есть. В кармане отыскался кусок сухаря чуть побольше тех, что кладут в мышеловки, — еда всё ж таки. Под руку подвернулись два-три гриба. Олег сорвал их, съесть так и не отважился, но и выбросить рука не поднялась — сунул за пазуху.

Еловые шишки уродились слишком чёрствыми.

К утру на землю лёг иней, и Олегу стало казаться, что ведьмак, у которого был всего лишь меч, не так уж и страшен. «И впрямь, — думал он, — стыдно сказать: здоровый парень, кровь с молоком, потомок викингов, и на тебе — испугался какой-то нечисти...»

Он выбрал лесину поухватистее и отправился в обратный путь.

* * *

Лисица. Стремительная рыжая бестия — острая мордочка, гибкое тело, длинный пушистый хвост. И без того яркие осенние кусты, казалось, полыхнули огнём при её появлении, столь неожиданном, что Олег с перепугу чуть было снова не задал стрекача. Лиса не двигалась. Раскосые голубые глаза смотрели спокойно и внимательно, безо всякого страха.

— Фу ты, пропасть, — пробормотал Олег, утирая потный лоб. — Всего лишь лиса...

Близился полдень. В поисках обратной дороги Олег исходил лес вдоль и поперёк, чуть не увяз в болоте, но всё без толку. Он уже отчаялся, да набрёл на ручей и теперь никак не мог решить, куда идти — вверх по течению или вниз, сидел, бросал в воду щепки, а тут ещё лиса.

Он поднял взгляд. Лиса не уходила.

— Ну, это... чего смотришь-то?

Та зевнула, крючком выгибая язык. Укусила блоху. Встала, прошлась туда-сюда и снова уселась, обернув лапы пушистым хвостом. Посмотрела на Олега.

Сколько они так играли в гляделки, Олег не взялся бы вспомнить, только он сдался и встал первым.

Поднялась и лиса.

Олег сел, слегка озадаченный.

Лиса обернулась. Махнула хвостом и двинулась в лес. Остановилась, обернулась ещё раз.

По спине у Олега забегали мурашки.

— Ах, чтоб тебя... — пробормотал он.

Лиса ждала, и Олег, не видя иного выхода, двинулся за нею следом.

Завечерело. Непрошенная рыжая попутчица бежала быстро, поспеть за нею на своих двоих было нелегко. Олег то и дело отставал, упуская её из виду, но та всякий раз возвращалась. Похоже было, что бежит лисица

напрямик — ручей петлял, то пропадая в чаще, то снова вытекая будто ниоткуда. Встретилась вырубка — пеньки, щепки. Вдруг впереди замаячил просвет. Лиса нырнула в плотные заросли кустов, Олег продрался следом, и тут спешка сыграла с ним злую шутку: не удержавшись на крутом склоне, он поскользнулся и кубарем покатился вниз.

Все бы ничего, но внизу была вода.

Много воды.

Очень много воды.

Он бухнулся в пруд со всего размаху и суматошно забарахтался. Дно ушло из-под ног, и Олег презрительно струхнул — и было от чего! — «потомок викингов» совершенно не умел плавать. Фыркая и пуская пузыри, Олег с грехом пополам по-собачьи доплюхал до берега, но глинистый откос был скользок и так крут, что лезть по нему вверх оказалось делом безнадёжным. Зацепки не было. Олег заметался в панике, теряя надежду, как вдруг больно стукнулся обо что-то твёрдое, круглое и плавучее и вцепился в свою находку что было сил. Отдышался и лишь потом осторожно глянул, что послал ему счастливый случай.

Это был бочонок. Брошенный давеча в мельничный пруд Олегом, он попал в жёлоб, оттуда в ручей и так плавал в низовом озерце, пока не подвернулся под руку. Всё произошло так неожиданно, а закончилось так хорошо, что напряжение двух безумных дней выплеснулось в шумной истерике: Олег не выдержал и рассмеялся. Не в силах остановиться, он хохотал минут, наверное, пять, пока вдруг из воды не вынырнула с шумом и плеском чёрная мохнатая голова. Олег ахнул, захлебнулся и умолк.

Большущий бобр проплыл туда-сюда перед самым Олеговым носом. Фыркнул, глядя искоса. Нырнул, шлёпнул по воде широким плоским хвостом — словно лопатой жажнули — и через миг показался снова во всей своей красе. Взгляд его чёрных глаз — умный, насмешливый — напомнил давешнюю лису, и Олегу опять стало не по себе. Зверь замер, словно раздумывая, мол, не помочь ли дураку, затем развернулся и поплыл прочь от берега, то и дело оглядываясь. Олег заколебался, но уж солнце садилось, да и вода была холодна; он покрепче ухватился за бочонок и медленно двинулся за бобром, шумно бултыхая ногами. Олег понятия не имел, куда они плывут. Впереди то и дело мелькал чешуйчатый хвост. Олег подивился мимоходом: зверь, а вот поди ж ты — чешуя... Помнится, именно поэтому один охотник, подвыпив, спорил до хрипоты — доказывал, что бобр, мол, вовсе и не зверь, а просто лохматая рыба. И ведь доказал, шельмец! Сам Олег о бобрах знал мало, почти что ничего. Впрочем, однажды ему довелось отведать жареного бобриного хвоста в сметане, о чём у Олега сохранились самые приятные воспоминания.

Показалась плотина. Бобр покрутился возле, поджидая человека, и вдруг нырнул. Олег замер, огляделся ошарашенно по сторонам. Быстро темнело. Искать другой выход было, пожалуй, поздно.

Он набрал побольше воздуха и выпустил бочонок из рук.

* * *

Жуга очнулся в темноте. Впрочем, нет — то была не совсем темнота: непонятно откуда сочился тусклый зеленоватый свет.

Пахло водой.

Пахло прелым деревом.

Двигаться не хотелось.

Некоторое время Жуга лежал в зыбкой тишине, заново привыкая к собственному телу. Было прохладно. Его всегдашний овчинный кожаный остался на мельнице, а сейчас и рубаха исчезла. Боли не было, лишь ныл противно левый бок, задетый мечом ведуна. Что-то плотное стягивало грудь. Жуга пощупал — перевязка. Выдернул клочок мякоти, размял на пальцах. Поднёс к лицу — комок был сухой, волокнистый. «Мох, наверное, болотный», — догадался травник.

— Не... надо... — тихо сказали рядом.

Жуга вздрогнул и повернулся на голос.

Девушка.

Маленькая, щуплая. Руки тонкие, в ссадинах и царапинах. Курносый нос, раскосые глаза, длинные чёрные волосы. Прав был Олег — совсем ещё девчонка.

— Не надо... трогать... — еле слышно повторила она, медленно, с трудом выговаривая слова.

Жуга попытался улыбнуться, запёкшиеся губы еле разлепились.

— Ты кто? — спросил он. — Как тебя звать?

Та не ответила, лишь посмотрела непонятливо. Жуга задумался на секунду, затем его осенило. Он похлопал себя по груди:

— Жуга.

Девчущка торопливо закивала.

— Жу-га... — повторила она.

— Это ты меня отыскала?

— Ила, — вместо ответа сказала та и указала на себя. Улыбнулась. Мелькнула дыра на месте переднего зуба. — Ты был... там...

— В лесу?

Та кивнула.

— Ты живёшь тут?

Снова кивок.

Жуга приподнялся и сел. Огляделся по сторонам.

На небольшом возвышении, собранные в горку, зеленовато мерцали гнилушки. Света было мало, но вполне достаточно, чтобы разглядеть низкое круглое помещение с маленьким озерком посередине и неровным купольным сводом. Ила... Странное прозвище, как ни крути. Жуга вдруг почувствовал, что настоящее её имя гораздо длиннее, но угадать его с обычной своей уверенностью, пожалуй, сейчас бы не смог. Он снова посмотрел на девушку и задумался.

Кто она?

— Дай руку, — попросил он.

Та опять не поняла. Жуга взял её ладонь в свою, перебрал по одному все пять пальцев. Рука как рука. Коснулся кожи у девушки за ухом, провёл рукою вдоль шеи: ни жабр, ни щелей, ни вообще каких-либо складок. Ила не шелохнулась — осталась сидеть, как сидела, глядя доверчиво. Глаза у неё были большие, серые до белизны, словно треснувший, в разводах, мрамор. Жуга неожиданно поймал себя на мысли, что она далеко не дурнушка. Из одежды на ней была лишь белая рубашка чуть ниже колен — кто знает, где, когда и на какой верёвке сушилась она после стирки, прежде чем попала к этой лесной девчонке. Впрочем, если не считать худобы, царапин и неразговорчивости, Ила была самая обыкновенная девушка — не русалка и не анчутка. Так с чего бы ей жить в лесу?

Жуга уже раскрыл было рот, чтобы спросить, но тут тёмное неподвижное зеркало воды вдруг раскололось с громким всплеском, и на поверхности, фыркая и отдуваясь, возникла ушастая Олегова голова.

— Вот чёрт... — пробормотал он, ошарашенно вращая глазами. — Эй, кто тут? — Олег прищурился. — Ничего не разберу... Жуга, ты, что ли?! Ты чё тут делаешь?

Ругаясь в мат, стуча зубами и трясясь, он вылез целиком, мокрый и продрогший, и принялся было стаскивать рубашку, как вдруг заметил, что приятель не один — Ила при появлении незнакомца проворно спряталась Жуге за спину, откуда и выглядывала теперь испуганным зверьком.

— Это Олег, — успокоил её Жуга. — Не бойся.

— Ничего не понимаю. — Олег без сил опустился на пол. — Это где мы? Это что за девка? — Он посмотрел на Жугу, на девчонку, затем снова на Жугу и вздохнул.

— Есть чё-нибудь поесть, а? — жалобно спросил вдруг он, и вид у него при этом был такой несчастный, что Жуга не выдержал и рассмеялся.

* * *

Заброшенная бобровая хатка, послужившая им убежищем, сооружена была недалеко от берега, у самого края большой плотины. Внутри вели два хода; первый был затоплен — обычное дело у бобров, которые сперва роют нору и только потом запруживают речку, а второй, обычный, похоже, Ила прокопала сама. Воздух здесь всегда был свежим — под потолком обнаружилась отдушина, а для обогрева вполне хватало тепла трёх человеческих тел. Прежние хозяева давно переехали в более просторное жилище. Друзей никто не беспокоил, лишь приплыла пару раз дородная пожилая бобриха (та самая, что указала Олегу путь сюда), посмотрела, всё ли в порядке, и отбыла восвояси.

Прошло два дня. На мельницу у них так и не хватило духу заглянуть, да и Жуге нездоровилось — несмотря на перевязку, рана воспалилась, началась лихорадка. Снаружи он почти не бывал, всё больше лежал в раздумьях.

Ила же, напротив, часто уходила в лес. Приносила ягоды, грибы, клюкву с болот. Иногда — рыбу. Где она её ловила и, главное, как, двум друзьям узнать так и не удалось. Жуга во время своих коротких вылазок собирал у озера травы, мох, сдирал кору, готовил настои, нередко даже горячие, и тут у Олега вовсе ум за разум заходил: огня они не разводили. Он догадывался, что без колдовства не обошлось, но распознать его не смог — учился он магии, да так недоучкой и остался.

Олег рассказал другу, как нашёл его в этом убежище, ведомый сперва лисой, а после бобрихой, но тот лишь пожал плечами и объяснить ничего не смог.

— Я и сам не помню, как тут очутился, — хмуро сказал он.

От Илы об этом тоже ничего узнать не удалось — она почти не говорила, лишь смотрела с грустью, если её спрашивали, и только раз, когда разговор зашёл о мельнице, вдруг заволновалась.

— Что случилось? — Жуга приподнялся на локтях. — Тебе страшно? Чего ты испугалась?

Та покачала головой.

— Он... там... — Она сделала непонятный жест рукой.

— Геральт? — спросил Олег, — или... тот, второй?

— Нет... нет... — Палец её снова очертил окружность. — Там... давно-давно... Он там... один...

— Где «там»? На мельнице?

— Да.

Снова круг, и ещё, и ещё...

— Колесо! — встрепенулся вдруг Жуга. — Это она про колесо! Так, да?

— Да, — кивнула та. — Да! Да!

— Колесо? Какое колесо? — не понял Олег. — А-а... А при чём тут колесо?

— Помолчи, не мешай, — отмахнулся Жуга.

Ещё примерно с час он пытался выведать у девушки ещё что-нибудь — что там за дела с колесом и кого порубил ведьмак, но всё было без толку: то ли слов у лесовинки не хватало, то ли травник недопонимал. На том и кончилось. Время было позднее, и обитатели заброшенной хатки расположились ко сну. По молчаливому уговору два друга спали по одну сторону озера, Ила — по другую.

Прошёл час, но Жуга не мог заснуть. Мысли крутились в голове, беспокойные, тревожные. Он чувствовал, что не хватает некоей малости, чтобы найти ключ к тайне старой мельницы. А в том, что тайна эта существует, Жуга уже не сомневался. Взгляд его упал на девушку. М-да... Ещё одна загадка... И зачем, кстати говоря, пришёл на мельницу ведьмак? Хотя если поразмыслить...

Рана заныла. Жуга заёрзал, перевернулся на другой бок и вдруг замер, ошеломлённый внезапной догадкой. Он сел, отбросил тонкую травяную плетёнку, которой был укрыт, подобрался на четвереньках к выходу, да остановился — холодный воздух снаружи мог разбудить спящих. Жуга придвинулся к озерку, помедлил в нерешительности, оглянулся и бесшумно скользнул в тёмную воду.

* * *

Ночной лес замер, холоден и тих. В этой поздней осенней тишине, в чёрной паутине нагих ветвей, в хрупкой, инеем покрытой траве таилась недвижная, затаённая красота лесного предзимья; она завораживала, щемила душу в непонятной тоске по уходящему летнему теплу, и не было от неё спасения.

Была луна. Жуга шёл быстро и вскоре согрелся, одежда на нём высохла, и лишь повязку пришлось снять — сваялась липким жгутом. Он поднялся вдоль ручья, перебрался через овраг и уже отсюда ясно расслышал мерный рокот мельничного колеса, а вскоре показалась и сама мельница. Он помедлил в отдалении, обошёл её кругом. Ведьмака нигде не было. Жуга задержался на миг у прикрытого крышкой старого погребца, спустился к воде и остановился у плотины, дыша тяжело и прерывисто. Накатила слабость — аукнулась потеря крови. В висках стучало. От долгой ходьбы разболелась нога, да и рана в боку тоже напомнила о себе.

Прямо перед ним было колесо — крутилось, скрипя и постукивая. Брызги воды летели, озарённые серебристым лунным светом, и там, над самой плотинкой, ведьминым коромыслом висела не многоцветная, но белёсая как молоко, лунная радуга.

Жуга заколебался: знать бы наверняка, в чём тут дело!

Стук расшатаанных ступиц, резкий, назойливый, не давал как следует сосредоточиться, отзывался в голове гулким эхом, задавая странный, отчётливый *ритм*: «Та-та-та, та-та... та-та-та, та-та...» Жуга неожиданно понял, что повторяет его про себя, и содрогнулся.

Он не знал, что сказать. Любой заранее продуманный наговор мог в одинаковой степени как помочь, так и навредить. Нужны были слова. Много слов.

«Та-та-та, та-та... та-та-та, та-та...»

Ритм повторялся, раскатываясь дробно, гасил мысли. Он был главной частью старого колдовства, он был врагом, и его во что бы то ни стало надо было сломать. Жуга вдруг ощутил странное спокойствие и по интуиции понял: решение верное.

«Колесо, колесо... Ко-ле-со, та-та... ко-ле-со, та-та...»

Жуга закрыл глаза, вздохнул и поднял руки.

Первые строчки наговора сложились как бы сами, дальше пришлось соображать прямо на ходу: останавливаться было нельзя.

Колесо — вперёд, колесо — назад.
Знает скрип сердец правды стороны
 Каменей, плечо, раздавить яйцо,
 Дорогим питьём дни столованы.
 Не поймать в галоп уздечку,
 Не вернуть к истокам речку,
 Не связать, не сломать —
 Режьте сухожилия.
 Стеблем пыхнет свеча,
 Зараз степь отвечай:
 Как ходил,
 Как искал,
 Что нашёл...

Теперь он открыл глаза, теперь ничего не могло ему помешать. Слова текли легко и свободно, как нижутся бусины на нитку. В них не было особого смысла, хотя каждое — и Жуга это чувствовал — было на своём, истинном месте, менять уже поздно. Размер скользил, скакал неровной лесенкой; меняясь через каждые несколько строф и в конце сходя на нет, куда-то пропадали смысл и рифма, прекращалось движение, и скрипучее мельничное колесо вдруг стало сбиваться, вращаясь неровными рывками; и вот уже не колесо задавало темп человеку, а наоборот: человек — колесу. С последней строчкой многолетний разгон вновь напомнил о себе, и Жуга вернулся к прежнему ритму:

*Обещай опять перья ощипать,
 Только вижу я — мы не встретимся.
 Ждут узлы ремней, и укором мне,
 Где стучится кровь, сохнет метина.
 И торопит буйный разум
 Вспомнить сумрачное разом,
 Вспомнить запах травы,
 Обернуться к ясному
 И излому луча
 Без затей прокричать,
 Как ходил,
 Как искал,
 Что нашёл!¹*

Жуга опустил руки и смолк.
 Призрачная радуга исчезла.
 Колесо остановилось.

* * *

Сперва не произошло ничего, лишь капала вода с мокрых плещ. Затем в ночной тиши вдруг послышался долгий, протяжный вздох. Жуга поднял взгляд.

¹ Стихи Дмитрия Ревякина из песни «Колесо».

Стоящий перед ним был невысок и коренаст. Он походил на человека — руки, ноги, голова, всё было на месте, и лишь короткая светлая шерсть, что покрывала его с ног до головы, не давала обмануться. Большие жёлтые глаза смотрели прямо, не мигая, и была в них долгая, почти бесконечная усталость.

Послышался шорох. Жуга оглянулся и еле успел увернуться: Ила, бояся, в мокрой, облепившей тело рубашке, стремглав пробежала мимо, замерла на мгновение и бросилась мохнатому на шею. Тот улыбнулся тихо, грустно, погладил её по мокрым чёрным волосам и вздохнул. Ладонь у него была широкая, плоская, как лопата.

Наверху показался Олег. Покрутил головой и, завидев Жугу, торопливо стал спускаться. Был он тоже промокший до нитки и всё никак не мог отдышаться — видно, бежал всю дорогу.

— Ты чего ушёл и нам ничего не сказал? — пропыхтел он. — Девка переполошилась вся, меня растолкала, сказать ничего не может, только твердит: «Жуга, Жуга», руками машет, а потом наружу как выскочит — и бежать! Ну я... Ой... — Олег осёкся на полуслове, завидев незнакомца, присмотрелся и ахнул:

— Водяник!

Некоторое время они молчали.

— Так это он был в колесе? — шёпотом спросил Олег. — Кто он ей?

Жуга пожал плечами, покачал головою устало:

— Не знаю.

— Когда-то он заменил ей отца, — громко сказали у них за спиной.

Друзья вздрогнули и обернулись.

Геральт.

Сутулая, затянутая в чёрное фигура возникла на берегу словно ниоткуда. Олегу вспомнилась их первая встреча — точно так же ведун стоял тогда и молчал, разглядывая их обоих, невысокий, сухопарый, седой как лунь; за спиной — всегдашний меч. И лошадь наверняка рядом околачивается.

Совершенно неожиданно для себя Олег разозлился. Сейчас он готов был драться с ним голыми руками, и чихать он хотел на его меч.

— Что ж ты встал? Делай своё дело, проклятый ведьмак!

Тот покачал головой:

— Я не за вами.

— Не за нами? — Олег оглянулся на девушку. — Ах вот оно что... Ила. Нас не дорезал, так на ней отыграться решил? Оставь девку в покое!

— Ила? — Геральт поднял бровь.

Олег набычился.

— Ну да. Так её зовут, понял?

— Её зовут Мария, — вмешался неожиданно Жуга. — И вообще, помолчал бы ты лучше, пока всё не испортил. — Он повернулся к Геральту. — Что скажешь, ведун?

Геральт кивнул:

— Эльза-Мария фон Ротенвальд, старшая дочь и единственная наследница графа Вильгельма фон Ротенвальда. Девять лет назад она пропала в лесу, совсем ещё девчонкой. Все решили, что она умерла, но...

— Тебя нанял её отец?

— Да.

— Понятно. — Жуга потёр подбородок и тоже умолк.

Ила обернулась.

— Спа... спасибо... — проговорила она и улыбнулась. В глазах её были слёзы. — Спасибо...

— Девять лет... — задумчиво проговорил Жуга. — Она, должно быть, совсем отвыкла от людей. Лес — её дом.

— Она — человек, — сказал Геральт, подойдя ближе. — И место ей среди людей. Все эти годы отец верил, что она жива, и искал её.

— А ты кто такой, чтобы решать её судьбу? — возразил Жуга. — Все эти годы водяной растил её, заботился о ней. Спроси у него, надо ли ей уходить.

Заслышав, что разговор зашёл о нём, старик-водяной поднял голову. Густые светлые усы раздвинулись, в бороде проглянула улыбка. Он кивнул и выдохнул тихо:

— Да...

До Олега наконец дошло, что сегодня, видно, убивать не будут, но понять, что происходит, он всё ещё не мог.

— Эльза-Мария... — пробормотал он, растерянно глядя то на водяного, то на Геральта с Жугой. — Ничего не понимаю... Вы что, сговорились, что ли?

Шли минуты, и вдруг ночной лес осветился трепещущим заревом. Олег обернулся и ахнул: мельница горела. В узком оконце жаркими багровыми язычками плясало пламя. Крыша уже занялась: ещё миг — и щепка на ней запылала, шипя и потрескивая.

— Матушки мои! — Олег схватился за голову и суматошно забегал вокруг. — Мельница! Моя мельница горит!

— Это я поджжг, — спокойно произнёс Геральт.

Олег вытаращил глаза:

— Ты?! Зачем?!

Геральт пожал плечами.

— ЗАЧЕМ, я тебя спрашиваю?!

— Так надо.

— Надо?! — взвыл Олег и подпрыгнул в бессилии. — Чтоб ты сдох, проклятый ведьмак! Красного петуха! Мне! У, сволочь! Не зря вас все ненавидят! Да что же это такое делается...

Жуга поднял голову и с минуту глядел на пожар. Повернулся к Олегу.

— Пускай горит, — сказал он. — За эти годы стены так напитались злом, что и огонь всё не вытравит... Пускай горит.

Мельница к тому времени уже пылала целиком, словно большой смолистый факел. Даже не по себе становилось от того, как ярко горели отсыревшие брёвна. Олег глянул на неё и сник. Шмыгнул носом, глянул на Илу, на Геральта и опустил на траву, обхватив голову руками. По его небритым щекам текли слёзы.

— Легко тебе говорить... — сдавленно сказал он. — А я... А мне... Эх! И откуда ты только свалился на мою голову? Откуда вы все свалились на мою голову? Эх вы-и...

* * *

Ломая над лужами тонкий лёд нового дня, по стылой осенней дороге шли трое. Два путника — рыжий и белокурый, шли бок о бок, третий — широкоплечий черноволосый детина — держался позади, ведя в поводу гнедую осёдланную лошадь. В седле под одеялами угадывалась хрупкая девичья фигурка.

Слышался разговор.

— ...на развилке надо на север сворачивать, — неспешно пояснял Геральт, указуя рукою, — и добираться лучше окольной дорогой. Я через старый кромлех¹ ехал, но вам туда лучше не соваться.

— Это где камни кругами стоят? — любопытствовал Олег.

— Да, — ответил вместо Геральта Жуга. — Я знаю.

— Слышь, Геральт, — спросил вдруг Олег. — А тот, который приходил тогда... ну, кого ты зарубил... где он?

— Сгорел. Я сжёл тело вместе с мельницей.

— Кто это был? Троль?

— Троль? — переспросил Геральт и поднял бровь. — Ты бы ещё сказал — кобольд.

— А что я такого сказал?

— Это был Моргун.

— Мельник?! — Олег остановился и посмотрел недоверчиво на Жугу. Тот кивнул, подтверждая. — Ничего себе... Да видано ли, чтоб человек превратился в такое страшилище? С чего вдруг?

— Колдовство всегда отражается, — пояснил Геральт. — Кому-то заклятия уродуют душу, кому-то — тело. А некоторым — и то и другое... Кстати. — Он полез вдруг в карман и вынул браслет с камнем. Подбросил на ладони, протянул Жуге. — Твоё?

— Моё, — облегчённо вздохнул тот. — Значит, это ты взял. А я уж думал, потерял его.

— Его просто так не потеряешь. На, возьми.

¹ Кромлех — языческое сооружение из вкопанных в землю камней в Британии и Северной Европе. Назначение их неизвестно. Наиболее известным кромлехом является Стоунхендж (*кельт.*).

Жуга на ходу сунул браслет в котомку, забросил её за плечи и некоторое время шагал молча, раздумывая. Посмотрел искоса на ведьмака.

— Геральт...

— Что?

— Этот браслет и камень... Что они такое?

— А ты не знаешь?

— Нет.

Ведун усмехнулся, затем его лицо вдруг посерьёзнело.

— Ты плохо различаешь цвета? — спросил он.

— Да... а откуда ты знаешь?

— Ты сам сказал, что видишь в темноте, а это связано. М-да. Значит, этих сполохов на камне ты не видишь.

— Вижу, но... А... Кажется, я понимаю.

— Думаю, со временем ты сам во всём разберёшься.

Некоторое время они шли молча.

— А обо мне ты что-нибудь можешь сказать? — снова спросил Жуга.

Геральт покачал головой:

— Так, сразу — нет.

— Совсем-совсем ничего?

Тот задумался. Жуга терпеливо ждал.

— Не вся кровь в тебе человечья, — наконец сказал ведун. — Это всё, что я знаю про тебя наверняка.

Версты три ведьмак молчал, время от времени хмурясь и качая головой, будто отгонял назойливую мысль.

— Почему ты решился вернуться к мельнице? — спросил вдруг он.

Жуга пожал плечами:

— Толком не знаю. Мне просто пришло вдруг в голову. Ты сказал, что хочешь нас убить...

— И?..

— И — не убил. Хотя мог запросто. Дал нам сбежать вместо этого.

Олег слушал в оба уха, забывая глядеть под ноги.

— Сам ты подойти к девчонке, видно, не сумел, — продолжал между тем Жуга. — Тебе нужен был кто-то... Ну, как бы это сказать... робкого десятка, что ли. Чтоб побежали без оглядки. А колесо — я с самого начала понял: неладное там. Неспроста же мельник без помощников работал. Уж каким макарон он туда смог водяного загнать, ума не приложу... И главное — зачем? Золота, что ли, требовал или на дочь его глаз положил...

— Всё может быть. — Геральт покачал головой. — Да... Про колесо я не подумал. Руки не дошли. Надо было им заняться, да Моргун этот не вовремя подвернулся.

Дорога сделала поворот, и все трое вышли к развилке. Геральт остановился, поправил меч за спиной.

— Мне туда. — Он указал налево.

— Не по пути, — покачал головой Жуга. Олег кивнул, соглашаясь: и Марген, и другие знакомые земли Семигородья лежали по правую руку от них.

Геральт помолчал. Поднял взгляд на Жугу.

— Если хочешь, — сказал он, — идём со мной. Граф обещал награду — две тысячи серебром. Половина по праву твоя.

Жуга не ответил. Повёл плечом — тугая повязка, пропитанная чёрным бальзамом ведуна, неприятно холодила кожу, но боль уже не так досаждала, рана помаленьку затягивалась.

— Хорошее снадобье, — как бы между делом сказал он. — Поделись, подскажи, как такое сделать.

— Права не имею — цеховая тайна. Да и трав тебе таких не отыскать. Так ты идёшь или нет?

Жуга покачал головой:

— Нет. Разные у нас дороги, да и не заслужил я денег этих. К тому же и не дадут их мне, дураку деревенскому. Да и куда мне такую прорву деньжищ — тысячу серебром?

— С ума сошёл! — поперхнулся Олег. — Куда девать? Да ты что! У кого деньги, тот и пан. Соглашайся!

— Не лезь, — хмуро оборвал его Геральт. Подумал, вытащил из-за пазухи кошель и протянул его Жуге. — На, возьми. Бери, бери, это честные деньги. Ну, теперь мы, кажется, в расчёте. — Он посмотрел на девушку. Ила с любопытством выглядывала из вороха одеял. — Может, попрощаться хочешь?

Жуга помедлил, прежде чем дать ответ.

— Нет.

— Как знаешь. Она тебе многим обязана. С колесом у тебя хорошо получилось, но впредь будь осторожен со своими наговорами. Иначе...

— Иначе — что?

Геральт принял у Олега из рук поводья.

— Иначе какой-нибудь другой ведьмак придёт за тобой.

— Злой ты, Геральт, — вставил вдруг Олег. — Пришёл бы по-людски, разъяснил, что к чему, так нет — сразу с мечом. И вообще тебе на людей плевать. Вот за это вас, ведьмаков, и не жалуется никто.

Ведьмак пожал плечами.

— Я не умею быть злым, — просто сказал он, — и не хочу быть добрым. А что касается людей... вспомни лучше Моргуна. Прощайте.

И он двинулся в путь. Из одеял показалась рука, помахала на прощание. Жуга улыбнулся, помахал в ответ.

Олег вздохнул и помотал головой.

— Жалко, — сказал он.

— Чего жалко?

— Девку жалко. И мельницу тоже жалко...

— Брось, — отмахнулся Жуга. — Всё одно ничего путного из этого не вышло бы. Радуйся, что цел остался.

— Может, и так. — Олег поскрёб в затылке. — Знаешь что? Не по мне все эти колдовские штучки. Я в жизни ничего не боялся, а когда этот на нас с мечом попёр, прямо душа ушла в пятки... А ловко ты меч его посохом! Он что, у тебя заговорённый, что ли?

— А? — Жуга поднял взгляд и покосился на расщеплённую макушку посоха. — Нет, что ты. Вяз это, обыкновенный вяз. Повезло просто. Да и Геральт убивать нас не хотел, так, баловал.

— Знаешь, — задумчиво сказал Олег, — не хотел бы я стать таким, как этот Геральт.

— Кто знает, может, он тоже по-своему прав. Ты куда сейчас?

— В город подамся. Хватит с меня этих лесов: холода идут. Айда со мной. Работу подыщем, а там видно будет.

Жуга помотал головой.

— Нет. Был я тут недавно в городе одном. Что-то нет больше охоты. — Он подбросил на ладони приятно увесистый кошель, развязал, заглянул внутрь. — Серебро. Давай пополам.

Олег замялся.

— Ну, ты это... зачем...

— Да ладно, чего уж.

Олег подставил ладонь, неловко сунул деньги за пазуху.

— Ну так я пойду?

— Счастливо, — кивнул Жуга.

— Что ж, прощай. Заходи как-нибудь, если что — помогу чем смогу.

— Прощай.

Олег потоптался, пожал протянутую руку и зашагал к Маргену, вскоре скрывшись за поворотом.

Жуга остался один.

Он долго стоял посреди дороги, глядя вдаль перед собой. Из памяти не шёл ранимый, до боли открытый взгляд серых девичьих глаз. Эльза-Мария...

«Ила» звучало лучше.

Жуга невесело усмехнулся своим мыслям и вдруг нахмурился: впервые в жизни он не мог распознать, какое из двух имён настоящее.

Что-то холодное вдруг коснулось лица, кольнуло и слезой сбежало по щеке.

Жуга поднял голову.

Падал снег.

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

4

«*А*х-р! Ведьмак! Я думал, их уж не осталось. Он что, правда ехал через Каменный Круг?»
— Откуда мне знать?

«Тогда тебе повезло. Тебе и твоему приятелю не стоило туда ходить — та мельница давно мертва. Мельники частенько повреждаются в уме — уж слишком много мыслей в голову приходит, когда крутится колесо и мелется мука. А если человек ещё при этом и один... — Медведь поднял взгляд на травника. — А ты правда не различаешь цвета?»

— Только красное и зелёное.

«Этот браслет... Ты почти не говорил о нём. Покажи».

Жуга поднял руку.

— Я как раз собирался рассказать... Нет, извини, снимать не буду. Если хочешь, подойди поближе.

Маленькие глазки зверя холодно блеснули. Жуге на миг почудилась скользнувшая в жёлтой глубине тень испуга.

«Ладно. Опустит. Мне понятно уже сейчас».

— Вот как? И что тебе понятно?

«Вначале были смерть и колдовство. Потом ты встретился с детьми и существами ночи. А после — с девушкой и с тем, кто эти существа уничтожает. Убивает нечисть».

— Я всё равно не понимаю, кто прав, кто виноват и почему вражда. А что до нечисти... Всё, что называют нечистью, порою меркнет перед тем, что таится в глубине людской души. Хотя там есть и свет.

«Не бывает света без теней. Хоть это ты тогда уже понял?»

Травник медленно кивнул:

— Это — понял.

ТЕНЬ

— Можно ли о чём-то жалеть, когда приходит зима?

— Что?

— Я говорю: как можно о чём-то жалеть, когда приходит зима? Оглянись: весь мусор, канавы, сучья и буераки, все застарелые раны земли укрыты этой белой непорочной пеленой.

— Ну, не знаю... Слишком уж похоже на смерть.

— Ну и что, что похоже! Разве это важно? Мы все когда-нибудь умрём и все когда-нибудь воскреснем. Лучше представь, как по весне всё расцветёт. Это ли не счастье — жить и видеть год за годом подобное чудо? Чёрт... зуб болит...

— Потерпи до вечера, разведём костёр, я настой приготовлю.

— А поможет?

— Отчего нет? Дело нехитрое. Это он у тебя от холода ноет.

— Да, жаль, что сейчас не лето.

— Как можно о чём-то жалеть, когда приходит зима?

Собственные слова, вернувшись тенью дружеской усмешки, произвели на путника странное впечатление: остановившись, он глянул озадаченно и вдруг... расхохотался. Он смеялся так звонко, легко и заразительно, что спутник его не выдержал и рассмеялся тоже.

Не в меру восторженному поклоннику зимы было лет двадцать, двадцать пять — трудно сказать точнее, потому как, хоть был он строен и двигался по-юношески легко, сложен был совершенно по-взрослому, бороду, густую и чёрную, носил уж далеко не первый год, да и голос имел что надо — глубокий, гулкий бас. Спутник его казался помоложе и победнее, и если первый в своём зелёном жупане и мехом подбитом плаще выглядел таким франтом, то второй был одет не так броско, зато добротнo, как одеваются для дальней дороги местные крестьяне или горцы. Шёл он, опираясь на посох и слегка прихрамывая, нёс за спиной потрёпанную котомку. Из-под чёрной, кáтаной, простецкого фасона шляпы выбивались спутанные рыжие пряди. Эти двое, похоже, были в пути уже не первый день, пробираясь не то в Равенцы, не то в Галлен. Дорога, укатанный санный проезд, могла завести и туда и туда, а поскольку до развилки было ещё далеко, то, повстречавшись, оба шли вместе, сведённые зимой, судьбой и дальней дорогой, да, может, ещё тем странным зудом, который круглый год уводит прочь из дома охотников, бродяг, поэтов и воров.

В это время года здесь было мало дичи и нечего было красть.

Жуга — так звали рыжего странника, или, по крайней мере, так он себя называл.

Поэт звался Вайда.

Была зима. Бесцветная, равнодушная, не очень холодная, но такая бурная, такая обильно-снежная, что старики в деревнях только диву давались, глядя поутру в окошко, — не могли они припомнить такой зимы, сколько ни ворошили в седой усталой памяти долгий свой век. И летописи молчали, а если и не молчали, то отсылали в прошлое так далеко, что сомнение брало: полно! Да было ли это? И неужто жили люди в ту пору? Старики качали головой и лезли обратно на печь, кряхтя недужно.

Наконец бородач отсмеялся.

— Срезал ты меня, Жуга! — молвил он, утирая выступившие слёзы. — Ох, срезал! Не о чем жалеть, значит? Да... И всё равно, до чего удивительная пора! Вот, послушай:

*Снят осины и берёзы.
Убаюканный морозом,
Больше не журчит ручей.
Разноцветье облетело,
Только изредка на белом
След, и тот неясно чей.*

— Здорово, — одобрил Жуга. — Сам придумал?

— Ага... О, гляди-ка! — Вайда неожиданно остановился. — А вот и след... Что скажешь, а?

Жуга подошёл поближе и нагнулся рассмотреть. Снял шляпу, взъерошил пятернёй волосы на затылке.

— Ну, этот след как раз очень даже понятно чей.

— Да я не об этом! — отмахнулся поэт.

— Я понял, что не об этом, — кивнул Жуга.

Мела позёмка, но свежий снег на обочине, белый, рыхлый, тронула походкой маленькая босая нога.

— Нешто человек? — поразился Вайда.

— Да вроде бы, — несколько неуверенно согласился Жуга. — Ребёнок, наверное, или девчонка... Других не видишь следов?

— Нет... Что за притча! И охота кому-то босиком по снегу!

Жуга выпрямился и огляделся окрест.

Белые, укрытые снегом поля были пусты — ни кустика, ни деревца, ни человека, ни зверя, лишь далеко впереди темнела опушка зимнего леса.

— Никого?

— Никого.

— Ну дела...

Потоптавшись, оба переглянулись, пожали плечами и молча двинулись в дальнейший путь.

Смеркалось. Ближе к ночи неожиданно потеплело. Небо затянула сизая облачная пелена. Большими пушистыми хлопьями повалил снег. Вскоре двое приятелей добрались до леса. Ветру сюда пути не было, снег падал чинно, степенно и мягко кружась. Побродив окрест, Жуга облюбовал небольшую поляну, Вайда выбор одобрил, и решили заночевать прямо здесь. В темноте расчистили место, из-под седой разлапистой ели надёргали сушняка, и вскоре под котелком заплясал, зябко похрустывая дровами, робкий зимний костерок.

Вайда расположился поудобнее, стянул, покряхтывая, сапоги и поставил их ближе к огню; посмотрел с неодобрением на свои сбитые, в мозолях, ноги и полез в сумку за провизией. Жуга, в свою очередь, развязал мешок, понавывтаскивал засохших, узлом скукоженных кореньев. Вынул

нож, искрошил в котелок два-три корешка, задумался на миг и добавил ещё. Вода вскоре закипела, приобрела неприятный бурый цвет. Жуга размешал варево, ловко подцепил котелок и поставил его на снег. Помахал рукой, сморщился.

Вайда нерешительно покосился на остывающий взвар, понюхал и скривился:

— Это что... вот это — пить?

Жуга усмехнулся:

— Полощи.

— А-а...

Рифмач придвинулся ближе, взял протянутую другом берестяную кружку, зачерпнул и подождал, пока не остыло. Попробовал, выплюнул. Ещё раз и ещё.

Жуга поворошил прутиком костёр, глянул выжидательно.

— Всё ещё болит?

— Вроде как потише.

— Зачерпни ещё... да погоди ты — горячо.

— Мм... Слушай, а ведь и впрямь помогает!

— Ну, дык... — понимающе усмехнулся травник.

В котелке убыло. Вайда потянулся было снова, да передумал и отложил кружку.

— На завтра решил оставить?

— Ага.

— А чай где заваривать? Выливай, ну его к лешему.

Натаяли свежего снега, засыпали чаю. На расстеленном платке разложили хлеб, две-три луковицы, тугое кольцо копчёной колбасы. Некоторое время молча жевали, прихлёбывали, обжигаясь, прямо из котелка. Вайда, заметно повеселевший, ел вкусно, с охотой. Откинулся на одеяле.

— Ух, хорошо... Ну, спасибо тебе, друг Жуга, ох, спасибо! Мне ведь, право слово, спасу от этого зуба не было. Знаешь, как крючило!

— Ну, так вырвал бы его, и дело с концом. Чего волынку тянуть?

— Вырвать — ишь ты! Этак зубов не напасёшься... Да и боязно.

— Ну и дурак. — Жуга вытянул из кучи хвороста веточку, поворошил угли. — Щёку раздует.

— Думаешь?

— Раздует, раздует. Драть надо. А у тебя сапоги горят.

Рифмач ахнул и спешно потянул из костра сапоги — подошвы уже залоснились чёрным. Дымно пахло горелой кожей. Вайда скривился: «Тьфу, чёрт!», сунул их в снег, вытащил и оглядел со всех сторон. Вздохнул. Жуга усмехнулся.

— Ладно, хоть просохли.

— И то правда...

Натянув сапоги, Вайда улёгся на одеяле и потянул к себе небольшой округлый свёрток синего бархата. Развернул. Внутри оказалось что-то вроде бандуры, только поменьше и с девятью струнами. Жуга несколько

удивлённо смотрел, как тот любовно погладил пузатое деревянное донце и стал подстраиывать тонкие жилы струн.

— Ты ещё и поёшь?

Вайда прищурился хитро:

— А то!

— Ну-ну... — Жуга с сомнением потёр подбородок.

— Сомневаешься? — усмехнулся рифмач. Струна натянулась, зазвучала басовито. Вайда взялся за вторую. — Сам посуди: как петь с таким зубом, да ещё и по морозу? Тут уж, брат, я тебе скажу, не до песен.

— А теперь?

— А теперь совсем другое дело. Отчего ж не спеть? — Он смолк, задумчиво глядя в огонь. Нахмурился, бездумно перебирая струны.

— Про что петь будешь? — полюбопытствовал Жуга.

— А? — встрепенулся рифмач. — Вот про него. — Он кивнул на костёр и снова помрачнел. — Есть одна старая песня, не очень, правда, старая. Начало у неё весёлое, а вот конец... Впрочем, слушай.

Вайда тронул струны. Полилась мелодия, вроде не грустная, но такая, словно Вайда боялся громко играть, словно кто-то прятался за деревом, подслушивая. Струны пели мягко, упругим чистым перебором, и Жуга упустил миг, когда в музыку вплелись рифмованные строки:

*Коль заблудился ты в лесу,
Глухая полночь на носу
И волки сходят с гор,
Спокоен будь: не тратя слов,
Насобирай побольше дров
И разведи костёр.*

*Когда застанет дождь в пути,
Не знаешь ты, куда идти,
Но коль твой нож остёр,
Ты завернись плотнее в плащ,
Нарежь ветвей, построй шалаши
И разведи костёр.*

*Когда на землю ляжет снег
И солнце свой замедлит бег,
Забыв согреть простор;
Когда вокруг метёт метель
И лишь сугроб — твоя постель,
То лучший друг — костёр.*

*Когда горит в ночи окно,
Искрится старое вино,
Кипит весёлый спор,
Забудь свои обиды, друг,
Спешి скорей в тот тесный круг,
Где правит бал костёр.*

*Огонь не добрый и не злой,
Но плоть становится золой —
Суд королевский скор:
Тому, кто хочет быть собой
И жизнь прожить с прямой спиной,
Один путь — на костёр...*

Песня кончилась. Некоторое время оба молчали.

— Красиво, — наконец сказал Жуга. — Только как-то... жестоко.

— Какая жизнь, такие и песни, — вздохнул Вайда, пряча инструмент обратно в бархат. — Ладно, давай спать.

Развернули одеяла. Жуга подбросил дров и передвинул костёр в сторону. Смёл оставшиеся угли. Закутавшись плотнее, оба улеглись на прогретом пяточке земли, время от времени поворачиваясь с боку на бок, когда слишком припекало, и вскоре заснули.

* * *

Среди ночи Жуга вдруг проснулся. Царила полная тишина. Снегопад прекратился, лишь одеяла у обоих были запорошены тонкой белой пеленой. Травник сел и зябко поёжился. Огляделся.

Верховой полночный ветер расчистил небо, открыв бледный растущий месяц и густую россыпь звёзд. Через небосвод от края до края дымчатой белой лентой тянулся Чумацкий шлях. Костёр почти погас, лишь тлели, догорая, угольки. Жуга пощупал землю под собою — та была ещё тёплой. Спать не хотелось, наоборот, голова была ясная до звона в ушах. На душе было странно и тревожно. Непонятно откуда накатило чувство потери. Вот только... потери чего?

Он зевнул, привстал, расправил и набросил на плечи одеяло. Огляделся в поисках шляпы. Смятая и скомканная, та отыскалась в изголовье, Жуга расправил её и нахлобучил на голову. Во сне холод почему-то не так донимал, зато теперь проснувшееся тело срочно требовало тепла — тепла или движения: вдруг накатила резкая неужённая дрожь.

— Спишь, Вайда? — вполголоса окликнул Жуга. Тот не ответил, и Жуга нахмурился.

Что-то было не так, и через миг Жуга понял, что именно.

Слишком уж тихо было вокруг.

Он опустил на колени и тронул друга за плечо.

— Рифмач, — снова позвал он. — Рифмач, очнись! Рифмач!

Тяжёлыми каплями сочились минуты, а Жуга всё тряс и тормозил спящего друга за плечо, за руки, за волосы, пока стынущее в снегу тело, страшно тяжёлое и податливое, не завалилось с боку на спину и не замерло так. Холодный лунный свет посеребрил тронутые инеем волосы

и бороду. Влажным блеском отразился в невидящих глазах. Жуга вздрогнул и отшатнулся.

Из дальнего далёка вдруг донёлся тоскливый и протяжный волчий распев, отзвучал и смолк, не оставив после себя даже эха. Разом навалившись отовсюду, ватным комом вернулась тишина — ни шороха веток, ни снежного скрипа.

Ни сердцебиения, ни дыхания.

Вайда был мёртв.

* * *

Отец Алексей, приходский священник, жил на отшибе, на самом краю села, и когда ранним утром в окошко постучались, он нисколько не удивился и молча пошёл открывать: если входить в деревню с южной стороны, то его дом стоял первым, и прохожие в поисках ночлега, милостыни или воды частенько заходили сперва к нему и только после к другим.

Стоявший на пороге странник оказался молод и худ, смотрел устало, опирался на посох. Рядом, сооружённые из срубленной ели, замерли сани-волокуши; свежавывающий снег ещё хранил их неровный след — путник и впрямь шёл с юга. Сверху, закутанное в плащ, лежало закоченевшее тело.

Священник всё понял без слов, кликнул попадью. Та заохала, запритаила и, набросив тулуп, побежала к соседям. Вскоре явились два сонных ухватистых мужика, схожие фигурой и лицом — братья? — подняли покойника и унесли.

Деревня помаленьку просыпалась. Подходили люди, спрашивали. Плохие новости бежали быстро — к середине дня уже все знали о случившемся. Кое-какие деньги у рыжего паренька водились. Кошель перешёл из рук в руки, две бабки взялись обмыть и убрать усопшего, Ондражей, столяр, подрядился соорудить домовину. Прохожего человека проводили в дом, усадили за стол. Попадья поставила самовар, собрала снеди — тот не притронулся к еде, лишь выпил чаю и после, обсохнув и обогревшись в натопленной горнице, поведал в нескольких горьких словах, что случилось. Говорил он медленно, тяжело, часто умолкая и глядя в одну точку.

— Как звать тебя?

Паренёк поднял рыжую голову.

— Жуга.

— А его... как звали?

— Вайда.

— Откуда он?

— Откуда шёл, не знаю. В Старшей Кронице мы повстречались.

Священник помолчал.

— А промышлял чем?

— Ходил, странствовал... песни пел. Хорошие песни. Свои.

— Рифмоплёт, что ль? — спросил отец Алексей. Жуга кивнул. — А сам ты кто будешь?

— Травник я... Всё в толк не возьму, от чего он умер. Земля ведь ещё тёплая была, когда я его поднимал.

— Верю.

— И ночью оттепель была...

— Да.

— Он не мог так просто замёрзнуть.

— Наверное, не мог.

Бессильно подперев голову рукой, Жуга сидел за чашкой остывшего чая, изредка вороша всклокоченные волосы. Поднял взгляд — в кривозеркалье начищенного самовара отразилось худое измождённое лицо. Жуга прикусил губу и сжал кулаки.

— Куда его унесли?

— В церковь.

— Мне нужно... туда.

— Сиди, сиди... Там и без нас всё сделают как положено. Вечером сходим.

Жуга некоторое время молчал, взвешивая доводы, затем помотал головой.

— Нет, — сказал он, вставая. — У меня ещё есть девять дней. Пойдём сейчас.

Отец Алексей ничего не понял, покачал головой, но перечить не стал и молча принялся одеваться.

Бревенчатая маленькая церковь оказалась на удивление новой и ухоженной, только выстудилась преизрядно. Светились лампы у икон. За стеной потрескивала печь, оттуда мягкими волнами расходилось тепло. Наверху, в купольном сумраке виднелись размытые лики стеной росписи. Пахло ладаном.

Гроб с телом Вайды стоял у алтаря. Горели свечи в изголовье. Переодетый и причёсанный, рифмач лежал словно живой, и лишь лицо его, непривычно бледное и спокойное, выдавало истину.

— Где его похоронят? — хрипло спросил Жуга и закашлялся. Звук за метался эхом в гулкой церковной пустоте и затих в углу.

Отец Алексей пожал плечами:

— Здесь. А почему ты спрашиваешь?

— Не всегда лицедеёв хоронят на кладбище.

— Он ведь православной веры?

Жуга не знал точно, но кивнул, нимало не колеблясь: «Да».

— Тогда как и всех — на погосте. Я поговорю с поселянами, к завтраму выкопают могилу.

Жуга покачал головой, поднял взгляд на священника, и голубые глаза его так ярко вдруг блеснули, отразив свечное пламя, что отцу Алексию сделалось не по себе.

— Не надо, — тихо сказал Жуга. — У меня больше нет денег.

Он покосился на гроб и снова вздохнул.

— Я сам буду рыть.

* * *

Солнце клонилось к вечеру, когда Жуга, скользя и опираясь на посох, медленно поднимался на гору, где примостилась чёрная хибара деревенской кузни. В кузницу вела тропинка. Узкая, плотно утоптанная, она подходила к самым дверям и после убежала дальше, спускаясь к воде, к пробитой в речке проруби. В кузне явно кто-то был: тонким звоном пела под ударами молотка наковальня. Жуга не стал стучаться — всё равно бы не услышали — и, подойдя, сразу открыл дверь, вошёл и огляделся.

Внутри было жарко и сумрачно. В дальнем углу был сложен очаг дикого камня, там багровым отсветом мерцали угли. В другом углу примостился низкий стол-верстак, на котором вповалку лежали разновеликие клещи, молотки, зубила и другой кузнецкий инструмент. По стенам был развешан всяческий готовый товар — крючья, засовы, петли ворот, серпы, косы, скобы, не то тележные, не то бочарные обода, три-четыре топора и множество подков, рядом нанизанных на толстый гранёный прут.

Человек у наковальни поднял голову.

— Не стой на пороге! — крикнул он, весело блеснув зубами. — И дверь закрой — дует!

Жуга замешкался, затворяя скрипучую дверь, а когда повернулся обратно, молот в руках кузнеца уже плющил горячее железо, наполняя маленькое помещение звоном и грохотом.

— Будь здоров, коваль! — крикнул Жуга, силясь перекрыть шум.

— Здорово, коль не шутишь, — кивнул тот и ловко перевернул клещами красную болванку.

— Я...

— А ну, подсоби! Удержишь?

— Попробую...

Жуга опомниться не успел, как уже сжимал в руках ещё тёплые рукоятки клещей. Мастер поплевал на ладони и ухватил молот обеими руками:

— Эх, вашу мать!..

Молот взметнулся высоким косым замахом, и Жуга вздрогнул, ощутив руками эхо гулкого удара. Молот плясал свой тяжёлый танец, давил, плющил и гнул податливый красный металл, а тот остывал, постепенно тускнея.

— Держи! — Кузнец остановился и мотнул головой в сторону очага. Приблизился. Грудь его ходила ходуном. — Туда его, понял?! — крикнул он гостю чуть ли не в самое ухо.

Жуга кивнул и развернулся, заталкивая болванку в огонь. Кузнец бросил молот и схватился за верёвку. Сипло задышали мехи. Угли вспыхнули, дохнули жаром, и вскоре глазам стало больно смотреть на раскалённую заготовку. Кузнец метнулся к наковальне, указал рукой:

— Давай!

Брызнули искры, и Жуга понял, что настоящая работа только началась. Теперь кузнец бил в полную силу, вкладывая душу в каждый удар. Жуга силится уловить этот краткий миг, посмотреть, что у них получается, и всякий раз невольно смаргивал. От звона закладывало уши. Но шло время, и вскоре на чёрном поле наковальни замаячил знакомый силуэт — лемех.

— В воду! — крикнул кузнец.

Жуга огляделся и, завидев поблизости бочку, полную воды, шагнул к ней.

Забулькало. Взметнулся пар, а когда его клубы рассеялись и Жуга вытащил готовый лемех наружу, кузнец уже снимал кожаный фартук. Снял с гвоздя рубашку, надел. Зачерпнул ковшом воды, жадно, большими глотками выпил чуть ли не до дна и зачерпнул ещё. Протянул Жуге — пей, мол. Тот с благодарностью кивнул и принял ковшник: в горле пересохло, вдобавок он совсем сопрел в своём полушубке.

Кузнец поднял лемех и повернулся к очагу. Сощурился, рассматривая.

— Хорош, а? — обернулся он, осклабился, и Жуга вдруг с удивлением увидел, что перед ним вместо кряжистого широкоплечего мужика, каким он всегда представлял себе кузнеца, стоит невысокий жилистый парнишка чуть старше его самого, весь в саже и копоти, с весёлой улыбкой на чумазом открытом лице. Его длинные чёрные волосы перехватывал кожаный ремешок. Жуга невольно глянул на молот, который теперь показался ему совершенно неподъёмным.

— Тебя как звать? — спросил кузнец, набрасывая поверх рубашки старый нагольный тулуп. Сдёрнул шапку с гвоздя.

— Жуга.

— Ну, спасибо, Жуга, вовремя подоспел... Чего пришёл-то?

— Кирку мне надо. Да и лопата не помешала бы. Люди посоветовали у тебя спросить. Дашь?

— Кирка? — Паренёк потёр подбородок. — Если найдётся, отчего бы не дать. — Он порылся в груде железяк, сваленных в углу, и вытащил средних размеров кирку без рукоятки. — Вот. А зачем тебе?

— Могилу копать.

— А. — Паренёк помрачнел. — Так это ты пришёл сегодня с этим, который замёрз?

— Я.

— Ну что ж, хоть и грех так говорить — Бог тебе в помощь.

— Благодарствую. Ладно, пойду я, пожалуй.

— Копать? Прямо сейчас? — поразился кузнец. — Ты что, очумел? Вечер ведь. Вот что: я в баню сейчас, а тебе, я вижу, тоже вода не повредит. А после посмотрим, чем тебе помочь.

— Да я... — начал было Жуга — и вдруг ощутил, как ноют руки и ноги, как давит на плечи мягкими рукавицами дневная усталость, течёт по телу кислый едучий пот, и умолк.

— Правда твоя, — признал он, — баня — это сейчас было бы самое то.

— А я что говорю! — Паренёк завернул в мешковину откованный лемех и пинком растворил дверь кузни. — Пошли.

У порога Жуга задержался, отметив мимоходом, что на улице уже стемнело.

— Тебя как звать? — спросил он.

Имя, прозвучавшее в ответ, было резким, как удар молота.

— Збых.

* * *

После бани и нескольких кружек душистого липового чая с мёдом Жуга разомлел. Его грязную рубашку Збых запахал в корзину и дал взамен чистую из своего запаса, белую, с затейливой вышивкой.

— Бери. Кажись, эта впору будет.

Рубашка повисла на травнике, как на вешалке.

— Жена вышивала? — спросил Жуга, рассматривая узор.

— Сестра.

— Она здесь сейчас?

— К подружке в соседнюю деревню отправилась.

— Что ж так — в соседнюю?

— Да нашенькая она... подружка, в смысле. Замуж вышла, к мужу и переселилась. А ты откуда будешь?

— Издалека. С гор.

Слово за слово Жуга рассказал новому знакомому обо всём, что случилось в лесу. Збых слушал, рассеянно кивая и изредка спрашивая о чём-нибудь. Хмурился, качал головой. Наконец поднял взгляд.

— Ночлег нашёл, нет?

— Нет. Разве только у отца Алексия...

— Ну, это ни к чему. Раз такое дело, оставайся покамест у меня. Денег не надо.

Жуга помолчал, отставил глиняную кружку с остывшим чаем и некоторое время сидел недвижим. Пожал плечами.

— Неудобно как-то...

— Да брось, всё равно бобылём живу.

— А сестра?

— А что сестра? Она у меня девка с понятием. Считаю, я тебя погостить зазвал. Так что лезь вон на полати.

Жуга, который впервые за весь день поел с охотой, теперь молча сидел за столом, прислонившись к натопленной печке. Глаза смыкались, говорить не хотелось, и спорить он не стал, лишь кивнул благодарно, лёг, накрылся полушубком и вскоре уснул.

Збых ещё некоторое время сидел один, задумчиво глядя в стол. По правую руку от него, словно соринка в глазу, маячило чёрное. Кузнец повернул голову и вздрогнул: на миг показалось, что рядом на лавке свилась кольцами тонкая чёрная змейка. Збых похолодел, но тут же вздохнул с облегчением, припомнив, как Жуга за разговором кромсал ножом узкий лоскут сыромятной кожи, и потянул «змейку» к себе. То был затейливо плетённый кольцом ремешок с узелками. Узелков было много, десятка полтора, и Збых всё время сбивался, пытаясь их счесть. Махнув рукой, он бросил эту затею, зевнул, перекрестился на образа, погасил свечу и полез на печь.

* * *

Шорох шагов? Скрип несмазанных петель в ночной тишине? Дуновение холода? Збых не смог бы ответить, что его разбудило, но так или иначе среди ночи он открыл глаза и более не смог уснуть.

Едва стемнело, сразу со всех сторон налетел ветер-баламут, разметывая по полям сухой колючий снег, шуршал по крыше, царапался в окна, завывал дурным голосом. В избе было тихо и тепло. Мерцала огоньком лампада. Постель Жуги была пуста. Збых решил, что странник вышел по нужде, но прошло пять минут, десять, и кузнец не на шутку растревожился. Он слез с печи, оделся и вышел на двор.

— Жуга! — позвал он. — Жуга, ты где?

Ответа не было.

У крыльца брала начало и терялась за воротами цепочка полужаметных следов. Обеспокоенный, Збых вернулся за шапкой, подпоясался, прихватил фонарь и рукавицы и двинулся на поиски.

Мело. Закрываясь от ветра рукой и пригибаясь к земле, кузнец медленно пробирался вдоль тёмных, укутанных снегом домов. Изредка останавливался, светил фонарём — снег быстро сглаживал неровности, но в деревне было от силы десять домов и всего одна улица, да и тучи постепенно разошлись, объявилась луна, и вскоре следы привели его к паперти. Збых потоптался в нерешительности, хотел постучаться, да раздумал, загасил фонарь и лишь потом, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь и проскользнул внутрь.

Жуга был здесь, хотя разглядеть его было трудновато — в трапезной горели только лампады и две толстые свечи в изголовье гроба. Было тихо,

и в этой гулкой тишине неясным эхом расползлся по углам негромкий отчётливый шёпот. Збых похолодел, хотя сам не понял почему: было в этом шёпоте такое, отчего кузнец скользнул в тёмный угол и затаился. Обитая войлоком дверь закрылась мягко, без звука, лишь сквозняк тронул пламя свечей, и стоявший у гроба рыжий паренёк ничего не заметил, поглощённый своим занятием.

Жуга творил наговор.

Збых потом не мог бы вспомнить, сколько простоял он в этом закутке, тараща глаза в церковный полумрак. Сперва ничего не происходило.

Потом появился свет.

Он возник ниоткуда — струистое блестящее сияние рождалось в пальцах у Жуги, сгушалось, странной светлой тенью мерцая на фоне черноты. Потом шёпот травника смолк. Дымная тень вытянулась неровным облачком и плыла уже сама по себе, направляясь к покойнику. Кузнец поёжился — слишком уж быстро двигалась она, — а затем вздрогнул от неожиданности: показалось вдруг, что мертвец шевельнулся в гробу. Збых поднял руку протереть глаза и чуть не закричал, когда открыл их сызнова: Вайда поднимался — медленными, неверными рывками, ухвативши края домовины! Глаза его были открыты и пусты.

Крик свой кузнец удержал, хотя сам бы не сказал как, но теперь уже поздно было скрываться: Жуга, заслышав шорох, обернулся.

— Ты?! — выдохнул он, делая шаг навстречу.

Рифмач с глухим стуком рухнул обратно. Пламя свечей дрогнуло, одна погасла.

— Я! — с вызовом бросил Збых и вышел из угла. — Ты что творишь, нелюдь, в божьем храме?! — Кузнец выпрямился во весь рост, угрюмый, жилистый. Его не так просто было испугать. — А я-то тебя к себе в дом...

Жуга обернулся на гроб, на кузнеца, снова на гроб и с искажённым лицом заметался меж ними, словно зверь в капкане. Замер на миг, сию секунду сорвать что-то с руки — мелькнула знакомая кожаная полоска, — и вдруг вихрем налетел на кузнеца, крича страшно и отчаянно. Збых, который уже двинулся к нему, засучивая рукава, опешил и сдал назад.

— Убирайся! — кричал Жуга, размахивая руками, словно мельница. — Я не смогу теперь её сдержать! Беги, чтоб тебя!.. Беги, пока не поздно!

Силой Господь Збыха не обидел, как говорится, съездит по уху — дверей не найдёшь, но рыжий паренёк, гибкий и вёрткий как белка, и странные слова до того ошеломили кузнеца, что опомнился он, лишь когда Жуга уже выталкивал его в раскрытую дверь. Опомнился — и заработал кулаками.

Лишь потом до него дошло, как странно, нелепо дрался Жуга. Он метался, кружил, не по делу оборачивался, пропуская глупые удары, тряс головой, цедил воздух щербатым ртом и вновь наседали, тесня Збыха то

к двери, то прочь от неё, то вовсе в сторону. Пред взглядом кузнеца мелькали руки, ноги и безумные глаза, и всё время казалось, будто нечто, сверкая, дымно маячит у травника за спиной. Збых запомнил миг, когда он, изловчившись, сбил противника с ног и склонился, заноса кулак, но в глазах блеснуло серебром и что-то бухнуло в затылке, шею пронзили сотни ледяных иголочек и сердце бешеным галопом рвануло из-под рёбер.

После не было ничего.

* * *

...мрак...

...голоса во мраке...

...словно в глубоком-глубоком колодце...

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

здесь

кто

?

кто

здесь

... ..

...вверх ...

... ..

(?здесь ... кто... здесь?)

.....

...вниз ...

.....

...

.

«Пусти...»

«Кто ты?»

«Я... я...»

«Кто ты?!»

... ..

Мягкие лапки скользят по щеке.

Ледяные сосульки коготков.

Искры в глазах.

... ..

«Впусти меня!»
 «Я... не могу...»
 «Отпусти меня!»
 «Не могу!»

 «?»
 «!»

Пушистая лапка скользит вниз по шее... Холод в затылке.
 Густой, непроглядный мрак. И кружится... кружится...

!впусти меня!
 кто ты?!?!?! кто ты
 впусти меня?!?!?! впусти меня
 кто ты?!?!?! кто ты
 !впусти меня!

!янепомнюнепомнюнепомнюнепомню!

«Збых!»
 «?..»
 «З Б Ы Х!!!»
 «!!!»

* * *

Тёплая ладонь коснулась лба, темнота раскололась двумя белыми вспышками, веки поднялись и тут же опустились — свет был слишком ярко. Прошла, наверное, минута, прежде чем Збых смог нормально видеть.

Он лежал у себя в избе, возле жарко натопленной печки, укрытый до подбородка одеялом. За окном давно рассвело. Збых приподнялся на локтях и повалился обратно на подушку — так сильно закружилась голова. Поднял руку, ватными пальцами коснулся лица.

— Лежи, не вставай, — послышалось сбоку.
 Збых повернул голову. Рядом сидел Жуга.
 — Что... со... мной?
 — Потом объясню, — буркнул травник, вставая.

Он взял ухват, сдвинул печную заслонку и с головой залез в устье. Вытащил небольшой, накрытый крышкой горшок, поставил его на стол, нацедил из него через тряпочку.

— На, подкрепись, — протянул он дымящуюся кружку.

Збых пригубил и подул, остужая. Отпил глоток. Топлёное молоко с малиной и травами. Он выпил всё и протянул пустую кружку. В горле по-прежнему было сухо.

— Ещё...

— Хватит пока, — рассудительно сказал Жуга, принял кружку и поставил её на стол.

На руке ощущалось что-то жёсткое. Збых поднёс ладонь к лицу. Левое запястье оплетал тройным кольцом давешний ремешок с узелками.

— Что... это?

Жуга перехватил его взгляд и нахмурился.

— Оберег. Так надо. Я тебе потом объясню, а пока не снимай. Нипочём не снимай, слышишь?

Накатила дремота. Веки смыкались сами собой.

— Что... ты... натворил?

Жуга помолчал.

— Зря ты за мной увязался, — наконец неохотно сказал он. — Ну да ладно. После будем думать, что к чему, а пока спи. Как ты себя чувствуешь?

Збых сглотнул.

— зуб болит.

Жуга вздрогнул и промолчал.

* * *

— Эй! Жуга! Погоди...

Жуга обернулся.

Вниз по улице за травником чуть ли не бегом поспешал какой-то бородач. Догнал, поравнялся и остановился перевести дух.

— Уф... Совсем запыхался! День добрый.

— День добрый, — кивнул в ответ Жуга. — Меня звал, что ли?

— Ага. Я...

— Ну, так меня Жуга зовут, а не Жузга... Чего кричал?

— А, ну извиняй, если обидел ненароком... Ты ведь вроде травник, а?

— Ну, положим.

— Дело у меня к тебе. Ведь раз ты, парень, травник, то и в заговорах разных тоже смыслить должен. Ты ведь не при деньгах сейчас?

— С чего ты взял?

— Слухами земля полнится. Помоги, а? А уж я в долгу не останусь.

Жуга некоторое время не отвечал, разглядывая незнакомца. Это был среднего роста нестарый крестьянин с рыхлым, землистого цвета лицом, одетый в добротный, хоть и не новый полушубок, шапку и сапоги. Не бедняк, но и не очень уж зажиточный, так, серединка на половинку.

— А что стряслось? — спросил Жуга.

Мужик в полушубке замялся. Поскрёб в затылке.

— Да как тебе сказать... В двух словах не обскажешь. Вот что: живу я рядом, пошли ко мне? Посидим, поговорим, а то чего на морозе стоять...

— Как тебя звать?

— Меня-то? Вацлав.

Жуга вздохнул и задумался. Спешить сегодня и впрямь было некуда.

— Что ж, пойдём.

Изба у Вацлава оказалась — всем избам изба: пятистенная, с резными окошками и большим крытым подворьем. Отряхнувши на крыльце снег с башмаков, Жуга оставил в сенях полшубок и шапку и вслед за хозяином прошёл в опрятную горницу. Как и следовало ожидать, жил Вацлав не один — у печки суетилась жена, а с печки поглядывали трое ребятишек — две девочки-двойнятки лет семи да мальчонка чуть помладше. При появлении незнакомца троица поспешно спряталась за занавеской.

— Проходи, друг Жуга, садись, садись. — Вацлав кивнул на скамью и уселся рядом. Глянул на жену, молчавшую настороженно, нахмурился, прикрикнул сердито: мол, не стой ступой, носи всё, что есть, на стол. Та засуетилась, застучала посудой. На столе появились щи в горшке, каравай, разные закуски, пироги, яйца, сыр, молоко и большой жбан с пивом. Вацлав крикнул довольно, подсел поближе.

— Ну, закусим, чем Бог послал!

Осмелев, вылезли наружу ребятишки и, получив по куску пирога, остались сидеть.

Раскупорили жбан. Пиво оказалось густое и крепкое. Съели по чашке щей, ещё по одной. Наконец, когда на столе появился самовар, Жуга решил, что пора переходить к делу.

— Ну, хозяйева, спасибо за угощение, пора и дело знать. Говори, Вацлав, зачем звал.

— Значит, так, — налив себе чаю, начал тот. — Уж полгода, наверное, будет с тех пор, как у нас неладное творится. Я уж кого только не просил помочь — и батюшку, и бабуку Нису, да всё без толку. Всяк толь...

В углу как будто кашлянули. Вацлав поперхнулся, выронил блюдце и остолбенело уставился на гостя. Чай разлился по скатерти. Хозяйка ахнула и прикрыла рот ладошкой. Жуга бросил быстрый взгляд на хозяйна, на его жену, на стол перед собой и вздрогнул: кусок пресного пирога, взятый с общей тарелки, сам собой съехал на скатерть и теперь ползком, как улитка, медленно пробирался меж чашек обратно. Послышалось хихиканье.

Ни секунды не медля, Жуга вскочил, опрокидывая лавку, рука сама нащупала за поясом шершавую ореховую рукоять, и через миг его нож пригвоздил самоходный пирог к доскам столешницы. «Ай мэ!» — тихо вскрикнули под потолком. Стоявший возле печки берёзовый веник шаркнул по полу и безо всякой причины взвился в воздух, целясь прутьями в лицо. Жуга, не глядя, сбил его ударом кулака, вскинул руки и выкрикнул коротко: «*Кумаш!*» Упала, звеня, печная заслонка, и всё стихло. Жуга постоял с минуту, настороженно прислушиваясь, шумно выдохнул, поднял и утвердил на место лавку, сел и налил себе чаю. Выдернул нож, тронул

дырку на скатерти, покачал головой, откусил пирога и стал жевать как ни в чём не бывало. Вацлав со страхом смотрел на него, словно Жуга уплетал живого ежа.

— Славные у тебя пироги, хозяйка, — хмуро сказал травник, прожевав-шись. Повернулся к Вацлаву. — Теперь выкладывай начистоту, что и как.

— А... *это* не вернётся?

— Пока я здесь, не вернётся.

Хозяин собрался с духом и торопливо, сбивчиво начал.

Он не помнил, когда началось. Вроде бы летом, а может, осенью. В тот год стояли табором цыгане у села. Вели себя чинно, коней не крали, а если и крали, то в других деревнях. Жили у себя, а в село навевывались за пивом да посудачить. Андрлик, тесть его, который пиво варит, здорово тогда нажился. Опять же, и ребятишки ихние в село закахивали, пели, плясали, попрошайничали. Таскали, понятное дело, что плохо лежит. А как уехали, тут, значит, началось вот это... это вот... вот это самое.

Воцарилась тишина.

— Ну, — хмуро спросил Жуга, — что же ты умолк?

— Дык ведь всё вроде... — пролепетал тот, потупившись.

Жуга поднял взгляд, посмотрел Вацлаву в глаза.

— Всё, говоришь? Ну что ж, раз так... Спасибо за хлеб, за соль. — Он встал. — Пойду я, пожалуй.

Вацлав растерянно захлопал глазами.

— Эй, погоди! Это как же... как же это...

Жуга обернулся. Лицо его скривилось.

— Думать надо было! — хмуро сказал он. — Бог знает, чего ты там для цыганчат пожалел. Может, хлеба они просили, может, юбку старую или рубаху скрали... Не ведаю я, раз молчишь. Сам тоже, поди, нажился на них, а менки пожалел.

— Дык ведь я... — закудахтал Вацлав. — Кто ж знал! Ведь надоели ж хуже горькой редьки, нехристи! Ну отодрал я двоих ремнём, чтоб не шастали где попало... пацана с девкой... Кто ж знал!

— «Кто ж знал!» — передразнил Жуга и опустился на лавку. Помотал рыжей головой. Вздохнул. — Хитрые они. Даже дети малые, и те у них могут кой-чего. *Вераку* тебе подсунули. Или *тырфву*, чёрт их разберёт...

Хозяйка и ребятишки сидели тише воды ниже травы. Вацлав растерянно молчал. Чесал в затылке.

— И... что теперь?

— В дом ты их пускал?

— Нет...

— Пошли на двор.

Во дворе Жуга огляделся, прошёлся туда-сюда и решительно направился под навес-дровяник.

— Осенью дрова склал? Летом?

— Летом...

Жуга неторопливо двигался вдоль поленницы, дотошно ощупывая дрова, вытаскивал щепки и куски коры. Посадил занозу, сморщился: «Здесь нет». Прошёл дальше, потом ещё чуток, и Вацлав уже отчаялся, когда из-за третьей поленницы вдруг донеслось торжествующее «Ага!» — и показался травник.

— На, держи.

Вацлав с изумлением уставился на его находку. То были две грубые деревянные куклы, наряженные в пёстрое тряпье. Ни рук, ни ног у них не было. Нарисованные углём лица скалили зубы.

— И это всё?! — опешил крестьянин.

— Всё.

— Гм, это же надо, а? Скажи кому — не поверят. Ведь даже рук нет...

— А руки ихние по избе твоей шарили, — усмехнулся Жуга.

Вацлав повертел деревяшки в руках, покосился на травника.

— Что мне с ними делать?

Жуга пожал плечами.

— Хочешь — сожги, а нет — девчонкам отдай. Аккурат две штуки. Теперь можно, теперь от них вреда не будет.

Вацлав содрогнулся:

— Ну уж нет! Хватит лукавого дразнить. В огонь их, в плиту! Да слышь-ка... — Он замялся. — А ну как вернётся эта пакость? — Травник покачал головой. — Ага... Ну, спасибо тебе! Век благодарен буду. — Он сунул кукол в карман. — Так как насчёт денег? Двадцати менок хватит? Сочтёмся, а? Вот и славно, за мной не залежится. А сейчас, такого дела ради надо бы того... пропустить по кружечке. Пошли-ка в дом, друг Жугуц, отпразднуем!

Жуга поднял голову.

— Жуга.

— Что? — обернулся Вацлав.

— Меня зовут Жуга, — хрипло сказал травник и, повернувшись, зашагал вниз по улице.

* * *

Збых проснулся ближе к вечеру и долго лежал без движения, глядя, как трудится в тёмном углу под потолком паук над своей сетью. Рваной шелухой опадали остатки странных, непонятных снов. Шум в голове прошёл, и лишь слабость, противная и доселе кузнецу совершенно не знакомая, мешала нормально думать и двигаться.

Хлопнула дверь. Вошёл Жуга, отряхивая снег.

— Давно проснулся? — Он скинул полушубок и подошёл, протягивая к печке красные с мороза ладони.

— Только что. — Збых приподнялся и сел. Голова закружилась.